

4517.126

Т. ЛОМАКИН

ПУТЬ ШТАНГИСТА

Т. ЛОМАКИН

4517.126
Л 74

ПУТЬ ШТАНГИСТА

Литературная запись

В. Викторова

Библиотека Дворца культуры

Физической культуры

БИБЛИОТЕКА

№ 40450

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1953

*Посвящаю эту книгу моему другу,
чемпиону мира,
заслуженному мастеру спорта
Аркадию Никитовичу ВОРОБЬЕВУ.*

ОТ АВТОРА

События, описанные в этой книге, охватывают небольшой срок — всего семь лет. Именно за это время два ранее никому не известных паренька прошли путь от физкультурников-новичков до заслуженных мастеров спорта. Но за этими немногими годами стоят десятилетия славной истории русской тяжелой атлетики, давшей миру знаменитых русских силачей, прославивших свою родину. Нам было у кого учиться, нам было с кого брать пример.

Разве смогли бы мы так быстро добиться успеха, не имея за плечами школы русской тяжелой атлетики, опыта наших старших товарищей, предшественников славных традиций этой школы?

Когда я задаю себе этот вопрос, то тут же вспоминаю Александра Васильевича Бухарова, «дядю Сашу», как любовно и почтительно называли мы все старейшего русского атлета; я вижу перед собой могучую фигуру Якова Григорьевича Бухарова — замечательного спортсмена, коммуниста, заместителя парторга нашей команды; Нико-

лая Ивановича Шатова — первого советского рекордсмена мира, показавшего всем нам, молодым спортсменам, путь к высшим достижениям; Александра Ивановича Божко—первого заслуженного мастера спорта, с которым мне довелось вести борьбу; Николая Ивановича Лучкина — тренера моего друга и самого опасного соперника в спорте Аркадия Воробьева; моих тренеров Алексея Михайловича Жижина и Израиля Бенециановича Механика. И я отвечаю себе: нет, не смогли бы. Наш путь — это только небольшой отрезок того большого пути, который прошли тяжелоатлеты России и Советского Союза.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Весну 1947 года я встречал в одном из городов Дальнего Востока, где каждый кусочек земли, овеваемой ветрами Тихого океана, напоминал нам, солдатам Советской Армии, о славной победе, одержанной здесь во время Великой Отечественной войны.

Полк, в котором я служил, в годы войны входил в состав частей Советской Армии, первыми нанесших удар по японцам. Громя их квантунскую группировку, мы прошли через всю Маньчжурию, завершая ту войну, которая началась четыре года назад вторжением квантунских полчищ в западные пределы Советского государства.

После войны командование послало меня, пехотинца, в военную школу учиться на мастера по авиационным приборам. Окончив учебу, я, младший сержант, был направлен снова на Дальний Восток.

Я быстро сдружился с новыми товарищами, полюбил просторы аэродрома, четкий ритм авиационной жизни, смелых и сильных людей — летчиков. Но вот как в свободное от службы время я чувствовал себя

одиноким. Мои друзья — старший сержант Анатолий Дзогут, радист Дмитрий Холуянов, старший сержант-оружейник Юрий Илиневич, сержант Николай Голубцов — все с увлечением занимались спортом. Для меня же слово «спорт» было пустым звуком. Я не ходил на соревнования и ни разу в жизни не переступал порога спортивного зала.

С удивлением смотрел я на товарищей, которые после напряженного трудового дня, вместо того чтобы отдохнуть, погулять, хватали чемоданчики и убегали на тренировку. Слово «тренировка» для меня почему-то связывалось с чем-то тяжелым, тянущим плечи, как груз в часы долгого похода, когда пыль смешивается с потом, хочется пить и страстно мечтаешь только об одном: о привале.

— Куда вы торопитесь? — говорил я товарищам. — Ведь с раннего утра на ногах. Передохнули бы, а потом пошли в кино или посидели в парке.

Но друзья только усмехались и уходили, оставляя меня одного.

Так уж сложилась моя жизнь, что ни в детстве, ни в юности я не занимался спортом. Правда, в армии мне приходилось посещать занятия по физической подготовке, но это была только часть воинской учебы, как стрельба, как марши. И упражнения на гимнастическом турнике во дворе казармы, и метание гранаты, и преодоление полосы препятствий никак не связывались в моем сознании со словом «спорт». То, что мои товарищи сами, добровольно в свободное время занимались физкультурой, поражало меня. А моих друзей, в свою очередь, поражало мое полнейшее равнодушие к спорту.

Каждый из них пытался увлечь меня. Дзогут убеждал, что я прирожденный центральный защитник

футбольной команды. Холуянов говорил, что я законченный метатель и мне нужно только взять в руки молот, чтобы стать мировым рекордсменом. Илиневич клялся, что мне уготовлена судьба чемпиона по гимнастике, а Голубцов брался подготовить из меня за одну зиму непобедимого лыжника.

В конце концов, убедившись в том, что никто из них в одиночку сделать со мной ничего не сможет, все мои товарищи объединились и вытащили меня как-то на футбол. Затем на спартакиаде я метнул гранату на 66 метров, а после этого меня уговорили испытать свои силы, подняв ось вагонетки. Эта самодельная штанга лежала на спортивной площадке около нашей казармы, и там обычно собирались в свободный час опытные силачи полка. Ось вагонетки весила около 90 килограммов, и все были очень удивлены, когда я легко, без видимых усилий поднял ее вверх на вытянутые руки.

Вот тогда-то и вступил в «заговор» моих друзей физрук нашего полка лейтенант Орлов. Он стал убеждать меня в том, что я рожден быть штангистом, что мне надо обязательно встретиться с майором Игумновым. Но я в ответ только пожал плечами. Ну, если поднимание тяжестей тоже спорт, тогда я и без майора Игумнова могу считать себя чемпионом. Столько тяжестей, сколько пришлось перетаскать мне, не поднимал, наверно, ни один прославленный штангист мира.

Я уже забыл об этом разговоре с физруком, когда однажды августовским вечером Юрий Илиневич, собравшись на очередную тренировку, стал уговаривать меня пойти вместе с ним.

— Там сегодня и майор Игумнов занимается, — сказал он как бы мимоходом.

И вот я переступил порог спортивного зала, окинул его взглядом, увидел взлетевшего ласточкой к потолку стройного гимнаста, выполнявшего упражнения на кольцах, а в стороне, у стены, сразу же заметил деревянный помост, окруженный группой широкоплечих людей. Посреди помоста стоял человек, затянутый в красное трико, со штангой в выпрямленных над головой руках.

Я подошел к помосту и стал в сторонке. Нет, это была не вагонеточная ось, с которой упражнялись в свободную минуту мои товарищи, а настоящая штанга — на длинный стальной брус с обоих концов были насажены большие чугунные диски.

Когда человек в красном трико опустил штангу, Илиневич подошел к нему и негромко, но так, что я услышал, сказал: «Привел, товарищ майор», и я понял, что речь идет обо мне и что человек в красном трико и есть Игумнов. А тот посмотрел в мою сторону и кивнул головой:

— Ну-ка, младший сержант, снимай ремень. Испытай свою силушку. Восемьдесят килограммов выжмешь?

Я улыбнулся. Подумаешь, восемьдесят килограммов! Мне ведь приходилось таскать стокилограммовые кули с сахаром, ворочать многопудовые гранитные глыбы. Сняв ремень, я подошел к штанге и легко поднял ее вверх. Все стоящие вокруг переглянулись.

— А восемьдесят пять возьмешь? — задорно спросил Игумнов.

— С вами вместе, товарищ майор, — ответил я, расхрабравшись.

Все рассмеялись. А когда я поднял и восемьдесят пять килограммов, и сто, и сто пять, Игумнов перестал улыбаться и сказал мне:

— Ну вот что, если будешь заниматься, станешь отличным спортсменом. Понял? Приходи на следующую тренировку.

Но на следующую тренировку я не пришел. На другое утро после посещения спортивного зала мне с трудом удалось подняться с постели. Ныло все тело — спина, руки, ноги, — будто это не штангу, а меня самого швыряли вчера на пол. Товарищи, глядя на меня, только посмеивались, а я, не в силах скрыть боли, злился и давал себе слово никогда больше не брать в руки штангу.

«Достаточно я перетаскал за свою короткую жизнь тяжестей, — говорил я себе, — достаточно потрудился с лопатой и кайлом. С меня хватит».

Напрасны были все попытки, все ухищрения Иллиновича снова заманить меня в спортивный зал. В ответ я твердил ему только одно: «С меня хватит!»

Но спустя неделю, в то время, когда я работал в самолете, проверяя приборы, за мной прибежал дежурный.

— Младший сержант Ломакин, к командиру полка.

Командир встретил меня грозно.

— Вы чего на тренировки не ходите? — спросил он меня. — Особого приглашения ждете? Тут майор Игумнов все телефоны сборвал.

Я стоял, не зная, что и ответить.

— Завтра в восемнадцать ноль-ноль быть на занятиях. Можете идти, — произнес командир полка и вдруг, посмотрев мне в глаза, увидев мое хмурое, сердитое лицо, внезапно рассмеялся и добавил: — Ну чего смущались? У вас, говорят, большие способности. Можете на всю страну прославиться и страну нашу

прославить на весь мир. Это понимать надо. Майор Игумнов все твердит, будто вы самородок редкой величины.

Тут-то я и не выдержал.

— Мне эти самородки вот где сидят, — сказал я, с сердцем хлопая себя по шее. — С детства только о них и слышал, сколько из-за них натерпелся, и вот пожалуйста, сам, оказывается, самородком стал.

Командир с недоумением смотрел на меня.

— Что-то не пойму, о чем речь ведете, — сказал он. — Садитесь, рассказывайте.

Вот что я рассказал командиру полка.

Ломакины испокон веков жили на Алтае, и все они — прадед мой, и дед, и отец — были старателями. Золото добывали. Наши места для этой работы самые подходящие. Много богатств таят в своих недрах Алтайские горы. Что говорить, привольные наши места. Раскинулось село Никольское, где я вырос, на берегу реки Баранча. Жители нашей деревни хлеб не сеяли — искали золото. Для этого и далеко ходить не надо было. Помню, еще мальчишкой таскал я отцу обед на прииск — всего полтора километра от дома. Так первые мои детские воспоминания связаны с золотом, с разговорами о нем. А по вечерам на шербатом столе раскладывал отец капсули, так назывались маленькие пакетики из бумаги, в которых приносил отец намытое золотишко.

Когда я подрос немного, то стал помогать отцу. Недаром говорят у нас — «мыть» золото. Вся работа золотоискателя связана с водой и проходит на берегу ручьев и речек. Старшие вскрывают пласт, добираются до золотоносного слоя, а мы, мальчишки, на лотке промываем песок и смотрим, не блеснет ли на его поверхности золотая солнечная искорка. Если добудешь

три-четыре значка — золотишки, уже чувствуешь себя героем.

Так семьей мы и трудились — дед мой, Трофим Федорович, отец, Федор Трофимович, и я, маленький Трофим (у нас в семье все нарекались Федорами и Трофимами).

Рано я стал работником. Изучил старательское дело: как жилу искать, как бить шурфы, как гнать лаву (так назывался на Алтае разрез открытой выработки).

Моют золото старатели круглый год — и зимой и летом. Но я зимой с отцом не работал. В школе учился. Отец у меня был не очень грамотный, но ученые уважал, и лучшим другом его был сельский учитель Василий Иванович Кузнецов. Здоровый был у меня папаша. В кулачных боях самый главный, и я, видимо, в него пошел, а может быть, от работы рано в плечах раздался.

Как бывало хотелось летним днем сбегать на речку и выкупаться, земляники собрать, кислицей полакомиться, смородиной, рыбу половить — у нас в реке рыбы было много: вьюнов, хариусов, пескарей. Но времени на это не хватало. Надо было отцу помогать. Валить в колоду песок, шуровать его гребком, работать на трототе. А часто мы надолго уходили из дому, искали новые жилы, по неделям жили в лесу.

В 1939 году окончил я школу, было мне тогда пятнадцать лет. Тут вернулся с якутских приисков мой единственный брат Александр. Рассказывал чудеса. Морозы вечная мерзлота, а люди в недра земли пробиваются, а шахтах золото добывают. Задумал я с братом уехать в Якутию. Отец к этому времени умер, да и до сих пор после рассказов брата мне тесно и скучно показались. Доехали мы до Бийска, потом до Иркутска, там там на пароход и поплыли вниз по Ангаре.

До Заярска трое суток добирались. Затем — на машинах в Усть-Кут и дальше, на реку Лену. Кругом только и разговоров о старательской работе. Кто ехал на Бодайбо, кто на Алдан, а мы решили добираться до Ыныкчана, за Якутск.

Семь дней мы плыли по Лене до Якутска, а там в ожидании парохода, который должен был везти нас дальше, устроились грузчиками в порт. Таскали на баржу провиант, мешки, бочки. Наконец двинулись на Усть-Аллах. Кругом тайга, болота. Река Аллах быстрая, порожистая. Течением лодки разбивало. От Усть-Аллаха шли пешком. Триста километров глухой тайгой, тропами. За весь путь встретился один прииск «Светлый». Ночевали в домиках, построенных в тайге специально для путников.

Так, наконец, добрались мы до Аллах-Юня, где находилось управление приисками. Там снова сели на лодку и спустились по Аллаху вниз до Усть-Ыныкчана. Вот какой путь пришлось проделать мне, пятнадцатилетнему алтайскому пареньку, прежде чем я начал работать на прииске Верхний Ыныкчан.

Привык я к трудной жизни на Алтае, но здесь мне показалось в десять раз тяжелее. Суровые места и люди суровые. Пошел я по баракам, по бригадам искать себе места, а меня никто не берет — слишком молод. Никто не верит, что у меня хватит силенок для тяжелой таежной работы. Еще август на дворе, а уже снег выпал, вода в ручьях ледяная.

Наконец встретил я среди старателей земляка из Бийска Прокопия Малышева. Сын у него, мой однолёт, вместе с ним работал, -- приняли меня в бригаду. И вот впервые на новом месте вышел я на работу.

Начали с того, что разложили на земле костры, «пожоги», как их там называют, оттаивали пласт. Пах-

во углем, дым ел глаза. Удивительным мне это показались: лето, а земля мерзлая. Зимой было еще труднее. Чтобы размягчить землю, клали в шахту раскаленные камни — бут. Многие стремились на поверхности трудиться, у колод с водой. А я старался в шахте работать, все же теплее.

Не один месяц прошел, пока, наконец, освоился в с тяжелым старательским трудом и стал полноправным членом бригады. Так прожил я в Якутии до 1942 года. Когда началась Великая Отечественная война, еще жарче принялись мы за дело. Ведь золото нужно было стране для того, чтобы бить врага. Золото, которое мы брали в мерзлой якутской земле, превращалось в боевое снаряжение, в орудия, самолеты.

Не знал я тогда, что, добывая золото для страны, добываю для себя не меньшую драгоценность — выносливость, силу. Но пришел день, когда эти качества мне очень пригодились.

Отделенные многими тысячами километров от фронта, внимательно следили мы, приисковые рабочие, за ходом гигантской битвы, с болью в сердце слушали каждый день по радио все более и более тревожные сообщения. Гитлеровцы наступали, рвались в глубину России.

Не раз я и мои товарищи по работе писали заявления с требованием отправить на фронт и неизменно получали один и тот же ответ: «Считайте себя на фронте». Но все же мечта моя сбылась. Однажды приехал в Аллах-Юня на прииск военный комиссар, вызвал меня и вручил повестку. Я простился с друзьями и через несколько дней уже плыл на пароходе в Иркутск.

Так оказался я на границе Маньчжурии и вместо винтовки в руки винтовку. Скрывать не буду, служ-

ба была нелегкой. И тут-то пригодилась мне физическая сила, закалка, полученные на работе.

Ко всему я, кажется, привык, а вот на следующий день после встречи с майором Игумновым с постели не мог подняться. Тогда я сказал себе: «Нет, хватит с меня. Достаточно я потаскал мешков, бадей с песком, гранитных валунов, тяжелой пехотной амуниции, чтобы еще и штанги ворочать. Да и зачем это мне: специальность теперь у меня тонкая, деликатная, имею дело со стальными волосками, пружинками, они не силы требуют, а нежности».

— Так что уж вы разрешите мне, товарищ командир, — попросил я командира полка, — к этому тяжело-му вопросу больше не возвращаться. А если надо спортом мне заниматься, так я что-нибудь полегче выберу.

Так закончил я свой рассказ, и командир полка, внимательно слушавший меня, сказал:

— Ну что ж, Ломакин, спорт — это дело добровольное. Неволить вас никто не будет. Одно замечу: вы вот старателем были, а того не понимаете, что майор Игумнов тоже старатель. Вот скажите: если бы вы нащупали в недрах земли самородок, успокоились бы, пока его не достали? Все жилы бы себе, наверное, растянули, тонны песка перекопали, а достали бы. Вот так и Игумнов. Нащупал он самородок и хочет достать его на пользу людям... Что же, ладно, можете быть свободным.

Но свободным, выйдя из кабинета командира, я себя не почувствовал. У меня все звучали в ушах его последние слова. Другими глазами после этой беседы взглянул я на майора Игумнова. Старатель! Это слово сближало меня с ним, делало понятной его настойчивость. Он искал способных ребят, готов был посвящать им все свое свободное время, учить их; и хотя

поднимание тяжестей я попрежнему спортом не считал, но в день очередной тренировки все же явился в спортивный зал.

— Прибыл! — радостно встретил меня майор Игумнов. — Хорошо! Ну что же, снимай ремень.

Пришлось ремень снять. Но дальше все пошло совсем не так, как в прежнее мое посещение. Никто не предлагал мне больше поднимать стокилограммовую штангу. После нескольких предварительных упражнений Игумнов сказал:

— Ну что же, Ломакин, принимаем тебя в наше братство. Становись на весы. — И, заметив мое недоумение, спросил: — Что, не знаешь для чего? Я объясню. Количество поднятых килограммов во многом зависит от веса спортсмена. Чем больше вес атлета, тем более тяжелую штангу он может поднять. Поэтому все тяжелоатлеты разделяются на весовые категории: легчайшая — до 56 килограммов, полулегкая — до 60 килограммов, легкая — до 67,5 килограмма, средняя — до 75 килограммов, полутяжелая — до 82,5 килограмма, тяжелая — от 82,5 килограмма и выше. Вот почему необходимо выяснить, сколько ты вешишь, — закончил свое объяснение Игумнов.

И когда стало известно, что мой вес равен 81 килограмму, мой тренер добавил:

— Ну вот будешь выступать в полутяжелом весе. Тебе предстоит изучить технику классического троеборья, в которое входят жим, рывок и толчок. Слышал что-нибудь об этом?

Я должен был признаться, что ничего не слышал и даже не подозревал, что штангу поднимают разными способами.

— Ну вот и отлично, — почему-то обрадовался Игумнов, — тем легче тебе будет изучить технику под-

нимания штанги. Но для этого тебе необходимо развить силу, выработать точность движений, быстроту реакции. Все эти качества нужны в каждом виде спорта, в том числе и в тяжелой атлетике. Сейчас я покажу тебе гимнастические упражнения со штангой. Вес будет небольшой, — добавил он с улыбкой, взглянув на мое помрачневшее лицо.

И в самом деле, все упражнения со штангой — выпады вперед, приседания, наклоны — проводились с небольшим весом и сразу понравились мне. Они приятно растягивали мышцы, были необычны по темпу, по разнообразию движений. И впервые в этот день я почувствовал, что в моих руках зажат не мертвый груз, а как бы живое сильное существо, которое покорялось мне, когда я действовал правильно, и сопротивлялось моим усилиям, когда я ошибался.

Потом я смотрел, как занимались другие спортсмены, и Игумнов, стоя рядом со мной, говорил:

— Вот посмотри, как выполняется жим.

И я видел, как атлет энергичными усилиями ног и корпуса плавно отрывал штангу от пола и поднимал ее на грудь, а затем, по сигналу Игумнова, усилиями одних рук выжимал вверх.

— Вот это и есть первое упражнение классического троеборья, — говорил мне Игумнов. — Силовое упражнение. А теперь посмотри рывок. Это самое сложное, как мы говорим, «темповое», движение.

И я видел, как тяжелая штанга отрывалась от помоста, как в тот момент, когда гриф штанги был на уровне живота спортсмена, следовал резкий рывок, стремительное приседание и штанга уже оказывалась сверху на вытянутых руках.

Если бы не было рядом Игумнова, если бы он не объяснял мне что к чему, рывок показался бы мне, на-

верное, одним легким стремительным движением. Спортсмен выполнял его так непринужденно, словно штанга ничего и не весила. Но, слушая рассказ тренера, я понял, какой исключительной согласованности движений требует рывок от спортсмена, какой безукоризненной техники, какой смелости. И я подумал: «Неужели я смогу когда-нибудь вот так же уверенно и точно поднять штангу?» Именно в этот момент я и понял, что природной силы мало. Для того чтобы стать штангистом, нужно еще и мастерство, а штанга это не бадья с золотоносной породой, не куль с сахарным песком. И мне стало интересно.

А в то время как я, стоя у помоста, думал об этом, один из учеников Игумнова уже готовился к третьему движению — толчку.

Как оказалось, толчок — это своеобразное сочетание жима и рывка. Коротким энергичным усилием штанга берется на грудь, атлет приседает под штангу, как в рывке, а затем уже выталкивает ее, одновременно вытягиваясь в ровную стойку.

Как объяснил мне Игумнов, толчок позволяет поднять вес больший, чем при жиме или рывке, и потому особенно важен для конечного результата — суммы килограммов. А ведь эта сумма и определяет победителя на соревнованиях.

Спортсмен может добиться выдающегося результата в одном из трех движений, но если в двух других результат низкий, не видать ему первого места. Настоящий штангист должен быть силен в каждом из упражнений, входящих в классическое троеборье.

Полный впечатлений возвращался я с тренировки. Мне тогда не было ясно, как достичь такого мастерства, но уже хотелось достичь его, и я с нетерпением ждал следующего дня занятий.

Быстро подружился я с моими новыми товарищами-спортсменами: сержантом Чегодиным, лейтенантом Поповым, старшим лейтенантом Шендаровичем. И старые друзья стали мне ближе. Теперь мы шли на тренировки вместе и наши пути расходились только у ворот стадиона: одного манило футбольное поле, другого — беговая дорожка, третьего — гимнастические снаряды. Я же стал постоянным посетителем тренировок по тяжелой атлетике.

С каждой неделей я чувствовал, как наливалось новой силой мое тело, как оно становилось стройнее, гибче. Через два с половиной месяца регулярных занятий я уже научился не бояться штанги, смело итти на «подрыв», как называют штангисты внезапный рывок штанги вверх, хорошо выполнял «подсед» и знал, для чего его нужно делать. Чем тяжелее штанга, тем труднее ее поднять. Подсаживаясь под нее, спортсмен, словно домкратом, вздымает ее вверх всей пружинной силой своего тела.

Научился я, правда не совсем еще точно, выполнять жим, рывок и толчок, и штанга как бы подружилась с моими ладонями. Все реже она вырывалась из рук, все больший вес удавалось мне зафиксировать.

Однажды, явившись на тренировку, я сразу же заметил, что происходит что-то необычное. Мои товарищи о чем-то оживленно беседовали, а наш тренер и не торопился приступать к занятиям.

— Едем в Ленинград, — объявил мне старший лейтенант Шендарович, заметив мой недоуменный взгляд.

Я был ошеломлен. В Ленинград? Неужели я увижу Россию, всю Россию — от края и до края, увижу Москву, город Ленина? Это казалось совершенно невероятным.

Для того чтобы понять всю радостную сумятицу, поднявшуюся в моей душе, надо помнить, что всю свою жизнь прожил я на Алтае, в Якутии, в самых глухих ее местах, да еще на Дальнем Востоке. Я никогда не видел России, как называли мы, сибиряки и дальневосточники, центральные районы нашей Родины. Сколько раз, задумавшись над газетой или книгой, мысленно совершал я это далекое путешествие. И вдруг вот так сразу оно предстоит мне наяву.

Я так разволновался, что забыл спросить, для чего же мы едем в Ленинград, и не подумал, что это путешествие может быть связано все с той же штангой, которая в этот момент, забытая всеми, лежала на помосте.

Тут я услышал слова майора Игумнова, обращенные ко мне:

— Ну, Трофим, смотри не подкачай, будешь участвовать в розыгрыше первенства Советской Армии.

Только тогда я понял, что мне предстоит не только впервые побывать в Москве и Ленинграде, но и впервые принять участие в спортивной борьбе.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Никогда не забуду этой поездки. Ехали мы веселой и дружной компанией. На одной из станций разыскали шайбы, шестеренки и, насадив их на ломик, сделали импровизированную штангу. Она и совершила с нами все путешествие с востока на запад.

Велико было удивление пассажиров, когда они увидели на первой же большой остановке спортивную тренировку на перроне. Нам предстоял долгий путь, и если бы мы не тренировались в дороге, плохо бы выглядели в Ленинграде на соревнованиях.

С тех пор много пришлось мне поехать, во многих странах побывать, но не было более радостного путешествия, чем эта первая поездка в Москву. Десять дней в поезде. Все это время от рассвета до темноты я, почти не отрываясь, пррстоял у окна. Передо мной была моя страна, моя Россия. Сколько я читал обо всех этих местах, как часто пытался представить их себе так же ясно и осязательно, как родной Алтайский край, как якутскую тайгу, как побережье Тихого океана. А теперь я своими глазами видел равнины Западной Сибири, пересекал полноводную Обь, любовался

склонами Уральских гор и на остановках упражнялся со штангой.

С каким жадным любопытством оживлял я просторы нашей страны, с каким огромным нетерпением ждал приближения Москвы. Двигались мы быстро, но осень обгоняла нас. Багрянцем зажигались леса, темной водой наливались дорожные колеи, дождик штриховал горизонт, но мне казалось, что весеннее солнце озаряет все вокруг.

В Москву мы приехали 7 ноября. С самого раннего утра нам навстречу неслись из поездного репродуктора праздничные песни, бой кремлевских курантов, шум Красной площади. И казалось, наш поезд двигался вперед вместе с мотопехотой и танками, проходящими в эти минуты мимо Мавзолея Ленина.

Мы вышли на площадь трех вокзалов под вечер, когда уже прошли последние колонны демонстрантов. Оставлены в камере хранения вещи. Мы свободны. Перед нами праздничные, оживленные улицы столицы. Куда же прежде всего? Конечно, на Красную площадь. Такси мчится по широким магистралям, мелькают огромные нарядные дома, кругом толпы людей, звучит музыка, пение, смех.

Старший лейтенант Шендарович служил в части, которая обороняла Москву в сорок первом году, и теперь он на правах москвича взялся быть нашим проводником. Вот улица Горького, площадь Маяковского, памятник Пушкину, а там впереди уже виднеются рубиновые звезды Кремля. Когда мы подъехали к Красной площади, уже стемнело и разом вспыхнули огни иллюминаций. Я долго стоял у Мавзолея и не мог оторвать взгляда от красного флага, озаренного лучами прожектора, горделиво реющего над зданием Верховного Совета.

На следующее утро мы вышли на перрон Московского вокзала в Ленинграде и прежде всего поехали устраиваться на жилье в Институт физического воспитания имени Ленина.

Расположившись в общежитии, разложив вещи, мы уже совсем было собрались ехать осматривать город, но майор Игумнов повел нас на тренировку в зал. Он был неумолим, так же как и в дороге. Он хотел, чтобы мы во всеоружии начали борьбу.

Но и для прогулок нашлось время. До соревнования оставалась неделя, и все свободное от тренировок время мы проводили в музеях, в театрах, с жадностью осматривали город, где все было связано с историей России, с историей революции.

Однажды вся наша команда во главе с Игумновым и ленинградским штангистом мастером спорта Алексеем Михайловичем Жижиным, с которым мы успели подружиться, забрела на Михайловскую площадь, одну из красивейших площадей Ленинграда. Мы любовались величественным зданием Русского музея, когда Жижин обратил наше внимание на старинный невысокий дом.

— Здесь жил Владислав Францевич Краевский, — сказал он, — из этого дома вышли первые русские силачи.

Должен признаться, что тогда фамилия Краевского мне ничего не говорила, и я не постеснялся сказать об этом. И тут же у порога дома услышал я волнующий рассказ о том, как шестьдесят лет назад здесь зародилась тяжелая атлетика. Я и не подозревал, что у русских штангистов такая большая и славная история, что они были одними из первых спортсменов, прославивших свою Родину за рубежом.

Врач Владислав Францевич Краевский считал, что

лучшим лекарством против всех человеческих недугов являются не микстуры, а спорт. Пациентами его стали не больные, слабые люди, а широкогрудые силачи. Он искал их повсюду и приводил к себе на квартиру, в которой рядом с врачебным кабинетом был оборудован огромный, залитый светом спортивный зал. Все стены этого зала от потолка до пола были увешаны портретами и фотографиями знаменитых атлетов, пол обит мягким красным ковром, на котором лежали гири, гантели, штанги, с потолка свешивались гимнастические кольца и трапеции.

На квартире Краевского 22 августа 1885 года собралось несколько его приятелей-врачей, и хозяин дома, рослый, сильный человек с окладистой седеющей бородой сказал им: «Коллеги, физическое воспитание народа — прямое дело русского врача, его профессиональная обязанность. Я предлагаю вам учредить кружок любителей тяжелой атлетики».

Кружок организовали, и двери его широко открылись для всех — инженеров и грузчиков, художников и кузнецов, артистов и студентов, приказчиков и врачей. Занятия проводил сам Краевский. Он написал книгу «Развитие физической силы», в которой утверждал: «У нас есть много людей великих по духу. Есть художники, поэты, ученые... Но есть ли среди нас люди сильные? Это вопрос!»

Владислав Францевич сам и ответил на этот вопрос. За шестнадцать лет своей деятельности он воспитал целую плеяду знаменитых русских силачей — штангистов и борцов. И чем больше Краевский увлекался этой благородной работой, тем с большей уверенностью он утверждал: «Мы можем иметь замечательных силачей, да не одного, а многих... Россия даст таких атлетов, каких нет в Европе».

Слова старого доктора оказались пророческими. Его ученик Владислав Пытлясинский победил знаменитого немецкого борца Карла Абса. Другой его ученик, Знаменский, выталкивал 160 килограммов, выжимал 132 килограмма и легко «крестился» двойниками — двухпудовыми гирями. Широко известны имена и других воспитанников Краевского — Георга Гаккеншмидта, Петра Крылова, Сергея Дмитриева, который впоследствии открыл «арену физической культуры» в Москве, Петра Янковского.

В марте 1889 года воспитанник Владислава Францевича Краевского Сергей Иванович Елисеев прибыл в Милан для того, чтобы принять участие в розыгрыше первенства мира.

В то время не существовало разделений на весовые категории. Тяжелой атлетикой занимались сильные, атлетически сложенные, высокие люди. Среди тринадцати гигантов — претендентов на титул чемпиона мира — русский атлет был совсем незаметным. Его вес не превышал восьмидесяти килограммов, в то время как каждый из его противников весил 120—130 килограммов.

Каково же было удивление всех, когда именно Елисеев завоевал мировое первенство. Он добился выдающихся по тому времени результатов.

Это был поистине триумф русского спорта. Но Краевский справедливо считал, что Елисеев—это только начало, первая ласточка будущих побед русских штангистов. Не дожил старый доктор до того времени, когда его слова претворились в жизнь. В 1900 году Владислав Францевич умер шестидесяти лет от роду.

Вот что услышал я о замечательном предшественнике славной плеяды советских штангистов, со многими из которых мне пришлось встретиться через несколько

дней. Я уже слышал о их выдающихся победах на розыгрыше первенства мира в 1946 году в Париже и первенства Европы в 1947 году в Хельсинки. Я знал о новом рекорде Куценко, установленном им за три месяца до нашего приезда в Ленинград в Москве, на физкультурном параде. Да, прав был Краевский. Весь мир следил за успехами наших штангистов.

Но если рассказ Жижина, знакомство с Владиславом Францевичем Краевским и его учениками были для меня путешествием в прошлое, то предстоящие соревнования, первые соревнования в моей жизни, рисовались мне увлекательным путешествием в будущее. Я увижу настоящих знаменитых силачей. Я испытаю свои возможности, почувствую, могу ли я рассчитывать на успех, прав ли был Игумнов, предсказывая мне славное будущее на спортивной арене.

Однажды утром за несколько дней до начала соревнований Игумнов повез нас смотреть место предстоящей борьбы. Состязания должны были проходить в ленинградском Доме офицеров, и я был поражен, увидев огромный зал с тяжелоатлетическим помостом, боксерским рингом и борцовским ковром. Здесь все было приспособлено для тренировок: прекрасные учебные залы, просторные, облицованные кафелем душевые комнаты, комнаты для массажа и отдыха. Здесь я впервые встретился с Юрием Дугановым, тогда еще молодым мастером. Я видел, как он занимается, и с трепетом выслушал его советы. Меня поразило, что Дуганов тренируется только в полсилы, и он мне объяснил, что так и надо поступать, никогда не стремясь к подниманию максимального веса. Здесь же тренировался и Алексей Жижин, которому суждено было в ближайшее время стать моим тренером.

Наконец наступило 15 ноября, долгожданный день начала всеармейского первенства по тяжелой атлетике. В состязаниях принимали участие не только штангисты, но также борцы и боксеры.

Мы выстроились на сцене для парада. Раздались звуки Государственного гимна СССР, и флаг соревнований медленно пополз к потолку.

Все мне было в новинку: и большое количество зрителей, и ослепительно сверкающие люстры, и жеребьевка, и взвешивание. Одно меня успокаивало, что выступать я буду только на третий день и к этому времени успею приглядеться, немного прийти в себя. Но когда мои товарищи Чегодин и Попов вышли на помост, я почувствовал, что не могу сдерживать волнения, будто сам начинаю единоборство со штангой. Я следил за каждым движением друзей, радовался их удачам. На второй день волнений было еще больше. Выступал Шендарович, с которым я подружился в дороге, и мой учитель Игумнов. Они заняли четвертое и пятое места. И я подумал, как было бы хорошо, если бы мне удалось оказаться хотя бы на десятом.

Приближался третий день соревнований. Впервые в жизни я узнал, что такое бессонница. «Не заболел ли я? — мучила меня всю ночь одна и та же мысль. — Смогу ли завтра выступить?» Утром меня стала тревожить другая мысль. Мне вдруг показалось, что я обязательно перепутаю жим с рывком. В жиме надо взять штангу на грудь и только после судейского хлопка поднимать ее вверх, а я боялся, что в горячке сразу же начну выжимать штангу.

Весь день мои товарищи напоминали мне: «Жди хлопка». И весь день я все время твердил одну и ту же фразу: «Жди хлопка... жди хлопка... жди хлопка».

Двадцать штангистов полутяжелого веса выстроились на сцене. В одном строю со мной стояли такие знаменитые атлеты, как заслуженный мастер спорта Александр Божко, мастер спорта Виль Холин, Николай Комышев. Когда один за другим они делали шаг вперед, зал встречал их громом аплодисментов. Но вот прозвучало мое имя, и я на внезапно ослабевших ногах шагнул вперед. Послышались жидкие хлопки. Это подбадривали меня мои друзья по команде.

Жим начался с семидесяти килограммов. Но я решил вступить в борьбу, когда на штанге будет девяносто. Ведь в каждом движении по правилам соревнований у меня было всего три попытки, и их необходимо использовать с толком.

Снова прозвучало в зале мое имя: «К штанге вызывается Трофим Ломакин». В одно мгновение пот покрыл мое тело, и последнее, что я слышал, выходя на помост, был громкий шопот Игумнова: «Жди хлопка».

Я не помню, как выжал первый вес. Я пришел в себя только в тот момент, когда штанга, слегка подпрыгнув, снова оказалась на помосте. «Неужели все правильно, неужели я выжал девяносто килограммов?» — думал я, принимая поздравления товарищей. Так же легко мне удалось поднять и девяносто пять килограммов.

Но вот на штанге стокилограммовый вес. Я подхожу к ней, приседаю, беру гриф «на замок», крепко сжимая пальцы. Еще ни один мускул не включен в работу, но воля собрана, тело готово к упругому рывку. Мгновение — и штанга прочно покоится на моей груди. И тут, забыв обо всем, забыв о правилах и судьях, я, не дожидаясь хлопка, выжимаю ее вверх.

— Вес не засчитан, — слышу я голос судьи.

В первое мгновение мне хочется броситься к нему, сказать, что я хорошо знаю о двухсекундной паузе, но тут же понимаю, что сделать уже ничего нельзя и мне остается только примириться с моим поражением.

Огорченный, убитый неудачей, шел я с помоста за кулисы, где ждали меня товарищи. Я думал, что увижу недовольные лица, услышу упреки. Но меня встретили улыбками, а тренер, похлопав по плечу, сказал: «Эх ты, зубрила! Ничего, не огорчайся, еще все впереди».

И в самом деле, все еще было впереди. Рывок я начал с девяноста килограммов, затем поднял девяносто пять и, наконец, сто. Но когда я уходил, использовав свою третью, последнюю попытку, Божко еще только готовился к выходу на помост. Он вырвал сто семнадцать с половиной килограммов. Я не верил своим глазам. Неужели это возможно? Нет, никогда мне не поднять такого веса.

Вот и последнее движение классического троеборья — толчок. Я поднимаю сто семнадцать с половиной килограммов и прошу поставить сто двадцать два с половиной.

— Вес взят, — объявляет судья.

Окрыленный успехом, я прибавляю еще пять килограммов. Вот штанга на груди. Вот я уже поднимаю ее выше, и вдруг мысль, что этот огромный вес в любую минуту может обрушиться на мою голову, приводит меня в смятение. Вопреки правилам, говорящим, что штанга должна быть тихо опущена на помост, я со всего размаха бросаю ее вниз.

«Испугался!» — вспыхивает в мозгу безжалостная мысль. Я смотрю в зал, не смеются ли зрители. А тут еще судья подзывает к себе и делает замечание.

Как плохо я кончил свое первое соревнование! Теперь я только зритель, теперь мне остается только смотреть, как будут вести борьбу настоящие штангисты, те, кто не боится штанги, те, кто умеет подчинить себе слепую силу тяжести.

На штанге устанавливают 130 килограммов. «Это, наверное, для Божко», — думаю я. Но нет, на помост выходит незнакомый мне, широкоплечий, коренастый паренек.

— Кто это? — спрашиваю шопотом Игумнова.

— Воробьев, моряк из Севастополя, — отвечает мне тренер. — Молодой, но смелый, посмотрим, на что он способен.

Напряженно слежу за движениями незнакомого мне атлета. Мне хочется, чтобы смелый паренек поднял штангу. И я горестно вздыхаю, когда ему это не удается. Я слежу за тем, как он сердито шагает по сцене, натирая свои сильные ладони магниезией, как снова решительно направляется к штанге и снова не может совладать с ней. Последняя попытка. И опять неудача. Моряк, как принято говорить у нас, «схватил ноль», но это не уменьшает моего расположения к нему. Хочется подойти к молодому спортсмену, пожать ему руку, пожелать удачи. Но тут я вспоминаю, что сейчас должна решиться судьба первенства. Последние атлеты выходят к штанге. Сейчас будет подсчитано количество очков. Наши успехи и неудачи лягут в бесстрастные колонки цифр, выведенные в судейском протоколе.

Объявляются результаты штангистов полутяжелого веса. Первое место завоевал Александр Божко, второе — Виль Холин, третье — Николай Комышев, четвертое — Богданов, пятое место занял я.

Пятое место среди двадцати сильнейших полутяжеловесов Советской Армии — это была, конечно, победа.

Кроме того, я показал на первом же своем соревновании результат, соответствующий норме первого разряда. Но больше всего обрадовало меня то обстоятельство, что наша команда заняла четвертое место после Москвы, Ленинграда и Киева. Мы обнимались и поздравляли друг друга, благодарили Игумнова, а он благодарил нас.

Видимо, наш успех был полнейшей неожиданностью для всех. Недаром Александр Божко о чем-то долго говорил с Игумновым, а на следующий день, встретив меня в институте, стал расспрашивать, как я тренируюсь, давно ли занимаюсь тяжелой атлетикой. Затем знаменитый спортсмен составил мне недельное расписание тренировки, предложил писать ему, обращаться за советами.

Этот тренировочный план, написанный рукой штангиста, который толкнул на моих глазах 160 килограммов, был для меня не менее ценен, чем диплом, полученный на заключительном вечере. Много раз я перечитывал план Божко и даже выучил его наизусть.

Божко так же, как и Дуганов, советовал мне не подходить на тренировках к предельному весу, обязательно развивать тягу, поднимая штангу только до пояса, шлифовать «подрывы», не жалея сил выполнять со штангой приседания, наклоны, обязательно делать гимнастическую зарядку.

— У вас все движения идут ровно, — сказал мне на прощанье Божко. — Это очень хорошие данные для троеборца. Имейте это в виду и тренируйте жим, рывок и толчок, не увлекаясь чем-либо одним.

Пришел день прощания с Ленинградом, с новыми знакомыми, с Институтом физического воспитания,

к которому я успел уже привыкнуть за эти десять дней. Штангисты разъезжались по домам. Двинулись и мы в долгий обратный путь.

Дома нас встретили торжественно, а мой портрет был даже напечатан в газете.

— Ну смотрите, Ломакин, теперь не ударьте лицом в грязь, — сказал мне командир полка. И добавил с улыбкой: — А помните, как вы бегали от Игумнова и как вы даже обиделись, когда узнали, что он считает вас самородком. Вот теперь вас вытащили на поверхность. Не жалеете об этом?

Я должен был признаться командиру полка, что не жалею, но настроение у меня было неважное. Каким бедным показался мне наш спортивный зал, как пусто было вокруг!

Наступили холода, а наш зал не отапливался. Многие мои товарищи по поездке в Ленинград перестали посещать тренировки. Но я и Игумнов продолжали упорно заниматься. Мы поставили в зале печку-временку, и прежде чем начать тренировку, я, подбрасывая в печку дрова, чувствовал себя, как в Якутии, на приiske. Стыли пальцы, стальной гриф штанги бывал покрыт ледком, и его приходилось отогревать над печкой. Но, несмотря на все это, регулярно три раза в неделю я тренировался по плану, составленному Александром Божко.

Так прошла зима, а в мае начальник физподготовки полка вызвал меня и спросил:

— В Ленинград хотите ехать учиться?

Я растерялся от неожиданности и не нашелся сразу, что ответить.

— А куда учиться? — наконец спросил я охрипшим от волнения голосом.

— В Институт физического воспитания имени

Ленина. Шендарович едет, наш боксер капитан Синявский и сержант Новиков — лыжник.

В ответ я смог только утвердительно кивнуть головой.

От мысли, что снова окажусь в городе, который так полюбился мне, приду в институт уже не гостем, буду тренироваться с известными штангистами, мне хотелось прыгать, вертеться колесом.

Вскоре наступил день прощания. В последний раз побывал я на аэродроме у самолетов своей эскадрильи, в последний раз потренировался с майором Игумновым и крепко расцеловал моего первого учителя, поблагодарив его за все. Друзья пожелали мне новых успехов.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Так в начале июня мы снова оказались в Ленинграде. Дорога в институт мне была уже знакома, и сразу с вокзала всей компанией мы отправились туда, доложили о прибытии, разместились в одной из просторных комнат и снова стали готовиться к соревнованиям. Но на этот раз в предстоящие соревнования входили не только жим, рывок и толчок, но и плавание, бег на 3 тысячи метров, испытания по русскому языку, истории, физике. Такова была программа приемных экзаменов, и только победителям вручался драгоценный приз — студенческий билет.

Вот почему для меня эти экзамены по волнению, которое я испытывал, мало чем отличались от моих первых соревнований. Выдержу ли я, примут ли меня в институт? Эти вопросы очень тревожили меня. Ведь на этот раз я повторял уже не одну коротенькую фразу: «жди хлопка», а грамматические правила, исторические даты, законы физики. Успокоение приходило только в спортивном зале, где я усиленно тренировался. Там я однажды встретил Алексея Михайловича Жижина.

— Поступаете в институт? — спросил он. — Хорошее дело. Будем вместе работать, я ведь преподаватель на кафедре тяжелой атлетики.

Экзамен по штанге принимал у меня Жижин, и я был очень горд тем, что установил личный рекорд в троебории, подняв 325 килограммов. Надо прямо сказать, что успех даже немного вскружил мне голову. Но зато на водной и на беговой дорожках мои результаты были значительно хуже. Не без труда сдал я испытания и по другим предметам и теперь с волнением ждал результата. Но вот однажды утром нас вызвали к начальнику института. Строго глядя на меня поверхочков, он сказал:

— Ну что же, товарищ Ломакин, примем вас в высшую школу тренеров, но предупреждаю, учиться придется много и упорно. Справитесь?

— Справлюсь, — ответил я, вытянувшись в струнку.

Так началась моя студенческая жизнь — лекции, долгие сидения в библиотеке, в кабинетах, в лабораториях. И одной из таких учебных лабораторий стал для меня отныне спортивный зал.

Там почти каждый день встречался я с моим новым тренером, и надо сказать, что очень скоро уверенность в моих исключительных способностях, которая начала было кружить мне голову, сильно поколебалась.

Прежде всего очень решительно Жижин дал мне понять, что тренировка со штангой является только частью всей институтской учебы, куда входят занятия по анатомии, политэкономии, биологии, плаванию, по легкой атлетике и другим дисциплинам. Затем Жижин прямо заявил мне, что начинать придется с азов, что сил у меня много, а техники почти нет, а на одной физической силе, даже очень большой, в спорте далеко не уедешь.

Вот почему мы начали с самых элементарных движений, будто я, несколько месяцев назад ставший перворазрядником, только теперь впервые вышел на по-мост.

Задача, поставленная передо мной Жижиним, была на первый взгляд не так уж сложна: чувствовать движение штанги и правильно сочетать усилия своего тела. Но очень скоро я стал казаться себе неуклюжим увальнем.

До тех пор пока я поднимал штангу, делая все движения бессознательно, не задумываясь над ними, мне все давалось легко. Но теперь, когда я следил за всеми движениями своего тела, моя сила будто куда-то испарилась и штанга все меньше покорялась мне.

Алексей Михайлович Жижин, видимо заметив, что я расстроен, сказал как-то после очередной тренировки:

— Ты, Ломакин, не огорчайся. Это неизбежно. Хочешь, я тебе одну индийскую сказку расскажу?

Мне было не до сказок, но Алексей Михайлович, не дожидаясь моего согласия, начал:

— Жестоко палило солнце. Большая жаба, которая лениво сидела на камне, ненавидела сороконожку, но съесть ее не могла, потому что сороконожка была слишком тверда и обладала ядовитым соком.

Тогда она написала письмо сороконожке. И старший сын жабы передал ей письмо своей матери.

Сороконожка взяла письмо ногой номер 37 и прочитала следующее: «Достопочтенная госпожа сороконожка! Я лишь мокрое, скользкое существо, презираемое на земле. У меня только четыре ноги, а не сорок. Но в моей голове живет мудрость и глубокое знание. Послушай, как я изложу дело, но стой на месте, не двигайся. Скажи мне, достопочтенная сороконожка, как это происходит, что ты при ходьбе знаешь, с какой

ноги начинать, какую двигать второй, какую — третьей, какую — четвертой, пятой, следует ли за ней десятая или сороковая и что после этого делает вторая или седьмая: двигается дальше или стоит на месте? И когда ты доходишь до тридцать девятой ноги, поднимаешь ли ты двадцать шестую, а шестнадцатую опускаешь вниз? И когда ты сгибаешь сороковую, то не выпрямляешь ли ты пятую? Скажи, пожалуйста, бедной, мокрой и скользкой жабе, имеющей только четыре ноги, а не сорок, как же ты с ними управляешься? О, достопочтенная!»

И сороконожка, прочитав письмо, осталась пригвожденной к земле. Она забыла, какую ногу должна поднять первой, и чем больше думала, тем больше запутывалась.

— Не знаю, что было дальше с несчастной сороконожкой, — закончил свою сказку тренер. — Но ты, я уверен в этом, научишься сознательно выполнять свои движения и тогда только станешь по-настоящему сильным, сделаешься полновластным хозяином штанги.

Пришлось примириться с ролью сороконожки. Запинаясь, неуверенно, ощупью изучал я жим, рывок и толчок. И понял, наконец, внутреннюю взаимосвязь всех движений классического троеборья. Жим — это «фундамент», основа троеборья, рывок — «фасад», а толчок — «купол», венчающий победу. Если жим требует от штангиста силы, то рывок прибавляет к этому быстроту, точность. Толчок же — сочетание и силы и скорости.

В каждом движении я допускал много ошибок. В жиме я чересчур закидывал голову. В рывке, наоборот, слишком опускал ее, в толчке руки со штангой уходили у меня вперед, и я терял равновесие.

Т. Ломакин на тренировке в парке.

Удивительно, как Жижин при всей стремительной слитности движений успевал подмечать все мои ошибки, словно у него были не глаза, а объективы кинокамеры, фиксирующие все движения на пленку. При малейшей неточности он останавливал меня, подходил к штанге и указывал мне мою ошибку. Под его руководством я отшлифовывал каждый элемент техники поднимания штанги: расположение кистей на грифе, разворот плеч и груди, положение ног.

Тренер вводил в мою тренировку занятия на гимнастических снарядах (если бы увидел меня мой старый друг гимнаст Илиневич в тот момент, когда я беспомощно повисал на кольцах или перекладине!), ходьбу, бег, упражнения с гантелями. С каждым днем Жижин увеличивал количество упражнений со штангой: прыжки, приседания, «подрывы».

И, несмотря на все это, результаты мои долгое время не росли. Толкнув 125 килограммов на вступительных экзаменах, я никак не мог поднять штангу весом хотя бы на полкилограмма больше. Время шло, и мне начинало казаться, что движения вперед нет, я ничего не смогу добиться.

«Эх, мне, наверное, только мешки таскать», — думал я, с неудовольствием разглядывая в зеркале свою коренастую, неуклюжую, как мне казалось, фигуру. Но Алексей Михайлович был доволен, и это удивляло меня больше всего. Мой учитель был доволен мной, и мне оставалось надеяться, что ему со стороны виднее.

В напряженных занятиях, в работе текла моя жизнь. Каждый день я узнавал что-то новое, каждый день все более широкие горизонты знаний открывались передо мной, и понятие «физическая культура» приобрело для меня большой, глубокий смысл.

Я изучал труды создателя русской системы физического образования П. Ф. Лесгафта, читал с карандашом в руках его «Руководство по физическому образованию детей школьного возраста». Познакомился я со взглядами на роль физической культуры в воспитании всестороннего, гармонического человека великих русских писателей-демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. В своих произведениях они не раз обращались к этому волновавшему их вопросу. И Чернышевский и Добролюбов считали, что физическая культура имеет важнейшее значение в общем воспитании человека, в развитии его эстетических, умственных и нравственных качеств. И сколько раз перечитывал я строчки из «Что делать?» Чернышевского, где он пытался представить себе русскую молодежь будущего:

«Как они цветут здоровьем и силою, как стройны и грациозны они, как энергичны и выразительны их черты! Все они — счастливые красавцы и красавицы, ведущие вольную жизнь труда и наслаждения, — счастливы, счастливы!»

Да, поистине чудесно претворились в жизнь эти мечты.

Я скоро нашел себе новых друзей. Среди них были люди самых разных спортивных специальностей: Литувев — бегун, ставший впоследствии сильнейшим барьеристом, рекордсменом мира, Мозжухин — лыжник, Семенов — бегун. С интересом следил я за их успехами, а они ходили смотреть на мои неудачные попытки покорить штангу.

Приближались зимние каникулы, друзья стали поговаривать об отдыхе, мечтать о поездках к родным. Но когда кончились занятия, нам объявили, что весь курс отправляется под Псков на заготовку дров для института.

Обстановка оказалась для меня привычной: жизнь в лесу, работа на свежем воздухе. Я с наслаждением валил деревья, грузил дрова в вагоны.

Мы организовали бригаду штангистов, в которую вошли мой сахалинский товарищ Давид Шендарович, я, Виктор Маслов и Алексей Косолапов. Наша бригада была передовой. Никто не мог тягаться с нами, и легкоатлеты в шутку говорили: «Ну что же тут удивительного, вы же по природе своей грузчики».

Отдохнувшие, окрепшие вернулись мы в Ленинград. Придя в институт, я обнаружил, что соскучился по спортивному залу, по штанге, по придирчивым замечаниям Алексея Михайловича Жижина.

На первой же тренировке Алексей Михайлович объявил, что я и Шендарович вошли в команду Ленинградского военного округа, которая должна была ехать в Москву для участия в армейской спартакиаде.

Теперь в моей работе появился новый стимул. Снова предстояло мне выйти на помост, чтобы принять участие в борьбе сильнейших штангистов Вооруженных Сил.

Времени на подготовку оставалось мало, всего несколько месяцев, но Жижин попрежнему не торопился

— Давай исправим эту ошибку, — говорил он мне. — Вот здесь ты попрежнему слишком закидываешь голову, повтори-ка еще раз.

А мне казалось, что нагрузка недостаточна, что, двигаясь вперед такими черепашьими шагами, я не успею подготовиться к соревнованиям.

На все мои опасения неизменно следовал один и тот же ответ: «Спешить не следует».

И Жижин оказался прав. Вскоре мне удалось выжать и рвануть по 105 килограммов и толкнуть 135. Открытый успехом, снова поверив в свои возмож-

ности, ехал я в Москву вместе с сильнейшими военными штангистами Ленинграда Петром Орским, Валентином Конных, Евгением Барышниковым.

Спартакиада проходила в летнем театре ЦДСА. Встретившись еще до начала соревнований с Вилем Холиным и сказав ему, что мне удалось толкнуть 135 килограммов и я думаю выполнить норму мастера спорта, я услышал в ответ:

— Это что, вот тут один парень приедет, у него толчок посмотришь. Легко сто сорок килограммов берет.

— Кто же это? — спросил я, но Холин не помнил фамилии молодого силача.

А через несколько дней я увидел, как по парку чуть вразвалку шел коренастый и вместе с тем стройный краснофлотец. Еще издали я узнал его. Это был Воробьев, тот самый Воробьев, который «схватил ноль» в Ленинграде, смело атакуя штангу весом в 130 килограммов. Я смотрел ему вслед и думал: «Ну что же, морячок, посмотрим, кто теперь сильнее, ведь и я зря времени не терял».

У штанги встретились уже знакомые мне спортсмены. Среди них был старшина Григорий Маликов, который на соревнованиях в Ленинграде занял первое место в среднем весе, были Холин, Воробьев. И при взгляде на этих сильных, отлично подготовленных полутяжеловесов мою уверенность как рукой сняло. Теперь я мечтал только об одном: лишь бы выполнить норму мастера.

Но когда началась борьба, когда один за другим спортсмены стали подходить к штанге, показывая свою силу, ловкость, свое мастерство, тогда впервые я узнал, что такое спортивный азарт.

Видимо, на первых соревнованиях незнакомая обстановка настолько выбила меня из колеи, что я и не

почувствовал вкуса борьбы. Но теперь после тренировок с Жижиным у меня появилось желание победить, быть первым, показать, что я не слабее других.

Хорошо помню весь ход этого состязания, второго в моей жизни. Мы шли голова к голове, постепенно прибавляя и прибавляя вес. В жиме лучший результат был у Маликова — 115 килограммов, второй — у Холина — 107,5 килограмма, третьим был я — 105 килограммов. Воробьев остался на четвертом месте. Итак, «фундамент» был заложен хороший, и это давало мне уверенность, что «фасад» тоже удастся возвести неплохо. Но тут я ошибся.

Рывок, требующий особенно точной, филигранной техники, которой я еще не владел, лишил меня возможности вести борьбу за второе место. А Воробьев поднял штангу весом в 112,5 килограмма и вышел после двух движений на второе место.

Все силы, которые у меня оставались, я использовал для выполнения толчка, но и здесь мой результат был четвертым — 135 килограммов. Воробьев толкнул 140.

Хорош был этот парень, удивительно сосредоточенный, упорный, настойчивый. Он по праву обогнал меня, уступив только опытным штангистам Маликову и Холину.

Я занял четвертое место и, хотя осуществил свое заветное желание, выполнив норму мастера спорта, все же не чувствовал большой радости. Не удалось мне обогнать молодого моряка.

После соревнований Воробьев подошел поздравить меня с успехом. Сам он выполнил норму мастера еще на соревнованиях в Севастополе.

Я узнал, что Воробьев тоже внимательно приглядывался ко мне еще в Ленинграде. Уединившись в од-

ной из тенистых аллей парка, мы с ним поделились планами на будущее, рассказали о своей жизни.

Аркадий Воробьев оказался моим ровесником, таким же крестьянским пареньком, каким был я сам. Вырос Аркадий на берегу Волги, между Казанью и Ульяновском. В двенадцать лет он уже переплывал реку, был капитаном футбольной команды, отлично бегал и мечтал о рекордах Якова Куценко. Но больше всего мечтал Воробьев о службе в армии и готовился к этому. Для того чтобы закалить себя, спал на сеновале до самого снега, обтирался ледяной водой.

И в том году, когда я, молодой шахтер, оказался в пехотной части на границе с Маньчжурией, Воробьев надел морскую форму, стал солдатом морской пехоты на Черном море. Воробьев ходил на торпедных катерах в устье Дуная, высаживался в Констанце, а когда кончилась война, попал в отряд подводно-технических работ.

На водолазную работу отбирали народ могучий. В отряде в свободное время устраивались соревнования по подниманию тяжестей. Штангу заменяла такая же вагонеточная ось, как и у нас на Южном Сахалине. Но в отличие от меня, которого затащили в спортивный зал почти что силой, Воробьев сам пришел туда. Это был зал клуба водников. Там-то и встретил Аркадий своего Игумнова, одесского штангиста Валентина Лебеденко.

— Разрешите поднять вес? — обратился к Лебеденко молодой моряк.

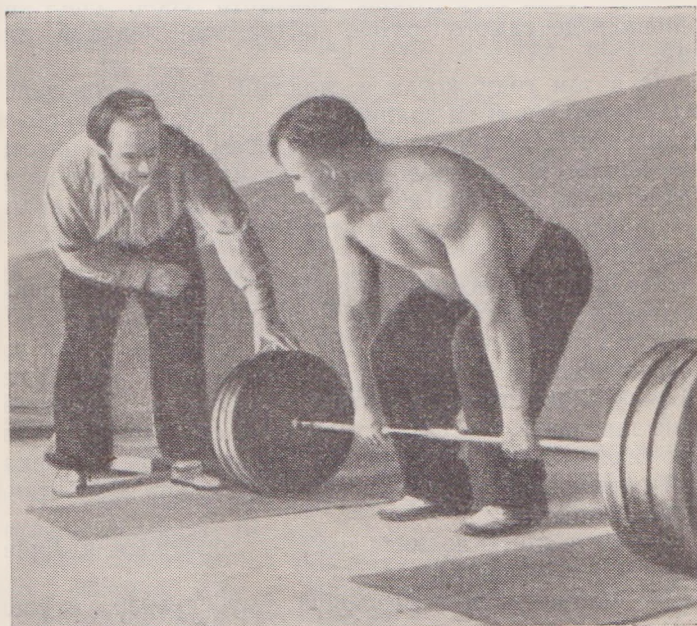
— Поднимайте, — разрешил ему тренер и стал в сторонке, наблюдая, что будет дальше.

Воробьев уверенно взял штангу на грудь и потом вытолкнул ее вверх.

— Девяносто килограммов, — сказал Лебеденко. — У вас дело пойдет.

И в самом деле, у Аркадия Воробьева «дело пошло». Через три месяца он стал абсолютным чемпионом Черноморского флота и продолжал тренироваться со все возрастающим интересом. Отстояв вахту, он брал увольнительную и направлялся в спортивный зал.

Его силой гордились товарищи-водолазы, о нем знали на торпедных катерах, его имя стало известно на

Т. Ломакин (справа) и А. Воробьев на тренировке.

эсминцах и линкорах. Теперь у него была одна мечта: закончив службу во флоте, поступить в медицинский институт и продолжать занятия спортом.

Многое связывало нас, много общего было в наших биографиях, хотя на первый взгляд казалось, что жизнь наша протекала по-разному. Воробьев работал под водой, я под землей. Воробьев служил во флоте, я в пехоте и авиации. И все же общее было. Общим был тяжелый труд, который закалил наше тело, нашу волю, выработал настойчивость. И вкусы у нас были общие. В армии я и Воробьев привыкли ценить не внешнюю, а внутреннюю красоту человека — волю, смелость, настойчивость, целеустремленность. И в Воробьеве меня на первых же порах привлекла негибкая воля и то спокойствие, которое отличает человека, не раз глядевшего в лицо смертельной опасности.

Мы были ровесниками в жизни, в спорте. У нас были общие планы, общие стремления. И, прощаясь с моим новым другом, я сказал ему:

— До новой встречи на новых соревнованиях, Аркадий. Не раз мы с тобой еще встретимся, и бороться нам придется друг с другом не раз.

НОВАЯ ЗАДАЧА

— Ну что же, что было задумано — сделано, — сказал мне Алексей Михайлович Жижин после моего возвращения в Ленинград. — Надо ставить новую задачу, товарищ мастер спорта.

— Какая же это задача, Алексей Михайлович? — спросил я.

— А ты сам как думаешь? — в свою очередь спросил меня Жижин.

— Хорошо бы довести толчок до ста сорока килограммов.

— Ну, а я предлагаю задачу пошире. Будем готовиться к участию в первенстве СССР.

Первенство СССР! Как заманчиво звучали эти слова. Ведь в нем примут участие сильнейшие из сильнейших, те, о ком я только слышал, читал, но никогда еще не видел рядом с собой. Неужели же я имею право на борьбу с сильнейшими штангистами Европы, с теми, чьи имена вписаны в таблицы мировых рекордов. Мысли об этом волновали меня все больше и больше.

Кончился учебный год, все студенты разъехались. Только один я остался в Ленинграде. Слишком долгий путь отделял меня от дома.

Жижин перед отъездом составил мне точный план моих тренировочных занятий. В них входили кроссы, плавание и работа со штангой.

Как скучно было в пустом зале! Но и оставшись один, я продолжал настойчиво выполнять план своего тренера. Это была работа, требующая больших усилий.

После разминки я подходил к штанге и по три раза выжимал 65 килограммов, 75, 85. А потом ставил на десять килограммов больше и 10 раз выжимал вес.

Затем я переходил к рывку или к толчку, повторяя и здесь все подходы. После занятий, потный, усталый, но удовлетворенный, уходил в душ. За тренировку я поднимал 12 тонн груза.

Если бы еще год назад мне сказали, что я способен на такую нагрузку, я бы не поверил. Часто вспоминалось первое посещение спортивного зала и то утро, когда я не мог подняться с постели, чувствуя боль в каждой мышце.

Упражнения, входящие в мою тренировку, были очень разнообразны. Я заставлял работать все мышцы тела, даже мышцы лица. Но чувствовал себя бодрым и свежим и с удовольствием видел, что с каждым днем становлюсь шире в плечах и вместе с тем стройнее. Я наконец-то перестал быть сороконожкой!

Особенно старательно я работал над тягой. Мне хотелось так же легко подтягивать тяжелую штангу к поясу, как это делал Аркадий Воробьев. Без такой тяги трудно добиться высокого результата в толчке. Систематически отработывал я «подрывы», начиная с веса в 100 килограммов и доводя его до 120. Одним рывком поднимал я штангу к поясу и снова опускал ее на помост.

Со стороны, наверное, скучными казались эти упражнения, и грохоту было больше, чем в колхозной

кузне, но мне эти движения доставляли истинное удовольствие. Они становились для меня необходимыми, как пища, как вода. Они наполняли тело упругой бодростью.

Свободные от занятий часы я проводил с книгой, ездил в Озерки купаться, гулял по Ленинграду, любясь его просторами, прекрасной архитектурой его зданий.

1 октября институтские коридоры снова наполнились оживленной, отдохнувшей, загоровшей молодежью. Вернулся и Алексей Михайлович Жижин.

С нетерпением ждал я первой тренировки, оценки учителя. Удалось ли подвинуться вперед, не зря ли потрачено время?

— Ну что ж, начнем? — сказал Алексей Михайлович, когда мы с ним встретились у помоста. После обычной разминки Жижин установил на штанге 80 килограммов и сказал: — Попробуй рывок, пять подходов.

Прежде чем подойти к штанге, я восстановил в памяти все детали движения, которое проделывается всего за четыре секунды. Старт, поднятие штанги до подседа, подсед под штангу, вставание со штангой и фиксация веса — вот отдельные звенья рывка. Но для того, чтобы каждое звено прочно сомкнулось со следующим, для того, чтобы все они не рассыпались, нужна была абсолютная, я бы сказал снайперская, точность. Малейшее колебание руки, не вовремя выдвинутая вперед нога, замедление скорости движений — и звенья не сольются воедино, штанга полетит вниз.

Несколько раз глубоко вобрав в себя воздух, я решительно направился к помосту. Гриф захвачен крепко, на «замок». Еще раз проверена точность захвата, за-

держано дыхание, и, напрягая мышцы спины и ног, я вытягиваю штангу и в то же мгновение подсаживаюсь под нее для того, чтобы тут же всем телом, сжатым в упругую пружину, выпрямиться и зафиксировать вес.

Штанга снова на помосте. Я смотрю на Жижина. Жду замечаний. Но Алексей Михайлович только молча кивает головой. Тогда я снова склоняюсь к грифу. Еще один рывок, затем третий, четвертый, пятый, и каждый раз штанга, подчиняясь мне, покорно взлетает вверх. А когда я в последний раз положил штангу на пол, Жижин улыбнулся и развел руками.

Что означал этот жест? Похвалу? Недовольство? Крепко сжав руки, словно обхватывая пальцами стальной гриф, я стоял и ждал оценки своей работе.

Жижин сказал:

— Молодец!

И все. Одно только слово, короткое, как сам рывок. Но я был счастлив, мне казалось, что сейчас я смогу установить рекорд, своротить горы. А мой тренер, словно не замечая радости, охватившей меня, продолжал самым будничным голосом:

— А теперь попробуем толчок.

Я сразу вернулся в пустой институтский зал, где не было ни судей, ни рекордного веса, а только мы вдвоем — я и мой тренер. Какие там горы, мне бы хорошо толкнуть штангу! Больше ничего не надо.

Алексей Михайлович, позванивая дисками, надевал на штангу 115 килограммов. Вот он разогнулся и, посмотрев на меня снизу вверх, спросил:

— Ну как, готов? Тогда пять подходов. Начнем.

Пять раз я выходил на помост и пять раз выталкивал штангу, ожидая замечаний тренера. Но Жижин

молчал. Он молчал несколько минут и после того, как я закончил упражнение. Потом сказал:

— Ну что же, толчковая тяга стала лучше. Но до Воробьева еще далеко. Над тягой придется работать.

И вот мы работаем над тягой, над подседами. Работаем так буднично и неторопливо, будто мне не предстоит вскоре встретиться с сильнейшими штангистами на розыгрыше командного первенства страны.

Так пришел декабрь, долгожданный декабрь, и на просторной сцене ленинградского Дома культуры имени Кирова я впервые увидел тех, чьи имена так часто повторял, о чьих успехах так много слышал.

Зрительный зал Дома культуры был переполнен. А я, хоть и был в числе действующих лиц — участников соревнования, тоже чувствовал себя зрителем. У меня разбежались глаза, и каждую минуту я приставал к Жижину все с новыми и новыми вопросами.

Меня интересовало, кто этот плечистый гигант с открытым добродушным лицом, и этот маленький коренастый, и тот огромный, добродушно улыбающийся. Так я издали познакомился с Яковом Куценко, сильнейшим тяжеловесом страны и Европы, и вечным его противником — армянским силачом Серго Амбарцумяном. Я увидел Николая Шатова, о котором мне столько рассказывал Алексей Михайлович. Ведь у них долго шла упорная борьба, и в этой борьбе окрепло мастерство моего учителя. На сцене, рядом со мной, были Механик, Аздаров, Донской, Касьяник.

Приехал на соревнования и Евгений Лопатин, история которого глубоко взволновала меня. Лопатин, раненный под Сталинградом в кисть левой руки, по единодушному мнению врачей, должен был остаться на всю жизнь инвалидом. Но, вопреки этим печальным

диагнозам, молодой штангист продолжал упорно тренироваться, пересиливая боль в раненой руке, вернул ей былую подвижность и стал сильнейшим полулегковесом страны. Он защищал честь советского спорта на первенстве мира в Париже и на первенстве Европы в Хельсинки.

А вот и Аркадий Воробьев. Он улыбается мне еще издали и приветственно машет рукой. Теперь мы с ним не только противники, но и союзники. Мы выступаем в одной команде Советской Армии, мы вместе будем бороться за командное первенство СССР.

С жадностью следил я за выступлениями штангистов всех весовых категорий. Мне хотелось все изучить, все вобрать в себя — и рывок Воробьева, и толчок Куценко, и жим Лопатина.

Да, эти соревнования были для меня, молодого спортсмена, огромной школой. Иногда происходящее на помосте так захватывало меня, что я забывал о том, что скоро сам должен буду испытать свои силы, сам буду держать экзамен перед лицом лучших знатоков тяжелой атлетики.

Все время проводил я в зале вместе с Алексеем Михайловичем, засыпая его вопросами и завидуя его удивительной способности мгновенно запечатлеть в памяти каждое движение штангиста.

Но и Жижин не всегда мог удовлетворить мое любопытство. Наблюдая за выступлениями атлетов легчайшего веса, я обратил внимание на двух неизвестных мне спортсменов. Невысокие, но удивительно хорошо сложенные, они поразили меня стремительным темпом и легкими уверенными движениями.

— Кто это? — обратился я к Алексею Михайловичу.

Жижин пожал плечами:

— Понятия не имею, какие-то новенькие.

Это были Рафаэл Чимишкян и Иван Удодов. И тот и другой через четыре года стали олимпийскими чемпионами. Но тогда, услышав ответ тренера, я сразу перестал ими интересоваться. Меня привлекали только знаменитые спортсмены.

Но вот наступил час полутяжеловесов, и я с гордостью встал в один строй с Григорием Маликовым, Вилем Холиным, Аркадием Воробьевым и другими известными атлетами страны. Снова лежала передо мной никелированная, отражающая свет электрических ламп тяжелая штанга. И судьи в белых костюмах не сводили с нас внимательных глаз.

«Кто из стоящих в строю будет первым? — подумал я, окидывая взглядом линию мускулистых, тренированных тел. — Григорий Маликов? Виль Холин? Или, может быть, Аркадий Воробьев скажет, наконец, свое веское слово?» Воробьев, я знал, был готов к этому.

После второго движения — рывка—героем дня стал Воробьев. Изумительно легко и красиво зафиксировал он вес в 120 килограммов, вызвав аплодисменты всего зала.

Я от души поздравил моего товарища с успехом, но тут же сделал все возможное, чтобы сравняться с ним. Однако больше 110 килограммов мне поднять не удалось. Это был мой личный рекорд, но кого сейчас интересовал личный рекорд Ломакина?

Не смогли догнать Воробьева ни Маликов, ни Холин, но борьба продолжалась. Нам предстоял толчок, который, как и всегда, должен был венчать все усилия штангистов. Здесь первым был Маликов, поднявший 147,5 килограмма. Воробьев, пытаясь обогнать его, потребовал поставить 150 килограммов, но смог поднять этот огромный вес только до груди.

Мне удалось толкнуть 140 килограммов. Я осуществил свое давнее желание, но и этот результат, о котором я так мечтал, не принес мне большого успеха.

Когда был произведен подсчет, стало известно, что Григорий Маликов и Аркадий Воробьев в сумме трех движений набрали одинаковое число килограммов — 370. Холин отстал от них на 10 килограммов, а я от Холина на столько же.

Опять четвертое место. Четвертое место — вот все, чего я смог добиться.

Судьба первого места должна была решиться теперь не на помосте, а на платформе весов. Все ждали результатов взвешивания Маликова и Воробьева. Воробьев оказался на несколько сот граммов тяжелее своего противника и поэтому занял второе место.

До чего же обидно, подняв такой же вес, как победитель, остаться вторым, но таковы правила.

После взвешивания я подошел к Аркадию и молча пожал его руку. Ответное рукопожатие было дружеским и крепким, а лицо Воробьева поразило меня своим спокойствием.

— Ничего, в следующий раз, — сказал он отрывисто.

И я так и не понял, к кому относились эти слова утешения: к нему самому или ко мне.

В тот момент мне и в самом деле казалось, что я нуждаюсь в утешении. Снова четвертый, снова позади Воробьева. Нерадостный итог долгой и кропотливой работы. Но Жижин поздравил меня с успехом и сказал:

— Следующая наша задача — рывок сто двадцать, толчок сто пятьдесят.

И именно эти слова тренера, а не поздравление, подбодрили меня. «Если Алексей Михайлович верит,

что такая задача мне по плечу, тогда дела не так уж плохи, — подумал я. — Год прошел недаром». И я мысленно окинул взглядом пролетевший год, насыщенный до предела событиями не только в моей личной жизни, не только в спорте, но и в жизни моей страны.

1948 год. Страна успешно залечивает военные раны. Газеты полны сообщений о восстановлении городов и сел, о новых производственных рекордах, о больших успехах наших ученых, рабочих, колхозников. Но рядом с этими радостными вестями все чаще слышны тревожные. Идет ожесточенная борьба сил мира и войны. И в этой борьбе каждая победа, в чем бы она ни выражалась, — это победа над темными силами мировой реакции.

Так я воспринимал и успехи моих товарищей-спортсменов. Их усилия сливались с усилиями всей страны. И я ликовал, когда в матч-турнире на первенство мира советский шахматист Михаил Ботвинник победил американца Решевского. Я гордился Ниной Думбадзе, когда она установила новый мировой рекорд в метании диска. Теперь все виды спорта, как бы далеки они ни были от тяжелой атлетики, сливались для меня в одно большое и значительное понятие: советский спорт.

Все казалось близким и интересным. И рекорд Феодосия Ванина в марафонском беге и рекорд Хейно Липпа в самом сложном разделе легкой атлетики — десятибории.

«Вот это результат!» — думал я, читая сообщение о замечательном успехе эстонского атлета. И мне представлялось недовольное лицо американского спортсмена-десятиборца, победителя XIV Олимпийских игр в Лондоне, проходивших как раз в это время. Ведь ре-

зультат Липпа был намного выше результата американца.

Да, много было славных побед на всех фронтах борьбы. И в том числе на спортивном фронте — у гимнастов, шахматистов, легкоатлетов.

Но особенно внимательно следил я, конечно, за новостями в тяжелой атлетике. Как-то прочел я в газетах о конкурсах силачей. Среди участников конкурса были пекарь-тестомес, шофер, офицер Советской Армии, счетовод, учитель — простые советские люди. Каждый из них много раз поднимал вверх двухпудовую гирию, но лучшего результата добился спортсмен из Грузии А. Хатиашвили, поднявший гирию 350 раз.

«Какие же огромные силы таятся в народе, — думал я, — сколько ненайденных еще самородков скрывается в его недрах!» И я мечтал о том времени, когда я, так же как и Игумнов, буду искать способную молодежь и учить ее, передавать свой опыт.

А пока мне самому, не жалея сил, надо было учиться. Приближались экзамены, все больше приходилось засиживаться над книгами и конспектами, но тренировки проводились, как всегда, точно в назначенное время. И, как всегда, не терпелось мне скорее выполнить новую поставленную передо мной задачу: вырвать 120 килограммов, толкнуть 150. И, как всегда, Алексей Михайлович умерял мой азарт все теми же словами: «Не спеши, все еще впереди, успеешь».

В СТРОЮ СИЛЬНЕЙШИХ

Лично-командное первенство Советского Союза по штанге должно было состояться в мае 1949 года в Воронеже.

Команда Ленинграда, в которую входили Александр Никулин, Юрий Дуганов, Тимофей Соловьев и другие сильнейшие атлеты, тренировалась у старшего тренера Бориса Павловича Адамовича, но я по-прежнему был верен Алексею Михайловичу Жижину.

Мои результаты медленно, но неуклонно росли. Весной на первенстве Ленинграда мне удалось снова поднять в сумме трех движений 350 килограммов, но дело было не в цифрах. Я чувствовал, что приближаюсь к новым результатам в рывке и толчке, что трудная задача, поставленная передо мною тренером, близка к разрешению. Но я мог это только чувствовать, потому что на тренировках мы по-прежнему работали с небольшими весами. Проверить свою силу мне предстояло в Воронеже.

Весной 1949 года Воронеж еще не был полностью восстановлен. Гуляя по улицам, я всматривался в обгоревшие камни, в развалины, поросшие травой.

Впервые в жизни пришлось мне побывать там, где были гитлеровцы, увидеть следы их дел. Еще не стерты эти следы, а поджигатели уже лихорадочно готовят новую мировую войну. При мысли об этом невольно сжимались кулаки.

Радостной была наша встреча с Аркадием Воробьевым.

— Я решил выступать в среднем весе, — сказал он мне. И, посмеиваясь, добавил: — Теперь уже ничто не помешает нашей дружбе. Ведь бороться на этот раз нам не придется.

А мне почему-то стало жаль, что не встречу я на помосте с этим спокойным, волевым человеком, что не придется мне на этот раз тянуться за ним, стараться обогнать его.

Мы много гуляли по городу, осматривая остатки разрушений и новые стройки. Пройдет еще год-полтора, и снова поднимется этот светлый стройный город, станет еще прекраснее, чем был до войны.

Соревнования начались в Доме офицеров. Зал был переполнен: ведь на помосте выступали сильнейшие штангисты страны.

Борьба атлетов легчайшего веса завершилась победой Рафаэла Чимишкяна. Быстро рос этот способный молодой штангист. Подумать только, еще полгода тому назад он был почти никому не известен, а теперь ему вручили красную майку чемпиона страны.

В полулегком весе победу одержал Николай Саксонов, в легком Владимир Светилко, в среднем Владимир Пушкарев.

Аркадий в трудной борьбе с сильнейшими штангистами страны занял пятое место. Ох, уж это «пятое место», как хорошо знакома мне его почетная горечь!

А когда пришел час и мне вступать в борьбу, самым внимательным зрителем стал Аркадий Воробьев. Не отрывая глаз, следил он за выходом каждого участника соревнований. И надо сказать, что здесь было на что смотреть. За первенство боролись лучшие полутяжеловесы страны.

Я просто терялся в этом ряду сильнейших, однако, несмотря на это, твердо решил бороться за первое место. Без дерзания нет победы.

Мне удалось выжать 105 килограммов, которые давно уже стали моим пределом. Но зато в остальных двух движениях я показал довольно высокие результаты. Рывок — 115 килограммов, толчок — 142,5 килограмма.

В двух движениях мне нехватило двенадцати с половиной килограммов для того, чтобы выполнить задачу, поставленную Алексеем Михайловичем Жижиним, хотя сумма получилась довольно внушительная — 362,5 килограмма. Мое новое личное достижение. Но что значило это достижение, если я снова, в который уж раз, оказался на четвертом месте!

Мы жили в гостинице в одном номере с Аркадием Воробьевым и по вечерам после соревнований долго беседовали, обсуждая успехи и неудачи товарищей, отмечая их сильные и слабые стороны. Однажды Аркадий предложил:

— Давай песни петь. Только не просто, а соревноваться — кто лучше споет.

Я рассмеялся и ответил:

— Давай, но кто же будет нашим судьей?

— Судьи мы сами, — сказал Аркадий и запел первым.

Он пел известную песню — «Раскинулось море широко...» Пел с чувством, но, между нами говоря, я, как

судья, первого места ему бы не присудил. Потом запел я — «Ленинград мой, милый брат мой». И, судя по всему, Аркадий тоже был не в восторге. Этот импровизированный концерт закончился совершенно неожиданно. К нам в номер вбежала перепуганная горничная и стала спрашивать, что случилось, почему у нас кричат так громко. Горничная и оказалась нашим судьей. Она нам обоим засчитала поражение.

Что же больше всего запомнилось мне из событий, происходивших на соревнованиях в Воронеже? Неизгладимое впечатление произвел на меня всесоюзный рекорд Якова Куценко.

Много раз после этого приходилось мне видеть, как дерзание спортсмена, помноженное на его волю, выучку, мастерство, приносило ему успех. Не раз впоследствии и мне самому удавалось ставить рекорды. Но навсегда остался в моей памяти тот яркий и волнующий момент, когда в Воронеже на моих глазах Яков Куценко поднял в рывке 137,5 килограмма.

«Неужели это возможно? — спрашивал я себя. — И если этого смог добиться Куценко — значит, могу и я?»

Вот в чем основной смысл рекорда. Его устанавливает один человек, идущий первым. Но тут же вслед за ним устремляются к новой цели десятки, сотни спортсменов.

Вечером того дня, когда Яков Куценко установил свой рекорд, мы много говорили об этом замечательном спортсмене с Аркадием Воробьевым. Мне хотелось узнать о нем как можно больше, но Аркадий не мог удовлетворить моего любопытства, и тогда он сказал:

— Ты дядю Сашу Бухарова спроси, он все знает.

Много я слышал об Александре Васильевиче Бухарове еще до приезда в Воронеж, но познакомился с ним только там на соревнованиях. Это был невысокий, как все легковесы, стройный и сильный старик с гладко выбритой головой, круглолицый, веселый и приветливый. Пожимая мою руку, он сказал мягким московским говорком:

— Так вот ты какой, Тимошка! Слышал я о тебе. Слежу за твоими успехами!

С этого дня мы с Аркадием частенько заглядывали к нему в номер и он заходил к нам.

Я по своему обыкновению засыпал дядю Сашу десятками вопросов. Мне многое хотелось знать и из прошлого тяжелой атлетики и из ее настоящего.

Александр Васильевич охотно удовлетворял мое любопытство, много рассказывал о старых русских силачах, с которыми ему приходилось встречаться, и о советских штангистах, которых он знал всех и говорил о них любовно и снисходительно, как о своих детях. И каждый свой рассказ он заключал всегда одной и той же фразой: «Да, крепких ребят воспитывает тяжелая атлетика».

И вот мы с Аркадием направляемся в номер к Александру Васильевичу Бухарову. Он отдыхает после большого трудового дня, проведенного за судьейским столом. Увидев нас, дядя Саша говорит:

— А, молодые силачи! Ну заходите, заходите, потолкуем.

Мы присаживаемся к нему на постель, он, улыбаясь, смотрит на нас и ждет очередных вопросов.

— Ну, каков Куценко? — спрашивает он и сам же отвечает: — Молодчина Куценко!

Я пользуюсь случаем, чтобы тут же задать десяток вопросов. Кто он, Куценко? Когда начал заниматься

спортом, когда установил свой первый рекорд, в каких международных соревнованиях принимал участие?

Александр Васильевич молча выслушивает меня, качает головой и говорит сокрушенно:

— Какой же ты любопытный парень, Тимошка!

Но тут же с удовольствием отвечает на все вопросы.

Мы узнаем от него, что Яков Куценко родился в Киеве, в семье кузнеца.

Паренек был по наследству крепкий, и отец думал сделать из него хорошего молотобойца. Он отдал сына в ФЗУ и очень огорчился, когда Яша изменил фамильной профессии и стал учиться на слесаря.

Там, в ФЗУ, секретарь комсомольской организации поручил ему однажды сделать штангу. Куценко сделал штангу, сам принес ее в спортивный зал и первым попробовал поднять в воздух, но она закачалась на полусогнутых руках и грохнулась на пол.

Кто бы из ребят, окруживших незадачливого штангиста, мог подумать тогда, что скоро этот рослый мальчик станет сильнейшим атлетом не только страны, но и всей Европы.

Однако нашелся человек, который угадал в Куценко будущего чемпиона. Как и многие киевские ребята, Яков любил цирк. Его привлекали ловкие наездники, гибкие и бесстрашные акробаты, могучие борцы. Частенько он заглядывал в цирк, а иногда попадал и за кулисы. Молодой слесарь мечтал о том, чтобы стать акробатом, и старый киевский артист взялся обучать его этому трудному искусству.

Однажды после занятий Куценко заглянул на цирковую арену и, увидев там две двухпудовые гири, решил испытать свою силу. Он стал медленно выжимать

их и удивился сам, как легко раз за разом гири взлетали вверх. Вдруг он услышал чей-то голос:

— Не дурно, хлопец, не дурно.

Куценко оглянулся и увидел у барьера человека необъятной ширины, с пышными седеющими усами.

Это был Поддубный, Иван Максимович Поддубный — знаменитый русский борец, о котором так много слышал молодой киевский паренек.

С тех пор Куценко стал серьезно заниматься тяжелой атлетикой. Он окончил ФЗУ, работал слесарем на киевской электростанции и, окончательно решив стать спортсменом, поступил в Киевский техникум физкультуры.

В 1935 году молодой штангист Яков Куценко вытолкнул штангу весом в 120 килограммов. Через два года он уже выступал в Антверпене на международной рабочей олимпиаде. Он начал свою борьбу с Серго Амбарцумяном, человеком удивительной силы. Эта борьба является одним из волнующих эпизодов истории тяжелой атлетики. Много раз встречались два сильнейших тяжеловеса страны, и почти каждая встреча их приносила новый успех то одному, то другому.

Летом 1938 года в Киеве было проведено первенство СССР, на котором способности Якова Куценко развернулись в полную силу. Четыре всесоюзных рекорда установил он в этом первенстве: в жиме, в рывке, в толчке и в общей сумме веса. Он поднял 410 килограммов. Ему первому из советских штангистов удалось перешагнуть за рубеж 400 килограммов.

Среди множества поздравлений, полученных Куценко, было письмо от Ивана Максимовича Поддубного.

Эти годы были отмечены большими успехами советских штангистов. В 1939 году советским тяжелоатле-

там принадлежал 21 мировой рекорд из 35 регистрируемых. В 1940 году, накануне Великой Отечественной войны, Яков Григорьевич Куценко в четвертый раз добился звания абсолютного чемпиона страны.

Куценко был в расцвете своих сил, когда фашисты напали на Советский Союз. В первые же дни войны многие советские спортсмены пошли добровольцами на фронт. Из них было создано несколько специальных отрядов, действовавших в тылу у врага. Ушли на фронт боксеры Сергей Щербаков, Николай Королев, Николай Штейн, гребец Александр Долгушин, борец Григорий Пыльнов, волейболист Анатолий Чинилин, конькобежец Анатолий Капчинский и многие другие. Взяли в руки винтовки велосипедисты, пловцы, яхтсмены. В этом ряду стояло также много штангистов, и среди них — Николай Шатов, Израиль Механик, Алексей Жижин. Ушел добровольцем на фронт пятидесятипятилетний Александр Васильевич Бухаров.

Не остался в стороне и Яков Куценко. Его направили в танковое училище. Куценко успешно закончил его, но, к своему великому огорчению, на фронт не попал; после окончания училища его послали на Урал ремонтировать поврежденные в боях машины. Что же, и на этом посту Куценко сделал немало для победы! В годы войны он стал коммунистом.

2 мая 1944 года, вскоре после освобождения его родного города — Киева, Куценко установил там мировой рекорд, вытолкнув 171 килограмм. Прежний мировой рекорд американца Станко был превышен на три килограмма.

Яков Григорьевич Куценко защищал честь советского спорта на первенстве мира в Париже. Там он впервые встретился с американским негром Дэвисом, который тогда был в расцвете молодых сил. Куценко

проиграл Дэвису в первых двух движениях, но в толчке победил негра и заставил говорить о себе спортивную прессу всего мира.

Через несколько дней после окончания мирового первенства, на котором советская команда уступила только американцам, Яков Куценко, выступая в зимнем велодроме в Париже, вытолкнул 170 килограммов. Этот результат вызвал аплодисменты 20 тысяч парижан, заполнивших трибуны зимнего велодрома.

В этот вечер дядя Саша долго еще говорил нам о душевной теплоте Якова Григорьевича, о его любви к товарищам, о том большом чувстве ответственности, которое всегда отличало его.

Когда наступила пора прощания с Воронежем, с моими товарищами, Аркадий Воробьев сказал мне:

— Буду добиваться мирового рекорда в рывке. — И, помолчав немного, добавил: — Как только демобилизуюсь, перееду в Свердловск, буду кончать десятилетку и поступать в медицинский институт.

И столько спокойной уверенности было в его голосе, что слова эти не звучали хвастовством. Да, он чувствовал свою возрастающую силу, этот молодой атлет. Он знал, что сможет достигнуть намеченной цели.

Я, вернувшись в Ленинград, снова приступил к занятиям в институте, к тренировкам с Алексеем Михайловичем Жижиним.

Прошло два месяца. И я получил из Свердловска письмо. Бывший краснофлотец, а ныне учащийся вечерней школы Аркадий Воробьев сообщал мне, что он находится в хорошей спортивной форме и на днях покажет в троебории 387 килограммов.

Итак, Воробьев попрежнему шел впереди, попрежнему указывал мне дорогу к высоким результатам.

Я был в отличной спортивной форме. Тренировки по умело составленному плану, в который Жижин включил гимнастические стойки, занятия на кольцах и другие упражнения, развивающие силу рук и весь плечевой пояс, помогли мне избавиться от некоторых моих недостатков. Еще большее значение имели занятия в институте. Я изучал анатомию. Теперь работа человеческого организма была мне так же хорошо понятна, как инженеру действие сконструированной им машины. Подходя к штанге, я ясно представлял себе, какие мышцы включатся сейчас в работу, каково будет их взаимодействие. И, вспоминая иногда индийскую сказку о бедной сороконожке, запутавшейся в своих собственных конечностях, я только снисходительно улыбался.

Как-то после тренировки Алексей Михайлович сказал мне:

— Ну что же, Трофим, давай ставить новую задачу. Надо еще больше подгонять жим. Без этого дело дальше не пойдет.

Конечно, Алексей Михайлович был прав. Я сам понимал: надо заняться жимом, хотя это движение и так шло у меня хорошо.

Казалось бы, чего проще! Взять штангу на грудь и поднять ее вверх усилием одних только рук. Но успех здесь зависел не только от силы спортсмена, но и от множества других причин: правильной стойки, наиболее целесообразного захвата грифа, положения плеч, спины, ног.

Судейские правила очень строги. Во время жима не разрешается сгибать ноги в коленях, поворачивать туловище, менять стойку, сходить с места, отрывать пятки или носки от пола, менять хват, помогать подъему штанги ногами и туловищем, выжимать ее с отставани-

ем одной руки от другой. И хотя жим силовое движение, но, так же как и в рывке и в толчке, все движения в нем должны быть согласованы абсолютно точно. Так, удачный выстрел возможен только при тончайшем согласовании всех действий стрелка. А ведь поднятая штанга — это тоже своего рода снайперский «выстрел». И как стрелок много раз поднимает к плечу свою винтовку, прицеливается и затем плавно нажимает курок, затаив дыхание, так и я много раз поднимал к груди штангу и выжимал ее вверх, ища и исправляя ошибки, мешающие мне показать высокий результат.

Тренировки требовали значительных усилий и совпадали с большой учебной нагрузкой. 1950 год был последним годом учебы в институте. Все новые горизонты открывали передо мной занятия. Я изучал физиологию, врачебный контроль, массаж. Занимался другими видами спорта, входящими в учебную программу: борьбой, боксом, плаванием.

И когда мне было особенно трудно, я вспоминал Якова Григорьевича Куценко в тот момент, когда он в Воронеже устанавливал всесоюзный рекорд, и говорил себе: «Если Куценко мог, почему же я не могу?»

ПЕРЕЛОМ

В мае 1950 года в Харькове должно было состояться лично-командное первенство СССР. Но это время совпадало с особенно напряженной учебой в институте. Приближались выпускные экзамены, и о поездке нечего было и думать.

Что и говорить, нелегко отказаться от новой встречи с лучшими штангистами страны, нелегко подавить в себе мысль, что, может быть, на этот раз удалось бы добиться победы. Ведь все эти месяцы я упорно тренировался и был в хорошей форме.

По газетам жадно следил я за развитием событий в Харькове. Это доставляло мне еще больше волнений, и борьба, которую я не мог наблюдать, ощущалась еще острее.

Однажды утром я узнал о том, что Аркадий Воробьев в Харькове на 500 граммов превысил мировой рекорд в рывке двумя руками для атлетов полутяжелого веса, ранее принадлежавший американцу Стэнли Станчику. Его результат был равен 132,5 килограмма.

Я был поражен. Ведь совсем недавно в Воронеже Аркадий делился со мной своей мечтой, и вот он осу-

ществил свое намерение. Какой удивительный результат! Как много пришлось мне поработать, чтоб выполнить задание Алексея Михайловича и вырвать 120 килограммов. А Воробьев поднял на 12,5 килограмма больше, чем я.

А кто этот американец Стэнли Станчик, которого он побил? Несколько раз передо мной мелькала в печати эта фамилия, но я не видел за ней живого человека. Теперь, когда Воробьев стал рядом со Станчиком, заставил его потесниться, вычеркнул его фамилию из таблицы мировых достижений, американец как бы ожил и представился мне почему-то рыжеволосым, веснушчатым парнем. А рядом с ним я видел Аркадия, его плечистую и вместе с тем стройную фигуру, спокойное, сосредоточенное лицо. Вот он натирает ладони магниезией. Вот ждет, пока на штанге установят заказанный им рекордный вес. Мне кажется, что я слышу звон сталкивающихся металлических дисков, вижу фигуры двух ассистентов, которые с трудом волокут по помосту тяжелую штангу.

В тот момент, когда готовят штангу, когда атлет еще не подошел к ней, больше всего ощутима ее огромная, неумолимая, как само земное притяжение, тяжесть. Но вот помост опустел. Воробьев выходит на его середину. Он останавливается в двух-трех шагах от штанги, несколько мгновений стоит, опустив руки, и смотрит на штангу, словно задумавшись о чем-то. Затем решительно подходит, наклоняется, сжимает гриф руками, проверяет положение ног и точность хвата. В следующее мгновение штанга отрывается от пола, взлетает вверх. Я вижу весь этот путь, сопротивление огромного веса, его колебание в руках штангиста, его стремление увлечь спортсмена за собой, сбить с ног.

Но нет, человеческая воля сильнее, и вот, чуть приподняв голову, словно не веря самому себе, Воробьев смотрит вверх, туда, где покоренная им тяжесть висит в воздухе, зажатая в его ладонях.

Эта картина реально и выпукло стоит передо мной. И мне начинает казаться, что это я сам только что вырвал вес, равный мировому рекорду, что это я сам побил американского штангиста.

Но тут же я прихожу в себя и печально улыбаюсь. Нет, это не я побил Станчика, куда мне с результатом в 120 килограммов тягаться с американским атлетом! Но я сознаю, что этого сумел добиться советский спортсмен, мой друг Аркадий Воробьев, и оттого мне и радостно и горько в одно и то же время.

Мировой рекорд был не единственной победой Воробьева в Харькове. Там же он стал впервые чемпионом СССР, подняв в сумме трех движений 412,5 килограмма и перешагнув за рубеж 400 килограммов.

Несколько дней после этого я ходил как потерянный, и даже Алексей Михайлович Жижин не мог поднять моего настроения. Что скрывать, в эти дни не раз возникала у меня предательская мысль: «Надо ли продолжать? Могу ли я тягаться с такими атлетами, как Воробьев?»

Но я нашел силы побороть недоверие к себе, отбросить эти мысли, недостойные советского спортсмена. И когда Холин, вернувшись из Харькова, рассказал мне все подробности соревнования, он только подзадо-рился меня.

С новой энергией стал я готовиться к первенству Вооруженных Сил, которое должно было состояться на этот раз в Киеве.

Там я встречу с Воробьевым, там в борьбе с ним смогу еще раз проверить свои силы.

Для того чтобы поехать в Киев, мне надо было не только отлично подготовиться к соревнованиям, но и досрочно сдать все экзамены. Смогу ли я выдержать такую нагрузку и не ударить лицом в грязь ни на выпускных испытаниях, ни на тяжелоатлетическом помосте? И я сказал себе: «Смогу».

Готовясь к выступлению в Киеве, я отработывал теперь все три движения так, чтоб быть достаточно сильным и в жиме, и в рывке, и в толчке. Я старательно изучал теорию и практику физического воспитания, физиологию, основы марксизма, историю тяжелой атлетики.

Перелистывая конспект истории тяжелой атлетики, которую читал нам Евгений Леонидович Барышников, я снова вспоминал старого доктора Краевского и его слова о том, что штангисты России могут быть сильнейшими в мире.

Теперь предсказание Владислава Францевича Краевского сбылось, но сильнейшими в мире становились не только советские штангисты. Быстро росла слава всего советского спорта. 1950 год был годом больших успехов.

Наши легкоатлеты, участвуя в первенстве Европы в Брюсселе, заняли целый ряд первых мест. Чемпионом Европы стал прыгун Леонид Щербаков, метательницы Анна Андреева, Наталья Смирницкая, Нина Думбадзе. Жена моего товарища по институту Юрия Литуева, Валентина Богданова, заняла первое место по прыжкам в длину, а сам Литуев завоевал первенство Европы в барьерном беге. С триумфом проходили выступления за рубежом наших гимнастов, баскетболистов.

Радостные вести, почти каждый день появляющиеся в газетах, придавали мне силы, держали меня все

время в большом творческом напряжении. Как хотелось мне вписать свое слово в этот почетный список побед!

И вот успешно сданы выпускные экзамены, закончены тренировки. Полный больших надежд еду я с командой штангистов в Киев.

Мне никогда не приходилось бывать в этом прекрасном городе. Но я много слышал о нем, о его живописных улицах и парках, о памятниках русской старины, о красавце Днепре.

Город не обманул моих ожиданий. Он был очень хорош. Светлый, зеленый, с людными улицами. Здесь любили и понимали спорт, здесь уважали тех, кто достиг мастерства, кто способен был показать высокие результаты.

Воробьев встретил меня с радостью. Когда я поздравлял его с мировым рекордом, он в ответ сообщил мне, что сдал экзамены за десятый класс и нынешней осенью будет поступать в медицинский институт. Видно было, что он горд этим и эти свои достижения расценивает несколько не ниже достижений в спорте.

Мы заговорили о предстоящих соревнованиях, и тут я узнал, что Воробьев собирается выступать в тяжелом весе. «Так нужно для команды, — сказал он. — Да и вес у меня велик: восемьдесят три килограмма. На пятьсот граммов больше, чем нужно для полутяжелого. Так что уж ты выигрывай».

Эта новость несколько не обрадовала меня. Уж очень хотелось мне испытать свои силы в борьбе с молодым рекордсменом мира. Однако задание Воробьева я выполнил: занял первое место в своей весовой категории и стал чемпионом Вооруженных Сил.

Мои результаты были не так уж плохи. Прежде всего сказались работа над жимом. Впервые мне удалось

поднять 115 килограммов. Улучшился результат и в толчке — 155 килограммов. Зато рывок остался тот же — 115 килограммов.

Закончив борьбу, я стал зрителем. Теперь на помост вышли тяжеломеры, и среди них был Аркадий Воробьев. Внимательно следил я за его единоборством с Николаем Комышевым. До последнего движения — толчка — нельзя было определить, кто же из них победит. Но Воробьеву удалось вытолкнуть 160 килограммов, и это обеспечило ему первое место.

Мы торжественно поздравили друг друга с победой и обменялись букетами. Воробьев возвращался в Свердловск, чтобы стать студентом, я в Ленинград, где мне предстояло окончить учебу в институте. Оба мы стояли перед большими переменами в нашей жизни.

7 сентября я получил назначение в Москву для прохождения дальнейшей службы. Наступала пора прощаться с Ленинградом, так полюбившимся мне, с институтом, с товарищами, с Алексеем Михайловичем Жижиним. Впереди была Москва, столичный коллектив штангистов, сильнейший в стране.

Разные мысли волновали меня. Как примет меня этот коллектив? Кто будет моим тренером? Но прежде чем переехать в Москву, мне предстояло путешествие на родину, в дорогие алтайские места. После окончания института полагался месячный отпуск.

Давно не бывал я дома, и возможность повидать мать, родственников, подышать воздухом Алтайских гор была очень заманчива.

Одно огорчало меня: команда советских тяжелоатлетов должна была принять участие в розыгрыше первенства мира в Париже. Но я в эту команду не попал. Аркадий Воробьев имел больше прав на борьбу

со Стэнли Станчиком: ведь он, а не я, побил рекорд американца.

Как только я сел в поезд, познакомился с соседями, отдохнул, досада испарилась. И постепенно на смену мыслям об институте, о спорте, о предстоящем первенстве мира пришли думы о доме, о привольных алтайских местах, об отдыхе, который ждал меня под родительской крышей.

Вот и Бийск — тихий городок, лежащий между двумя реками Катунью и Бией. Там сел я на попутную грузовую машину. Проехал 60 километров по Чуйскому тракту и, выпрыгнув на перекрестке, отправился по полевой дороге к местному курорту Белокурухе, где жила моя мать.

Как глубоко и привольно дышалось мне! Все радовало глаз и казалось, что могу я пройти так через весь Алтай и не устану. Вон впереди показались строения курорта. Парк, домики деревни. Я стучу в дверь. Вхожу. И навстречу мне бросается мать, обнимает меня, плачет, потом отстраняет, смотрит с удивлением и говорит:

— Ой, ой, офицер! И какой ты силач, весь в крестную удался, в тетю Стешу.

Я смеюсь, крепко прижимаю мать к груди, а она охает и все приговаривает:

— Ой, задавишь, задавишь совсем!

Через час пришли родственники, знакомые, начались расспросы. Многие из них следили за моими успехами по газетам. И теперь осматривали меня со всех сторон, хлопали по плечам и спине и все поражались, каким я стал сильным.

Потянулись беспечные радостные дни. Я ездил в лес за дровами, возил сено, валялся с книгой на траве, гулял в парке. И такими далекими казались мне

дни и месяцы, проведенные в институтских аудиториях, в тренировочном зале, на спортивном помосте.

Очень хотелось мне побывать и в той деревне, где прошло мое детство, в тех местах, где мы с отцом и дедом искали золото, где зарождалась моя сила, любовь к труду. Но так я и не выбрался туда. Быстро промелькнул отпускной месяц, и вот уже пора собираться в обратный путь.

Как раз в то время, когда я возвращался в Москву, наша команда вышла на сцену парижского дворца Шайо.

Всю дорогу я думал о том, что же происходит в Париже, как успехи Аркадия Воробьева и Якова Куценко, Рафаэла Чимишкяна и Евгения Лопатина, Владимира Светилко и Владимира Пушкарева. Всеми мыслями я был с ними и надеялся, что их сильные противники будут побеждены. На станциях я пытался покупать газеты, старался ловить радио, но так до Москвы толком ни о чем и не узнал.

Прямо с вокзала я поехал во Всесоюзный комитет физкультуры и спорта к Александру Васильевичу Бухарову. Он тоже ездил в Париж в качестве судьи и был одним из тех немногих, которые могли удовлетворить мое любопытство.

Оставив свой чемоданчик в гардеробе, я быстро взбежал по лестнице на второй этаж, промчался по оживленному коридору, единственному месту, где можно было одновременно встретить пловцов, лыжников, велосипедистов, футболистов, боксеров и яхтсменов, распахнул двери и увидел дядю Сашу. Он сидел за столом, склонившись над бумагами, все такой же подтянутый, гладко выбритый.

Увидев меня, он печально улыбнулся и спросил:

— Ты откуда, Тимошка?

— Из отпуска, дядя Саша. И ровным счетом ничего не знаю.

— Какой же ты любопытный, Тимошка, — сказал, как всегда укоризненно, Александр Васильевич, — опять будешь приставать с вопросами, а мне некогда, видишь, сколько бумаг накопилось.

— Ну, дядя Саша, как же мне не приставать! Ведь я же ничего не знаю.

— Как не знаешь? — удивился Бухаров. И тут же грустно добавил: — И хорошо, что ничего не знаешь.

У меня замерло сердце.

— Как Аркадий? — спросил я.

— Второе место, — сказал дядя Саша.

— А Яков Григорьевич?

— Второе место, — снова сказал Бухаров.

— Ну, а Чимишкян? — с надеждой задал я новый вопрос.

— Ох, и любопытный ты, Тимошка! — сокрушенно качая головой, сказал дядя Саша, но теперь в его словах не звучала обычная ласковая шутка. — Не травми мою душу. — И добавил дрогнувшим голосом: — Второе место... Словом, проиграли. — И горестно махнул рукой.

Я стоял перед Бухаровым, опустив голову. Сознание не хотело мириться со сказанным. Ведь мы так сильны! Как же это? С языка рвался новый вопрос: «Какое же место заняла наша команда?» Но, взглянув на расстроенное лицо Бухарова, я ничего не сказал и вышел из комнаты.

Печален был мой приезд в Москву. Каким одиноким я почувствовал себя, когда вышел с чемоданчиком на улицу. Куда идти? Сейчас одиночество было для меня невыносимым. Хотелось, чтобы рядом были

друзья. И я поехал во Дворец спорта «Крылья Советов».

В просторном зале, сверкающем сталью, зеркалами, чистотой, меня встретил Евгений Лопатин.

— Прибыл? — спросил он, направляясь мне навстречу. — Вот и отлично. Тренироваться?

— Да нет, я только с поезда. Еще не устроился.

— Ну, устраивайся поскорее, будем готовиться к первенству Союза. Ты ведьходишь в команду.

Потеплело у меня на душе от этих слов. «Входишь в команду» — это значило, что я не один, что я принят в семью московских спортсменов, что надо продолжать работать еще упорнее, чтобы двигаться вперед, добиваться победы.

— А что случилось в Париже? — попытался я хоть сейчас добиться ответа.

— Ну, что тебе сказать? — начал Лопатин. — По правде, и вспоминать не хочется. Не повезло команде. Заболел Дуганов, Светилко растянул руку, Куценко плохо себя чувствовал, а молодежь, естественно, волновалась. Вот поедешь за рубеж, поймешь, что это значит. Это не то что в Москве или Харькове. Там выходишь — и будто весь мир на тебя смотрит, будто ты один за весь Советский Союз отвечаешь. Вот и получилось, что Чимишкян проиграл Намдью. Я тоже второе место занял. Куценко проиграл Дэвису. Ну и силен негр! Симпатичный. Обидно, что за Америку выступает. Кто там ценит его?

— А что же Аркадий? Как он Станчику уступил?

— А он и не уступал Станчику, — ответил Лопатин.

— То-есть как не уступал? — удивился я. — Так почему же он на втором месте?

— А ты вот послушай, — сказал Лопатин. — Начался жим со ста пятнадцати килограммов. Аркадий взял вес, Станчик пропустил. На штанге сто двадцать килограммов. Аркадий взял вес, Станчик пропустил. Прибавили еще два с половиной килограмма. Аркадий взял вес, Станчик опять пропустил. У Аркадия больше ни одной попытки. У Станчика еще три. Потребовал американец сто двадцать пять килограммов и выжал. Нечисто выжал. У нас бы не засчитали, а там засчитали. После этого американец совсем расхрабрился. Сто тридцать килограммов потребовал, но на этот раз дважды спасовал.

Таким образом, после жима Станчик шел впереди на два с половиной килограмма. Начали рывок. Аркадий решил во что бы то ни стало отыгратья. Сам знаешь, рывок — его главный козырь. Начали со ста двадцати пяти килограммов. Аркадий берет вес, а Станчик берет. Берет и требует сто тридцать килограммов. И, понимаешь, снова берет. Тут у нас у всех сердце так и замерло. А Аркадий так спокойно говорит судьям: «Пропускаю!» Вот смелый парень! На штанге сто тридцать два с половиной килограмма. Подходит в третий раз к штанге американец. Напрягся, подтянул штангу, но не тут-то было, сорвалось.

А у Воробьева еще две попытки. Вышел он к штанге. Мы не дышим. Берется за гриф. Рывок. Подсед. И в последний момент штанга вырвалась из его рук. Ну что тут было с нами — и не опишешь. Ведь всего одна попытка осталась! Не удастся, тогда все, проигрыш! Воробьев ходит по сцене, руки натирает и не смотрит по сторонам. Потом вышел, впился в гриф, резко рванул штангу вверх, сразу подсел под нее и выпрямился, замер на месте. Стоит и ждет судейской команды, а в зале грохот, вой. Станчик стоит

в стороне бледный, около судей его босс Гофман вертится, руками размахивает. Казалось нам, вечность прошла, пока судья дал отмашку и Аркадий положил штангу. Понимаешь, на глазах всего Парижа, да что там Парижа — всего мира, показал наш Воробьев, что в самом деле мировой рекорд его, что Станчик бит.

Так в рывке Аркадий догнал Станчика. Сумма у них равная, но равная после двух движений, а впереди толчок. Выходит, радоваться еще рано. Аркадий думал начинать со ста пятидесяти килограммов, а после рывка решил сразу со ста шестидесяти. Тяга, сам знаешь, у него какая!

Первым вышел Аркадий и с первой попытки зафиксировал вес. Выходит Станчик и тоже поднимает штангу. Ставят сто шестьдесят пять килограммов. Выходит Воробьев и толкает. Ну, тут мы думаем, все, побил американца; а Станчик подошел и тоже поднял вес. Опять сумма равная. Осталась последняя попытка. Прибавили еще два с половиной килограмма. Станчик сорвался. Последнее слово за Аркадием. Взял он штангу на грудь и не толкнул.

Так вот и вышло, что Аркадий и Станчик в сумме подняли четыреста двадцать килограммов, но собственный вес Воробьева оказался на шестьсот граммов больше веса Станчика. Понимаешь, какая обида! Четыреста двадцать килограммов поднять, и из-за шестисот граммов отдать первое место американцу. Вот как бывает.

Лопатин замолчал, помрачнел, пережив заново все, что случилось в Париже, а мне стало легче. Я увидел, что мы сильны. Ведь, по существу, Воробьев не проиграл Станчику, а выиграл у него. Не Станчик, а Воробьев повторил в рывке мировой рекорд. И как бы отвечая на мои мысли, Лопатин добавил:

— Да, высоко Аркадия в Париже оценили. И хоть занял он только второе место, а золотую медаль ему наравне со Станчиком вручали, как чемпиону Европы.

Еще ближе стал мне мой друг после рассказа Евгения Лопатина, и еще больше захотелось мне догнать его. Стать таким же сильным, таким же смелым и волевым, как он. Но для этого надо было тренироваться еще упорнее. И под впечатлением парижских событий я начал тренировку.

Правда, теперь на занятия в спортивном зале времени у меня было меньше, чем в Ленинграде. Работа в штабе требовала большого напряжения сил. Надо было входить в курс дела, знакомиться со своими новыми обязанностями и продолжать учебу, совершенствовать свои военные знания.

Немного освоившись на новом месте, я стал посещать зал тяжелой атлетики во Дворце спорта «Крылья Советов».

Задача, которую я поставил перед собой, определялась цифрой «400». Я решил перевалить, наконец, за рубеж 400 килограммов.

Распределение веса по движениям выглядело так: жим — 120 килограммов, рывок — 125, толчок — 157.

Кроме упражнений со штангой, я занимался гимнастикой и лыжным спортом, бегал на коньках. И с каждым днем чувствовал себя все увереннее.

Как-то я решил проверить себя и поставил на штангу большой вес — 157 килограммов. Как легко у меня стало на душе, когда уверенно и четко я вытолкнул штангу.

И вот пришел день, когда московская команда штангистов, в которую входили Роберт Роман, Евгений Лопатин, Николай Шатов, Владимир Пушкарев,

я и молодой атлет тяжелого веса Алексей Медведев, выехала в Тбилиси.

Чем дальше мы продвигались на юг, тем стремительнее отступала зима. Было удивительно радостно ехать навстречу весне.

В дороге я быстро сдружился с моими новыми товарищами и особенно с Николаем Ивановичем Шатовым. Он много рассказывал мне о своих выступлениях.

Шатов первым из советских штангистов установил мировой рекорд. Еще в 1934 году, вырвав левой рукой¹ штангу весом 78,4 килограмма, он побил швейцарца Эшмана. Выступление Николая Ивановича в Тбилиси было последним. После этого Шатов перешел на тренерскую и организационную работу.

Город поразил меня своей красочностью, теплом, гостеприимством. Я с интересом приглядывался к грузинским спортсменам, славящимся своей силой и ловкостью. Грузинские гимнасты, борцы давно привлекали мое внимание.

Надеялся я повидаться в Тбилиси с Аркадием, но его не было среди участников первенства. После поездки в Париж он, став студентом медицинского института, наверстывал пропущенное в учебе. Зато я встретился в Тбилиси с моими ленинградскими товарищами, которые стали теперь моими противниками. Я увидел Юрия Дуганова, Валентина Конных, Виля Холина. Холин и стал на этом соревновании моим основным противником.

Результаты, показанные мною, были ниже тех, к каким я стремился. Жим — 115 килограммов, ры-

¹ Поднимание штанги одной рукой не входит в программу классического троеборья, но рекорды регистрируются.

вок — 120, толчок — 150. И сумма была все та же, знакомая мне, — 385 килограммов. Этого оказалось достаточно, чтобы победить Холина, но задачу свою я не выполнил — рубеж 400 килограммов все еще не был взят.

На соревнованиях в Тбилиси впервые участвовали спортсмены не шести весовых категорий, как до сих пор, а семи. Была введена новая категория атлетов полусреднего веса.

Атлеты, выступающие в этой категории, должны были иметь вес от 67,5 до 75 килограммов. Таким образом, прежние полутяжеловесы стали средневесами (от 75 до 82,5 килограмма). Категория спортсменов полутяжелого веса, в свою очередь, стала определяться в пределах от 82,5 до 90 килограммов, а в тяжелый вес вошли все те, кто имел свыше 90 килограммов. Таким образом, я, раньше выступавший большей частью в полутяжелом весе, теперь перешел в средневесы. Главным моим противником отныне стал один человек — Аркадий Воробьев.

НА НОВОМ РУБЕЖЕ

Полный противоречивых чувств вернулся я в Москву. С одной стороны, меня радовала победа над Холиным, с другой — огорчало, что за три года упорной работы мне еще ни разу не удалось показать рекордного результата.

Начав тренировки, я еще упорнее стал стремиться к решению той задачи, которую мне так и не удалось выполнить в Тбилиси.

Через два месяца я снова встретился с Аркадием Воробьевым на соревновании сильнейших штангистов страны.

Воробьев был отлично подготовлен, хотя и не очень говорил о своих успехах. О Париже мы с ним тоже не вспоминали, и только однажды, гуляя по Москве, я спросил его:

— Как выглядит Стэнли Станчик?

Воробьев пожал плечами и сказал: —

— Видный парень, сложен хорошо, сильный, резкий, но жмет не чисто.

— А каков он? — допытывался я.

— Русый. Говорят, что на конкурсе красоты получил первый приз, — ответил Аркадий. — А так что к этому прибавить? Ростом с меня. Немножко говорит по-русски. Родом он из Польши. Когда мы с ним кончили борьбу, похлопал меня по плечу и сказал: «Сильный».

Я громко рассмеялся, и Воробьев удивленно посмотрел на меня. Пришлось ему рассказать, каким я представлял себе Стэнли Станчика: рыжеволосым, веснушчатым. А он, оказывается, чемпион красоты!

Меня интересовало, чем занимается Станчик в Америке, но тут Воробьев не мог удовлетворить моего любопытства. Он сказал только, что все штангисты американской команды работают у Боба Гофмана. Это их хозяин, «босс», как они говорят. Какой-то заводчик и издатель журнала «Сила и здоровье».

Воробьев видел в Париже несколько номеров этого журнала. Яркая обложка, на которой изображен какой-нибудь напрягший мышцы красавец, на первой странице фотография Гофмана и его статья. И еще различные рекламы: трусиков, «эмбрикейшен», как называют в Америке жидкость для размягчения мышц, оборудования тяжелоатлетических залов и т. д.

— Боб Гофман очень не понравился мне, — рассказывал Аркадий. — Не хочется о нем и говорить. Наверное, держит ребят в кулаке, выжимает из них все до последней капли, а потом выбрасывает на улицу. Кого мне особенно жаль, это Дэвиса. Какой замечательный штангист! Еще молодой. А посмотрел я на него и подумал: «Что ждет тебя в будущем, парень?»

— Ну и что ждет его в будущем? — заинтересовался я.

— А то же, что и Джо Луиса. Как гремел этот человек! Одиннадцать лет подряд выигрывал мировое первенство по боксу в тяжелом весе. Портреты в газетах. Слава. Гонорары. А когда он, почувствовав, что стареет, сошел с ринга непобежденным и попробовал жить на свои сбережения, его вынудили вернуться к спорту. Видишь ли, с уходом Луиса дела спортивных дельцов пошатнулись. Интерес к боксу упал. И чтобы поднять его, Джо Луиса заставили встретиться с его же учеником Чарльзом Эззардом. Ну, тот его жестоко побил в пятнадцатом раунде... Это я в Париже узнал.

Больше мы с Воробьевым к парижским событиям не возвращались. Все мысли наши были направлены не в прошлое, а в будущее, в наше ближайшее будущее, когда мы шагнем навстречу штанге.

Много раз приходилось мне после этого вести борьбу на тяжелоатлетическом помосте, побеждать, терпеть поражения, радоваться и огорчаться, но эта февральская встреча на матче сильнейших в Москве навсегда врезалась в мою память.

Снова мы были рядом с Аркадием, снова после долгого перерыва состязались в силе и ловкости.

В жиме мне удалось выполнить мою «контрольную» цифру. Я выжал 120 килограммов. И в рывке на третьем подходе мне удалось осуществить свое давнее желание — поднять 125 килограммов.

Но вот на помосте Аркадий. На штанге 133 килограмма, вес нового мирового рекорда. И Воробьев поднимает штангу.

В такой момент забываешь о том, что ты побит, что успех товарища является твоим поражением. Забываешь обо всем, охваченный радостью, удивлением. И когда Воробьев опустил штангу, я бросился его це-

ловать, а Аркадий стоял растерянный, усталый и только покорно подставлял под мои губы лицо.

То, что произошло дальше, бывает в каждом виде спорта. Когда лидер развивает рекордную скорость, этот порыв увлекает за собой соперников.

В толчке мне удалось на второй попытке поднять 157,5 килограмма. Это был мой личный рекорд, вес, к которому я уже давно стремился. Но когда я положил штангу на помост, мой тренер предложил мне взвеситься.

Дело в том, что в этих соревнованиях я выступал в среднем весе, как говорится, на пределе. Несколько сот лишних граммов передвигали меня в следующую категорию — полутяжелую. И когда я встал на весы, стало известно, что я в самом деле на 400 граммов превышаю весовую категорию средневесов.

Это неожиданное обстоятельство превращало мой личный рекорд в толчке в рекорд всесоюзный, так как после установления новой весовой категории в полутяжелом весе результата 157,5 килограмма еще никто не показывал.

До сих пор я привык к мысли, что лишние граммы собственного веса всегда грозят поражением. Ведь именно поэтому Воробьев должен был уступить первенство Стэнли Станчику.

Теперь же несколько сот лишних граммов принесли мне большой успех. Впервые удалось мне вписать свое имя в таблицу всесоюзных рекордов. И это так вдохновило меня, что я тут же потребовал поставить на штангу 160 килограммов. Еще один толчок и еще одна удача.

Над щитом вспыхивают три лампочки. Судья торжественно объявляет:

— Вес взят!

Сколько лет я ждал этого момента, и вот в течение нескольких минут мне удалось два раза улучшить рекорд.

Вместе с новым рекордом пришла еще одна долгожданная победа. Наконец-то мне удалось увидеть в судейском протоколе против своей фамилии цифру «400». Так же как и Аркадий, я поднял 405 килограммов.

Впервые я стою с Воробьевым рядом, но — увы! — недолго. Теперь лишние 400 граммов моего веса оборачиваются против меня. Воробьев легче, и поэтому он занимает первое место, а я — второе.

Приняв душ, сложив свои спортивные костюмы в чемоданчики, мы с Аркадием вместе выходим на оживленные улицы Москвы.

Мы идем рядом и обсуждаем только что закончившееся соревнование. Оно принесло много неожиданностей. Хорошие результаты показали молодые, доселе малознакомые нам штангисты — Борис Журомский, Хаим Ханукашвили, Багир Фархутдинов. Николай Саксонов, мой товарищ по спортивному обществу, установил мировой рекорд в рывке для атлетов полулегкого веса. Он поднял 105,5 килограмма, улучшив, таким образом, на 500 граммов результат египтянина Файяда. Отлично показал себя на матче сильнейших молодой легковес Александр Никулин.

— Да, растет молодежь, — говорит Воробьев.

А я невольно думаю о том, что ведь совсем недавно и мы с ним тоже считались молодыми. А теперь уже стоим в ряду первых силачей страны. Но для того чтобы удержаться в этом ряду, надо было упорно работать, совершенствовать свое мастерство.

Двигаться вперед мне помогал мой новый тренер

Т. Ломакин выталкивает штангу весом в 160 килограммов.

Израиль Бенецианович Механик. Опыт у него был огромный, глаз такой же меткий, как и у Алексея Михайловича Жижина. И я с удовольствием занимался с ним.

Просмотрев мой тренировочный план и расспросив меня о методах моей работы, Механик согласился со всем. Но после первых же занятий откровенно высказал мне свое мнение, не считая нужным ничего скрывать.

— Силы у тебя много, — сказал Израиль Бенецианович, — но до конца использовать эту силу ты еще не умеешь. Главный твой недостаток в жиме. А что такое жим, тебе объяснять нечего: сам понимаешь — основа всего. И тяги тебе нехватает. Поэтому в толчке ты не добираешь. Вот мое предложение: работаем над жимом, добиваемся правильного выхода под штангу, тренируем толчковую тягу.

И хотя после того, как мне удалось поднять 405 килограммов, я по праву мог считать себя уже опытным штангистом, я поверил Израилю Бенециановичу и полностью согласился с его замечаниями.

Так началась учеба, кропотливая, не терпящая никаких послаблений. Как новичок, разучивал я первое движение троеборья — жим. Много раз подходил к штанге, много раз учился поднимать вес на грудь. В этом движении имеются как бы два старта. Когда вес уже покоится на груди, едва поддерживаемый расслабленными руками, начинается второе стартовое усилие. В этот момент в работу включаются все мышцы рук, плеч, туловища, включается воля спортсмена. Ему надо в какую-то долю секунды выложить все, что он может.

Так же старательно тренировали мы и толчок, «подрыв» штанги, тягу.

Тренер внимательно приглядывался ко мне и однажды сказал:

— Понимаешь, Трофим, за рывок я не беспокоюсь. Движение тебе по нутру. Реакция у тебя быстрая. Умеешь мгновенно собраться. И толчок тебе подходит, потому что ты трудолюбив, действуешь не слепо, обдумываешь каждое свое движение и не жалеешь сил. Вот какой разносторонний у тебя характер. И если ты еще и жим освоишь, то станешь настоящим троеборцем.

Я удивился такому определению моего характера. Ведь мы с Израилем Бенециановичем занимались всего считанные дни. После этого я стал верить своему тренеру еще больше и не ошибся. Очень быстро вошел я в отличную спортивную форму и чувствовал, что подхожу к новым высоким рубежам.

Проверить все это мне предстояло в Берлине на XI Всемирных студенческих играх, которые должны были состояться в августе на Фестивале молодежи,

31 июля наша команда штангистов — Багир Фархутдинов, Рафаэл Чимишкян, Иван Соломахо, Александр Мозжерин, Аркадий Воробьев, я и Алексей Медведев — встретились на платформе Белорусского вокзала.

Вместе с нами уезжали на Фестиваль представители почти всех видов спорта, молодые артисты, рабочие, трактористы, комбайнеры, студенты, писатели.

Сколько лиц, приветствий, улыбок! Наш главный тренер Николай Иванович Шатов сбился с ног, устранивая нас с наибольшим комфортом. Ведь предстоит долгий путь, и его беспокоит, не выйдем ли мы из формы, не наберем ли лишнего веса.

Под гром оркестра, провожаемые взмахами сотен платков и шляп, почти заваленные букетами цветов, отправляемся мы в наше путешествие.

Рядом с Аркадием Воробьевым стою я у окна вагона, провожая взглядом Москву. На душе радостно от мысли, что я увижу незнакомые места, встречу с новыми людьми, испытаю свою силу в борьбе со штангистами многих стран.

— Давай споем, Аркадий, — предложил я.

— На спор, кто лучше? — спросил Воробьев. — Как в Воронеже?

— А судить кто нас будет? — рассмеялся я.

— А мы Николая Ивановича позовем, — предложил Аркадий. — Или, хочешь, судейскую коллегияу соберем.

— Нет уж, давай не позориться, — сказал я. — Споем так, для тренировки.

И мы затянули любимую песню Аркадия «Раскинулось море широко...».

Мы ехали в Берлин. В демократический Берлин, где собиралась прогрессивная молодежь всех стран мира, для того чтобы поднять свой голос против войны, которую готовили поджигатели новой мировой бойни. Как же не радоваться, как же не петь было нам! Ведь еще так недавно слово «Берлин» было неразрывно связано с самыми темными силами войны. А теперь нас там ждали друзья мира.

Промелькнули последние метры родной земли и скрылись позади. Польша встречала нас толпами молодежи. На перронах вокзалов юноши и девушки громко и дружно скандировали: «Ста-лин, ком-сомол!», «Ста-лин, ком-со-мол!», «Ста-лин, ком-со-мол!»

С жадностью следил я за всем, что возникало перед моими глазами. Селения и города, непривыч-

ный, рассеченный на доскутья рисунок полей, люди, говорящие на незнакомом языке, — все привлекало мое внимание. Даже воздух казался каким-то другим.

Мы ехали весело. Вспоминали прошлые встречи на тяжелоатлетическом помосте, делились своими планами, надеждами. Вели долгие разговоры с товарищами по вагону — легкоатлетами, баскетболистами. Мы интересовались их успехами, секретами их мастерства, они расспрашивали нас.

Проехали Польшу, и — вот она, Германия, с ровными шоссе, обсаженными фруктовыми деревьями, с аккуратными домиками крестьянских ферм.

Остановка во Франкфурте — и перед нами Берлин. Мы приехали туда под вечер и еле протиснулись на переполненный перрон.

Советскую делегацию встречала молодежь самых различных стран. Сколько разных лиц! Сверкающие зубы негра, плечистая фигура молодого шведа, картавая речь француженки, обнимавшей Воробьева.

Когда мы вышли из здания вокзала, то невольно остановились. Площадь была полна народом, который встречал нас — советскую молодежь.

Для команды штангистов подали автобус. Наш, такой привычный, московский курносый автобус, на котором столько раз я ездил на работу, на тренировки. Но за окнами раскрываются картины незнакомого города, еще хранящего следы боев. Мелькают развалины, аккуратно сложенные штабеля кирпича, недостроенные и новые дома.

Остановилась наша делегация в Лесотехнической академии. Устроившись, мы отправились осматривать город, новый стадион, построенный к открытию Фестиваля берлинской молодежью.

В Берлине в эти дни все дышало праздником. Дома расцвечены флажками, плакатами, лозунгами. На тротуарах разноплеменная и разноязыкая толпа, в которой никто не чувствовал себя чужим.

К нам подходили люди из самых различных стран, чтобы пожать нам руки, обнять, и мы не чувствовали затруднения, не понимая обращенных к нам слов. Мы понимали друг друга, мы разговаривали с алжирцами и вьетнамцами, англичанами и бельгийцами, бразильцами и голландцами так же уверенно, как говорили друг с другом.

В глазах рябило от пестрых необычных нарядов, от улыбок. То там, то здесь возникали песни. Вот на площади группа немецкой молодежи поет «Песню о Сталине» на русском языке. Эту песню подхватывают корейцы, испанцы.

Мы бродили по улицам Берлина до позднего вечера и, вернувшись домой, были встречены строгой нотацией Николая Ивановича Шатова.

— Режим, режим и еще раз режим, — выговаривал нам Николай Иванович, — не забывайте, что через неделю нам выступать.

Пришлось покориться и ограничить наши прогулки по этому ликующему, поющему городу.

— Вот как будет выглядеть мир при коммунизме, — сказал мне как-то Аркадий, — когда не будет больше границ, не будет вражды, не будет войн.

А пока за Бранденбургскими воротами, совсем рядом, начинался другой мир. Мы видели штуммовских полицейских, американских солдат, вразвалку шагающих по улицам, каких-то господ в котелках.

Наступило 6 августа — день торжественного открытия Фестиваля. Как описать стадион имени Вальтера Ульбрихта, на котором собрались 26 тысяч юно-

шей и девушек, представители пяти континентов, приехавшие в Берлин для того, чтобы провозгласить «Мир — миру, война — войне»! Этот лозунг, повторенный на десятках языков, виднелся всюду. Десятки тысяч голосов скандировали одну и ту же фразу: «Дружба — мир!», «Дружба — мир!» И этот голос молодого человечества был, конечно, слышен в Западном Берлине. Да и только ли в Западном Берлине? Нет, его слышала вся Германия, рассеченная американцами на две части. Его слышали во Франции и Англии, к нему прислушивались по ту сторону Атлантики. Вот о чем я думал, стоя во главе нашей белорусской делегации. Мне была доверена честь нести знамя Белорусской ССР.

Отзвучали слова приветственных речей. В воздух взвились тысячи голубей. Начался торжественный марш молодых борцов за мир. Первой шла молодежь Албании. Затем австралийцы, англичане, китайцы, французы, итальянцы. В одном строю двигались сирийцы, иранцы, египтяне, юноши и девушки с Гваделупы, американцы. Вот пришел и наш черед. И когда советская делегация появилась перед трибунами стадиона, нас встретили единым тысячеустым приветом: «Да здравствует комсомол! Дружба!»

Как хотелось мне посмотреть со стороны на движение нашей колонны. Какое это, должно быть, было красивое, внушительное шествие! Но я не мог увидеть, как выглядим мы со стороны, потому что сам шагал в строю, поднимая кверху красное знамя.

Так начался Фестиваль. И все его дни слились в моей памяти в одно яркое, сверкающее всеми красками радуги, неразделимое целое. Невозможно сейчас вспомнить, что мы видели раньше: блестящую ли нгру наших баскетболистов, или выступления чешских

гимнастов, танцы японцев или бурную пляску мексиканцев. Мы слушали песни, звучащие то мелодично и протяжно, то резко и стремительно. Мы слушали музыку, несущую на своих волнах негритянскую грусть, и задорные мелодии румынских напевов. Мы ходили по выставкам, слушали выступления Пабло Неруды и восторгались «Последней песней» греческого поэта Янопулоса.

На конкурсе стихов, который проводился на Фестивале, поэма Костаса Янопулоса, так скорбно названная им, получила первую премию. Но ее автора не было с нами в Берлине. Он был казнен в ту ночь, когда дописал последние строки своей последней песни.

XI Всемирные студенческие игры, новая, незабываемая по яркости, по силе впечатлений страница Фестиваля, в которую и мы, советские спортсмены, вписали свои строки, начались 7 августа на стадионе имени Вальтера Ульбрихта соревнованиями легкоатлетов. Пока не настал наш черед, мы, штангисты, были яростными болельщиками. Мы восторгались быстротой бегунов, силой метателей, ловкостью прыгунов. Один за другим поднимались на постамент почета наши товарищи Владимир Сухарев, Владимир Казанцев, Иван Семенов, Нина Пономарева и другие. Успешно проходили выступления советских боксеров и борцов, а 10 августа и мы вышли на помост в цирке Берлаи.

Путь к победе показал нам Багир Фархутдинов. Затем первое место завоевал Рафаэл Чимишкян. Больше всего мы волновались за Ивана Соломаху и Александра Мозжерина. Они впервые выступали на крупных соревнованиях, но показали, что их не зря включили в команду. Аркадий Воробьев взял первое место в среднем весе, я — в полутяжелом. В едино-

борстве с сильнейшими тяжеловесами многих стран звание чемпиона студенческих игр завоевал наш молодой товарищ Алексей Медведев. И так, все семь первых мест остались за нами.

Но на этом не закончились наши выступления. Через несколько дней мы снова вышли к штанге. Проводились показательные выступления. И здесь в Берлине неожиданно прошел следующий этап моей борьбы с Аркадием Воробьевым.

На этот раз мы оба выступали в полутяжелом весе. Когда начались соревнования по толчку, зрители, до отказа заполнившие цирк, стали свидетелями удивительных событий. Воробьев вытолкнул штангу весом в 162,5 килограмма и побил принадлежавший мне всесоюзный рекорд. Но я тут же улучшил этот результат на пятьсот граммов. И тогда Аркадий вытолкнул 165 килограммов. Не успевали замолкать аплодисменты, приветствующие победу одного из нас, как с новой силой вспыхивала овация.

Да, недолго простояло мое имя в таблице всесоюзных рекордов. В первый раз — пять месяцев, во второй раз — две минуты, но я не огорчился. Я уже знал, что каждый новый успех Воробьева — это в зародыше и мой успех. Передо мной появлялась новая цель, к которой я тут же начинал стремиться.

Закончились соревнования, и веселый круговорот Фестиваля снова захватил нас. Но празднику подходил конец. Уже вручены призы танцорам, певцам, музыкантам. Главный приз мира присужден советской делегации. Уже прошло факельное шествие по улицам Берлина, и 19 августа на площади Маркса — Энгельса участники Фестиваля дали клятву быть верными делу мира и вместе с десятками тысяч берлинцев спели Гимн демократической молодежи.

Клятва на площади и слова песни, написанной русским поэтом и русским композитором, звучали призывом к борьбе за мир. К борьбе, необходимость которой особенно остро ощущалась нами здесь, в Берлине. Ведь американские оккупанты всеми силами пытались сорвать Фестиваль. Они не пускали к нам молодежь Западной Германии, они задержали на аэродроме стремящуюся к нам молодежь Австрии. Они набросились с дубинками на молодых немцев из восточной зоны Германии, когда те пришли с согласия властей Западного Берлина на его улицы. Мы видели в больнице наших раненых и избитых друзей.

Весь обратный путь на Родину я старался разобрать в своих впечатлениях о Фестивале. И, вспоминая подробности нашего пребывания в Берлине, я окончательно убедился в том, что спорт является могучим средством в борьбе за мир, за дружеское общение между народами.

Наши успехи вызывали у спортсменов других стран не раздражение, а большую симпатию, возрастающую по мере нашего знакомства с ними. Они видели в нашем мастерстве силу Советской страны. Они видели своими глазами, какие блага дает эта страна своему народу, какой любовью и заботой окружает она молодежь. Значит, надо, не жалея сил, стремиться к совершенствованию, не останавливаться на достигнутом, смело преодолевать все новые и новые рубежи.

СТАНЧИК РЯДОМ

И вот снова Москва. Белорусский вокзал. Площадь, заполненная приветствующей нас молодежью.

Первые дни после возвращения прошли в беседах с друзьями. Все они, мои сослуживцы и товарищи по спорту, хотели знать, как прошел Фестиваль, что интересного я увидел. Всех волновал один вопрос: как ведут себя в Берлине американцы? И мой рассказ о немецких юношах и девушках, избитых и раненных в западной части города, вызывал большое возмущение. А я сам новыми глазами смотрел на все — на Москву, на наш спортивный зал, такой светлый и удобный, на людей, встречающихся мне на улице, для которых дубинки полицейских и кастеты хулиганов были понятиями совершенно абстрактными. А потом потекла привычная для меня жизнь — работа в штабе, тренировки, встречи с друзьями.

Вскоре после возвращения из Берлина мне пришлось побывать в Киеве. Там я встретился с Яковом Григорьевичем Куценко. Мы сидели с ним над Днепром, любуясь широким разливом могучей реки, и беседовали о поездке в Германию.

Т. Ломакин беседует с Я. Г. Куценко.

— Когда выступишь за рубежом, чувствуешь себя совсем иначе, чем на Родине, — сказал Яков Григорьевич. — Откуда только силы берутся! Недаром нашим ребятам так часто удается показывать рекордные результаты именно во время заграничных поездок. Но ты еще не знаешь, что такое выступать за рубежом.

— Как! А Германия? — спросил я.

— Это не то, — ответил Куценко. — Там так же, как и в Чехословакии, Румынии, Венгрии, ты чувствуешь себя среди друзей, а вот когда придется тебе выйти к штанге в Париже, в Милане или в каком-нибудь другом западноевропейском городе, тогда ты поймешь разницу.

— А в чем же она, Яков Григорьевич? — спросил я.

— Я тебе сейчас покажу. Вот взять хотя бы нашу поездку на первенство мира в Париж в 1946 году. Прибыли мы, устроились в гостинице, а нашей команды и в списках участников нет. Завтра выступать, а нам говорят, что прежде чем Международная федерация гиревиков не примет нас в свои ряды, выступать мы не будем.

Всю ночь мы волновались, думали — дадут или не дадут нам выйти на помост. Утром узнали — приняли! Но зато сразу же другое огорчение: поскольку мы не были членами федерации, все наши двадцать пять мировых рекордов не регистрировались и в счет не идут. Все надо начинать заново. Вот и попробуй беречь нервную энергию перед соревнованием в такой обстановке!

Но это еще не все. Являемся мы во дворец Шайо, ищем места для разминки — нет такого места. Оказывается, разминаться не принято. А газеты вышли в этот день с такими аншлагами: «Посмотрим, равен ли русский килограмм французскому?», «Увидим, на что способны русские».

Непривычная, почти враждебная обстановка, секретные переговоры между американцами и египтянами, незнакомый язык, незнакомые правила. И никто ничего тебе не хочет объяснить, и чувствуешь, каждый из этих господ только и ждет, что ты промахнешься.

Разглядываем известных нам по печати атлетов. Вот мой молодой соперник Дэвис, вот знаменитый египтянин Туни, вот Станчик.

После торжественной части вдруг объявляют: сегодня все свободны, кроме штангистов полулегкого веса. Почему? Это же значит, что на следующий день должны будут выступать спортсмены сразу всех шести

весовых категорий. Когда же закончатся соревнования?

Долго мне пришлось ждать своей очереди — целых восемь часов. Сколько волнений было! Только в три часа утра штангисты тяжелого веса вышли на помост. А за кулисами толпятся американцы, пьют кока-кола, глотают пилюли, дыхание спирает от запаха какой-то едкой жидкости, оглушительно кричат египтяне. Но ты должен преодолеть все, что мешает тебе, потому что отвечаешь не за себя самого, а за всю страну.

Конечно, мой противник Дэвис был достаточно опасен для меня и в самой благоприятной обстановке. На его стороне было преимущество молодости и исключительные физические данные. Но я все же нашел в себе силы, проигрывая ему после двух движений, обогнать его в толчке.

Да, несмотря на все трудности, мы заставили французские газеты признать на следующий день, что «в русском килограмме ровно тысяча французских граммов». Призадумались и американцы и египтяне. Как-никак, а наша команда потеснила египетских атлетов, считавших себя сильнейшими в мире. Мы заняли второе место. Но парижская поездка показала, что двигаться вперед надо еще быстрее, что американцы тоже зря времени не теряют.

Неудачно мы выступили на следующем первенстве — 1950 года, хотя уже знали, каково выступать во дворце Шайо. Да, надо копить силы, Трофим, не терять ни дня, — нам еще предстоит встречи с американцами. И мы должны взять реванш.

Куценко замолчал. Молчал и я. Меня покорило, что самый сильный человек в стране смело признается в своих слабостях и вместе с тем горячо верит не только в свою силу, но в силу всех нас, его товарищей.

— Надо больше работать, Трофим, — снова повторил Яков Григорьевич. — Мне уже не придется защищать честь нашей Родины, годы не те. Но ты, Аркадий Воробьев, Рафаэл Чимишкян, Иван Удодов далеко еще не сказали своего последнего слова.

— Чем же надо мне заняться в первую очередь, Яков Григорьевич? — спросил я его. — Как по-вашему?

— Мое мнение, — ответил Куценко, — что тебе надо работать над толчком. В толчке атлет в наибольшей мере может проявить свою силу. Как бы ни были высоки твои результаты в жиме и рывке, они не дадут тебе рекордной суммы, если толчок у тебя будет отставать. Здесь у тебя с Воробьевым предстоит самая острая борьба. Вспомни ваше выступление в берлинском цирке.

Я невольно улыбнулся.

— Разве я могу хоть на минуту забыть о том, что там произошло!

— Помнить мало. Выводы для себя надо делать. В толчке у тебя много погрешностей, потому и проигрываешь Воробьеву.

Я сказал Якову Григорьевичу, что согласен с ним, что то же самое говорил мне и Механик.

— Перед твоими глазами всегда должен стоять рекордсмен мира, атлет-средневес француз Феррари, толкнувший сто шестьдесят девять килограммов, — продолжал Куценко.

Я согласился с Яковом Григорьевичем, но добавил, что, по мнению Механика, прежде всего мне необходимо подтянуть жим. Без жима, который у меня все еще отстает, высокого результата в троебории не покажешь.

— Вот и выходит: нос вытащишь — хвост увязнет, хвост вытащишь — нос увязнет, — сказал я со вздохом.

— Ну что же, и это правильно, — согласился со мной Куценко. — Против цифр не пойдешь. И все же, вспомнишь мое слово, — главный успех ждет тебя в толчке.

Мы замолчали, любуясь Днепром, веселым оживлением на пляжах. Куценко о чем-то глубоко задумался.

— О чем вы, Яков Григорьевич, если не секрет? — спросил я.

— Нет, Трофим, это не секрет, — ответил Куценко. — Мне сейчас прием в Кремле вспомнился. Может быть, знаешь, что после физкультурного парада 1947 года пригласили нас, участников парада, в Кремль на встречу с руководителями партии и правительства. А я как раз накануне на стадионе «Динамо» установил мировой рекорд в толчке. Помнишь об этом?

— Еще бы, конечно, помню.

— Ты, может, и на стадионе был?

— Нет, Яков Григорьевич. Я в то время на Южном Сахалине служил и как раз в том году впервые вошел в спортивный зал.

— Ну вот, а я в том году вошел в Георгиевский зал вместе с сильнейшими спортсменами страны. Увидел товарища Сталина совсем рядом, его соратников — товарищей Маленкова, Молотова, Ворошилова, Булганина. Вот когда я понял, как любовно следят за нашими успехами руководители страны, какое значение они придают спорту.

Вячеслав Михайлович Молотов поздравил нас с успехами. И когда мне первому предоставили слово, я испытал такой восторг, ощутил в себе такую силу,

что, казалось, был в состоянии поднять земной шар. Подходя к микрофону, я еще не знал, о чем буду говорить, но был уверен, что слова найдутся, самые нужные, самые правильные слова.

— И что же вы сказали, Яков Григорьевич? — спросил я.

— Я сказал, что советские спортсмены благодарны партии и правительству за заботу о развитии физической культуры и спорта в нашей стране. Наша страна передовая во всех отношениях, и спорт тоже должен быть у нас передовой. Я поднял тост за новые успехи в предстоящих международных встречах. И пообещал партии и правительству, что все задачи, возложенные на нас, мы выполним.

Куценко помолчал немного, потом продолжал:

— Вот дал я обещание, а мы после этого американцам и египтянам проиграли. Гнетет это меня, Трофим, знаешь, как гнетет. Об одном думаю: надо копить силы, готовиться к новой борьбе.

А я, слушая Якова Григорьевича, представлял себе озаренный огнями Георгиевский зал Кремля и думал о том, что хоть я и не был там, не хотел в это время и к штанге подходить, но все равно несу ответственность за слова правофлангового советских штангистов, коммуниста Куценко.

Несколько лет прошло после этой беседы с Яковом Григорьевичем в Киеве, а я все отлично помню. Запал мне в душу этот разговор. И когда, вернувшись в Москву, я узнал, что наша команда едет в Австрию, где будет проводиться месячник советско-австрийской дружбы, то с удесятеренной энергией приступил к тренировкам.

В те дни, когда наша команда, в которую входили Багир Фархутдинов, Николай Саксонов, Владимир

Светилко, Владимир Пушкарев, Аркадий Воробьев, я и Яков Григорьевич Куценко, готовилась к поездке в Австрию, в Милан съезжались сильнейшие штангисты всех стран на розыгрыш первенства мира. Должна была приехать в Италию и команда США.

Мы понимали, что поскольку не участвуем на этот раз в соревнованиях, американцам первое место обеспечено без особой борьбы, но все же с нетерпением ждали результатов, которые покажут наши главные противники. И каждый из нас готовился к поездке в Вену так, словно там нам предстояло встретиться со Станчиком, Дэвисом, Шеманским.

Настал час отправления. Вторая команда советских штангистов направлялась в Польшу. В это время во многих странах выступали советские спортсмены: в Албании футбольная команда «Спартак», в Болгарии «Шахтер», в Польше «Динамо», в Румынию поехали советские борцы. Крепла дружеская связь спортсменов Советского Союза со спортсменами стран народной демократии.

А мы улетали в Вену, в капиталистическую Вену. Нас приглашали члены Общества советско-австрийской дружбы, но и враги этой дружбы будут находиться рядом. По нашему выступлению они будут судить о силе СССР. Я понимал все это и тренировался с большой энергией.

18 октября мы оторвались от московского аэродрома и, переночевав во Львове, в три часа следующего дня уже стояли на австрийской земле.

«Вот и чужая земля», — думал я, шагая вместе с товарищами и с встречавшими нас представителями Общества советско-австрийской дружбы к автобусу. На душе было смутно и тревожно, как в тот день, когда я с чемоданчиком в руке выходил из

кабинета Александра Васильевича Бухарова, узнав о нашей неудаче в Париже.

Мы проезжали по широким зеленым улицам, мимо дворцов, музеев. Вот и Рингштрассе, крикливые, в американском духе, рекламы, суетливая пестрая толпа на тротуарах, нарядные витрины магазинов.

В гостинице нас уже ждали представители рабочих завода «Сименс-Шуккерт», на котором мы должны были выступить в этот же день.

Сколько приветливых, радостно улыбающихся лиц встретило нас в зале, сколько было горячих аплодисментов, рукопожатий! С большим интересом следили австрийские рабочие за каждым нашим движением. В Австрии тяжелая атлетика пользуется большой популярностью. Как раз в это время команда венцев выступала на первенстве мира в Милане.

Один за другим выходили мы на сцену, вызывая бурю аплодисментов. Обстановка была настолько доброжелательна, она так воодушевила меня, что совершенно неожиданно мне удалось осуществить свое давнее желание. Я поднял 165 килограммов. И грохот штанги, опущенной мною, был заглушен грохотом аплодисментов.

Нас провожали до самого автобуса, расспрашивали, как мы тренируемся, имеются ли у нас специальные помещения. Когда мы рассказывали о своих великолепно оборудованных залах, молодые рабочие только удивленно ахали. В Вене спортивных залов почти не было, и любители тяжелой атлетики использовали для занятий любой закоулок.

Близкое знакомство с Веной не порадовало меня. Грустен был этот прекрасный город, несмотря на оживление на центральных улицах и большое количество американских и английских машин. Нас поражала пу-

стога в парках, в музеях, какой-то угнетенный вид жителей. И знаменитый Венский лес оказался совсем другим, не похожим на романтический, пронизанный солнцем парк, показанный в фильме «Большой вальс».

Через несколько дней после нашего приезда в Вене начал заседать Всемирный Совет Мира. И тут мы увидели австрийцев, сплотивших свои ряды в борьбе с угрозой войны, заполнивших стотысячной толпой площадь перед зданием, где собрались борцы за мир всех стран земного шара.

Первенство мира в Милане закончилось, как мы и думали, победой американцев. Но лично я получил большое удовлетворение, узнав, что Стэнли Станчик, выступавший в среднем весе, поднял всего 402,5 килограмма, на 2,5 килограмма меньше, чем я в Москве. Это вселяло в меня уверенность, что я смогу побить Станчика. И мы с Аркадием, изучая газетные отчеты, много говорили об этом.

Вдруг мы узнали, что вместе с австрийской командой приезжает в Вену команда США. Это сообщение очень взволновало меня. Итак, я буду иметь возможность увидеть американцев, смогу посмотреть, как работает со штангой Станчик.

Какая удача! Американцы проведут матч с австрийскими штангистами, а мы в роли зрителей сможем спокойно изучить все их сильные и слабые стороны. Возбужденно обсуждали мы предстоящий приезд главных противников, и Яков Григорьевич Куценко, с улыбкой наблюдавший наше волнение, сказал мне:

— Ты помнишь, Трофим, наш разговор в Киеве? Так вот, используй представившуюся возможность, Это тебе многое может дать.

Надо ли говорить, что к началу матча Австрия — США вся наша команда сидела в одной из лож концертного зала, в котором и нам предстояло выступать через несколько дней. Необычными показались мне эти соревнования. Американцы толпой вышли на сцену, тут же разделись, окружили помост стульями и скамейками. Они вели себя так, словно были на очередной тренировке.

Дэвиса я узнал сразу по описанию Якова Григорьевича Куценко. Но кто из них Станчик? Пришлось обратиться к Аркадию, и тот молча указал на стройного и в самом деле красивого парня, старательно двигающего челюстями.

— А это кто? — продолжал допытываться я у Воробьева, показывая на высокого важного старика. — Это и есть Гофман?

— Он самый, — ответил Воробьев. — Видишь, держится, как хозяин.

Выступления американцев не поразили меня. Техника их не представляла собой ничего нового. Я с нетерпением ждал выхода Станчика, но выяснилось, что он повредил себе ногу в Милане и выступать не будет. Тут на сцену вышел какой-то человек и сообщил, что в зале присутствуют русские штангисты. Все сразу обернулись в нашу сторону. Раздались аплодисменты. Многие встали.

Когда закончились соревнования по жиму и рывку и был объявлен перерыв, американцы пришли к нам в ложу. Мы встали им навстречу. Дэвис, сияя улыбкой, крепко пожал руку Куценко, молодой тяжелоатлет Бредфорд что-то говорил своим глубоким мягким басом, ласково улыбался Дэвид Шепард, а Станчик уже хлопал по плечу Воробьева и на ломаном русском языке повторял:

— Славяне! Я тоже.

Появилось в дверях невозмутимое лицо Боба Гофмана, но в ложу он не вошел и, стоя на пороге, наблюдал всю эту картину.

Так, разговаривая жестами, заменявшими нам слова, стояли мы в ложе, а зрители с интересом наблюдали встречу двух сильнейших команд мира.

Аркадий спросил Станчика, доволен ли он своими результатами в Милане. Тот, принужденно улыбаясь, ответил, что победителей не судят, и, помолчав, добавил, что на его результатах сказалось повреждение ноги. Гофман что-то пробурчал, и американцы, попрощавшись с нами, вернулись на сцену.

Американские штангисты не смогли увидеть нашего выступления. Оно состоялось после их отъезда, но австрийские зрители, тренеры, журналисты, наблюдавшие оба матча, отдали предпочтение нашей команде.

Австрийские газеты писали, что гораздо приятнее было смотреть на выступления русских. Они отмечали организованность и четкий порядок нашего выступления, противопоставляя его развязному поведению спортсменов США.

Но дело было не только во внешнем различии. Большинство наших результатов оказалось выше, чем результаты американцев. Только в трех из семи весовых категорий мы уступали штангистам США.

И это было еще не все. Австрийцы стали свидетелями установления двух мировых рекордов. Саксонов, выступавший в полулегком весе, улучшил принадлежавший ему мировой рекорд, толкнув 137,5 килограмма. Воробьев в рывке сумел поднять 133,5 килограмма, улучшив на 500 граммов мировой рекорд, установленный им в начале года на матче сильнейших штангистов в Москве. В толчке он поднял 168,4 кило-

грамма, почти вплотную приблизившись к результату рекордсмена мира француза Феррари.

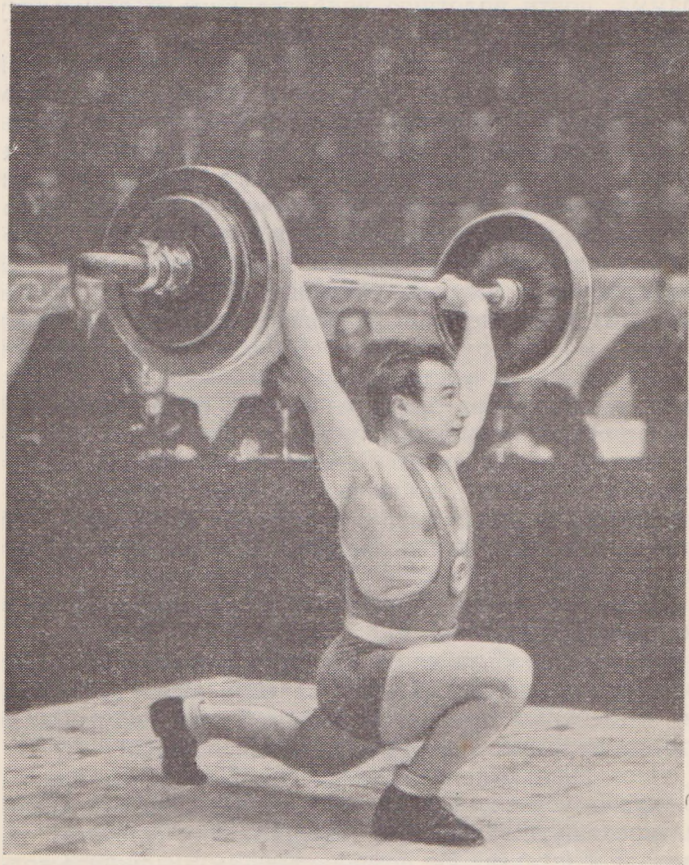
Успех Аркадия не был для меня неожиданным. Мой товарищ говорил мне о том, что готов к рекордным результатам, и называл вес, который попытается взять.

Как всегда, стараясь не пропустить ни одного движения, следил я за его великолепными усилиями. Как всегда, противоречивые чувства волновали меня: я желал ему успеха и завидовал ему хорошей творческой завистью, так помогавшей мне и на тренировках и на соревнованиях. Все тот же вопрос волновал меня, когда я становился свидетелем новых успехов моего друга. «А когда же я? Когда же мой черед?» К моим чувствам примешивалось еще и удивление. Сколько раз приходилось мне быть свидетелем установления мировых рекордов, и каждый раз я неизменно спрашивал себя: «Неужели это возможно, неужели нет предела человеческим силам, смелому дерзанию?» И то, что я знал о намерении Воробьева, был посвящен в его планы, заставляло меня волноваться еще больше.

«Удастся ли ему?» — думал я, наблюдая за движениями Аркадия.

Рывок Воробьев начал со 125 килограммов. Легко взяв этот вес, который являлся пока моим пределом, он потребовал прибавить еще 8,5 килограмма. На штанге вес, превышающий мировой рекорд.

Несколько мгновений отделяли Воробьева или от большого успеха, или от поражения, которое будет сильнее ощутимо здесь, в Австрии. Что чувствует он, подходя к штанге? Не мешает ли ему излишнее волнение? Ведь рывок — это движение, где с абсолютной точностью должны совпадать физические и волевые усилия, где малейшая неточность — это провал.

Рывок А. Воробьева.

Аркадий выходит на помост уверенно, быстро. Только на секунду останавливается он перед штангой. Делает три шага ей навстречу и одним усилием вздымает штангу вверх.

Я был восхищен и ликовал вместе со всем переполненным залом. А когда были проделаны необходимые процедуры и мировой рекорд стал узаконенным фактом, я стал волноваться еще больше. Сможет ли мой друг после только что пережитого, после стольких усилий выполнить то, что он задумал в толчке. Был момент, когда мне казалось, что Воробьеву это не удастся. Он поднял штангу на грудь, но вытолкнуть ее не смог. Зал встретил его неудачную попытку смутным гулом, в котором сплетались в одно возгласы огорчения, шиканье и смех. Зрители, несколько минут назад объединенные общим восторгом перед человеком, перешагнувшим никем до него не достигнутый рубеж, снова разделились на друзей, равнодушных и врагов.

Длинными показались мне минуты, пока Аркадий отдыхал, прохаживаясь за кулисами. К нему никто не подходил, чтобы не мешать ему сосредоточиться.

Но вот Аркадий готов. Я знаю, что в эти мгновенья он не слышит дыхания зала, ничего не видит вокруг. Все его существо устремлено к одному — к штанге, вся его воля собрана в один упругий комок.

— Вперед же, вперед! — шепчу я, хоть этим пытаюсь воодобредить товарища.

И Аркадий выходит вперед. Крепко захвачен гриф штанги. На мгновение атлет как бы слился с ней в единое целое, сам словно прирос к полу вместе с этой огромной тяжестью. Но вот пущена в ход его могучая сила. Штанга отрывается от помоста и, все убыстряя свое движение, поднимается вверх. Стремительный

подсед — и штанга уже лежит на широкой, выпуклой груди спортсмена. Последнее усилие. Последний порыв, вызывающий к действию все силы, всю волю штангиста. Огромный вес словно рвется из рук, пытается увлечь Воробьева в сторону. Но нестигаемая воля побеждает. Штанга покорена.

— Вес взят! — произносит судья на незнакомом языке.

— Вес взят! — повторяю я, и гордость наполняет мою грудь.

Но пришло время штангистов полутяжелого веса. Пора выходить мне. Я поздравляю Аркадия, благодарю его за то, что он дал сейчас мне, команде, своей родной стране, и, окрыленный, выхожу на сцену. Я не мог выступить плохо после Аркадия. Я чувствовал, что и меня ждет успех.

И я не ошибся. Я выжал 125 килограммов. В рывке перешагнул через старый рубеж и поднял 127,5 килограмма. В толчке с первого подхода мне удалось зафиксировать 157,5 килограмма. И у меня оставались еще две попытки для того, чтобы попытаться улучшить сумму в троебории. А сумма эта уже составляла 410 килограммов, то-есть была на 7,5 килограмма больше результата Станчика, показанного им в Милане.

Я попросил установить на штанге 165,5 килограмма. Этим самым я заявлял свое намерение побить на 500 граммов всесоюзный рекорд Воробьева в полутяжелом весе, установленный им в Берлине. Прежде чем выйти к штанге, я отыскал глазами Аркадия. Он сидел в ложе и улыбался мне, как бы говоря: «Давай, Тимоша, не робей!»

Но безмолвное напутствие друга не помогло мне. Не было у меня колоссальной тяги Аркадия для того,

чтобы вытянуть штангу на грудь. Не удалось мне собраться. Я сразу почувствовал, что штанга уходит вперед, что я не сумел слить воедино все свои движения, чтобы попасть «в яблочко».

Последняя попытка. Штанга оторвалась от помоста. Я чувствую, что все идет хорошо, что сейчас мне удастся вытолкнуть ее вверх, но в то же мгновение я попал носком ботинка в щель на помосте. Едва уловимая заминка — и снова рекордный вес летит вниз.

Никогда еще не был я так огорчен. Меня не радовали ни 410 килограммов, ни мой успех в рывке. Неудача здесь, в Вене, да еще после замечательных результатов Воробьева! Мне казалось, что я принизил этим его победу, умалил ее в глазах зрителей.

Угнетенный, подавленный, ушел со сцены. И вдруг за кулисами попал в чьи-то могучие объятия. Это Яков Григорьевич Куценко поздравлял меня с успехом. И когда мне, наконец, удалось перевести дыхание, освободиться из железного кольца его рук, он сказал, ласково улыбаясь:

— Ну, что скажешь, Трофим? Прав я был или нет, когда говорил тебе: работай над толчком, в толчке твоя победа? — Потом он увидел мое расстроенное, угрюмое лицо, отстранил меня, держа за плечи, и спросил: — Ты что?

— Да с чем же меня поздравлять, Яков Григорьевич? Опозорился я на толчке. И где, в Вене!

— Ну, это ты брось, — рассердился Куценко. — Какой же это позор? Да ты же Станчика побил на сцене с половиной килограммов. Ты думаешь, австрийцы считать не умеют? Ты думаешь, они не видели, как хорошо ты провел третью попытку, и только случай-

ность помешала тебе? Нет, ты молодец — и не пытайся убеждать себя в обратном.

Тут нас обступили другие товарищи, пошли рукопожатия, и Воробьев, пришедший из зала, еле сумел пробиться ко мне, чтобы, в свою очередь, поздравить с успехом.

На следующий день мы выехали на Родину.

СЛАГАЕМЫЕ ПОБЕДЫ

Закончился 1951 год. На пороге нового года мне захотелось подвести итоги, окинуть взглядом пройденный путь, поставить перед собой новые задачи.

В 1952 году предстояли крупнейшие международные встречи, и прежде всего XV Олимпийские игры в Хельсинки, где мы, наконец, должны были встретиться с командой Боба Гофмана не в зрительном зале, как это было в Австрии, а на спортивной арене.

На подготовку к олимпиаде времени оставалось немного. Успею ли? Буду ли готов к встрече со Станчиком?

Время, свободное от работы, я посвящал не только своей тренировке. Давно я уже мечтал о том, чтобы передать свой опыт молодежи. И я начал заниматься с ребятами одной из московских спецшкол, с каждым днем все больше отдавая этому живому и интересному делу. Меня увлекала работа с подростками, которые мечтали быть сильными, непобедимыми, вкладывая в эту мечту всю непосредственность юности.

Однажды, когда я был на занятиях в школе, меня вызвали к телефону. Звонил Александр Васильевич Бухаров:

— Ты едешь в Хельсинки на пятидесятилетие спортивного общества «Юрю», — сказал Бухаров. — Приезжай в комитет.

Хельсинки! Побывать в городе, где через полгода начнутся Олимпийские игры, было очень заманчиво.

В конце января группа советских штангистов, в которую входили и молодежь — Иван Любавин, Алексей Медведев — и уже проявившие себя спортсмены, такие, как Владимир Пушкарев и мой давний противник Григорий Маликов, во главе с Александром Васильевичем Бухаровым выехала в Хельсинки через Ленинград.

Давно я не бывал в городе, который называю родным и с которым у меня связано столько радостных воспоминаний. В нашем распоряжении был целый день. Как и пять лет назад, прямо с вокзала поехал в институт физкультуры. Как встретят меня? Увижу ли старых друзей?

На пороге столкнулся с Евгением Леонидовичем Барышниковым, начальником кафедры, который некогда читал нам историю тяжелой атлетики.

— А, Трофим Ломакин, почетный гость, — такими словами встретил меня мой бывший учитель. — Заходи, рассказывай.

Меня окружили студенты, преподаватели института. Посыпались вопросы о моих планах, об успехах товарищей. А через несколько часов я подошел к дому, где жил Алексей Михайлович. Мы обнялись, и Жижин все приговаривал: «Ну и здоров же ты стал, Трофим, тебя и не обхватишь. А спина какая!»

Узнав, что мы едем в Хельсинки, Жижин еще больше оживился и стал расспрашивать о том, будем ли участвовать в Олимпийских играх, какое впечатление

произвели на меня американцы, разговаривал ли я со Станчиком? Я с удовольствием отвечал на все его вопросы.

На рассвете мы пересекли государственную границу. Финские пограничники в зеленых шинелях, вежливо козыряя, внимательно рассматривали наши въездные документы.

Когда совсем рассвело, я прилип к окну, с жадностью рассматривая картины незнакомой мне страны. То там, то здесь снежную целину пересекали следы лыж, виднелись лыжные трамплины, по дорогам скользили на финских санках женщины, мальчики, старики.

Встреченные на вокзале представителями спортивного общества «Юрю» и местными тяжелоатлетами, мы отправились в гостиницу «Карлтон». Сумрачный, таинственный город лежал за окнами. Как не похож он был на расцвеченный всеми красками Берлин.

Время, которое оставалось у нас до выступления, мы посвятили осмотру города. Жил я в одном номере с Александром Васильевичем Бухаровым, и за время пребывания в Хельсинки подружился с ним еще больше.

Вставал Александр Васильевич в шесть утра, и, еще не проснувшись, я слышал, как он что-то напевает своим тонким тенорком, а открыв глаза, видел его шагающим по комнате. Потом он делал зарядку, прыгал впрысядку, неутомимый, жизнерадостный.

Мы бродили с ним по улицам Хельсинки, по его заснеженным паркам, вспоминая Москву и беседуя о предстоящей через несколько месяцев в этом городе спортивной борьбе.

Как-то вечером, когда мы сидели вдвоем в комнате, Александр Васильевич стал расспрашивать меня

о моем прошлом, о том, как я стал заниматься тяжелой атлетикой. Выслушав мой рассказ, он помолчал и заметил:

— А знаешь, у нас ведь много общего в биографии.

— А что же общего, Александр Васильевич? — стал допытываться я.

Бухаров помолчал, лукаво посмотрел на меня, и я понял, что сейчас он произнесет свою обычную фразу. И в самом деле, Александр Васильевич тут же сказал:

— Ох, и любопытный же ты, Тимошка! Ну ладно, делать все равно нечего, слушай.

И дядя Саша рассказал мне о своей жизни.

Он служил мальчиком в московском магазине чайной фирмы «В. Перлов и сыновья». В подвале Саша Бухаров целыми днями возился с гирями, развешивая чай, кофе и сахар. Иногда это были маленькие пакетики, иногда большие пудовые мешки. У подростка к вечеру подгибались ноги от усталости, но тяжелый труд закалил его, сделал сильным и выносливым, так же как и меня в свое время закалил труд горняка-золотоискателя.

В то время в Москве много народу увлекалось цирком, борцами, штангистами. Саша Бухаров тоже мечтал стать непобедимым силачом. Он сам смастерил штангу и по вечерам, после работы, упражнялся с ней, мечтая о том дне, когда сможет сменить подвал магазина на сверкающую цирковую арену. Но попал он не на арену цирка, а на арену Сергея Ивановича Дмитриева. Это был один из учеников Владислава Францевича Краевского. Продолжая дело своего учителя, Дмитриев открыл в Москве кружок тяжелой атлетики и назвал его «ареной физической культуры». Воспитанником Дмитриева стал и дядя Саша.

— Сергей Иванович уже слышал о моих способностях, — продолжал свой рассказ Бухаров, — и ждал меня. Но когда я пришел к нему, он был явно разочарован. «Ростом ты мал, — сказал он мне. — Тяжелая атлетика требует веса. Не знаю, что из тебя получится». Но я не смутился и тут же сумел доказать, что он не прав. Каждый вечер после работы я стал приходить на тренировку.

В 1909 году, когда мне было всего восемнадцать лет, я впервые выступил на соревнованиях, которые устроил мой учитель, и занял первое место. С тех пор никто уже больше не подвергал сомнениям мои возможности. Через пять лет я стал чемпионом России. Трудно мне вспомнить все соревнования, в которых приходилось после этого участвовать. А если сложить вес, который я поднял за свою жизнь, то такая цифра получится, что экипаж современного экскаватора вполне может мне позавидовать.

Внимательно слушал я рассказ дяди Саши. Работал он на нефтеперегонном заводе, сдружился там с рабочими. Вместе с ними встретил Октябрьскую революцию, вместе с ними начал строить новую жизнь. В свободные часы продолжал упражняться с двухпудовыми гириями.

Без физических упражнений Бухаров чувствовал себя разбитым, вялым. А силы нужны были, много сил. Надо было восстанавливать страну, налаживать хозяйство, бороться со скрытыми и явными врагами молодой Советской республики.

Казалось тогда многим, что о спорте надо забыть, что не время сейчас заниматься своими мышцами. И каково же было изумление Александра Васильевича, когда осенью тревожного 1919 года ему предложили стать инструктором всевобуча.

В те дни Советская республика на многих фронтах вела неравную борьбу с вооруженными силами контрреволюции. В Москве было голодно и холодно. Но уже в то время коммунисты думали о воспитании здоровой, сильной, цветущей молодежи.

Бухаров занимался с молодыми рабочими и красноармейцами, студентами и школьниками. Он стал организатором московского атлетического общества, продолжая дело своего учителя Дмитриева. Но времена стали другие. Вместо талантливых одиночек в спортивные залы хлынула волна тянущейся к спорту рабочей молодежи.

От желающих участвовать в физкультурных праздниках, которые устраивал Бухаров, не было отбоя. На одном из таких праздников побывал Феликс Эдмундович Дзержинский. Он поблагодарил Бухарова и сказал, что пора создавать пролетарские спортивные общества. Так зародилось общество «Динамо», одним из организаторов которого стал Бухаров.

Слушая его рассказ об этом далеком прошлом, я думал о том, что этот человек всю свою жизнь отдал советскому спорту, советской молодежи. Сколько он сделал для развития тяжелой атлетики в нашей стране, сколько установил рекордов, сколько раз защищал честь своей страны за рубежом. И теперь, на склоне своих лет, он продолжал вести большую работу во Всесоюзном комитете по делам физкультуры и спорта. Каждый новый штангист, появившийся у нас, проходил через его руки, многому учился у дяди Саши. Он придавал огромное значение развитию тяжелой атлетики в деревне, на заводах. Он был одним из инициаторов массовых конкурсов силачей и сам судил финальные соревнования пятидесяти пяти лучших гиревиков, приехавших в Москву.

В первые месяцы Великой Отечественной войны Бухаров вместе со своими учениками ушел добровольцем на фронт.

Долго рассказывал мне дядя Саша о своей жизни. Вспоминал своих воспитанников, делился планами.

Никогда еще я не видел Александра Васильевича таким оживленным, таким разговорчивым. И только потом я понял причину этого: дядя Саша волновался за нас, которым предстояло выступать в чужой стране.

Встретились мы с финскими штангистами в большом зале Мессухалли. Зал был полон. Финские зрители горячими аплодисментами отмечали каждую нашу победу. А победили мы, как и в Австрии, во всех семи весовых категориях. Мне удалось поднять 400 килограммов. Для меня это было не так уж много, но финские газеты считали такой результат очень высоким и печатали мои фотографии.

И вот снова Ленинград. На вокзале нашу команду встречала вся кафедра тяжелой атлетики родного института. Был на перроне и Алексей Михайлович Жижин.

Весь день до отхода московского поезда я провел на улицах любимого города, в беседах с друзьями. Улетел так, что чуть не опоздал на вокзал. Напутствуемый пожеланиями товарищей, последними советами Жижина, вскочил я в вагон. Хотелось поскорее добраться до дома, разобраться в очередной порции впечатлений. Не терпелось взяться за тренировки. Времени до олимпиады было не так уж много.

Видимо, такого же мнения придерживался и тренерский совет, потому что уже через несколько дней после приезда начались тренировки. Занимались мы

1948 год. Конкурс силачей на стадионе «Динамо» в Москве. Заслуженный мастер спорта А. В. Бухаров вручает кубок победителю А. Хатиашвили — шоферу совхоза «Напареули».

вместе с Яковом Григорьевичем Куценко. Особое внимание Яков Григорьевич уделял толчку. Он учил нас правильно «нависать» над штангой, так, чтобы мышцы были расслаблены, а мысль напряжена, готова в нужный момент дать сигнал к взрыву мышечной энергии. Показывал, как надо «подрывать» штангу, проводить подсед, выносить вес на грудь и, наконец, соединяя все движения воедино, выталкивать штангу вверх.

Удивительно точно умел Яков Григорьевич определять количество тренировочной нагрузки и часто повторял, что самое страшное — перетренироваться.

Помня об этом, я не увлекался занятиями в тяжелоатлетическом зале. Много ходил на лыжах. Занимался гимнастикой.

В конце марта в городе Иваново начался розыгрыш первенства СССР. Когда мы прибыли в Иваново, Аркадий был уже там. Он рассказал мне, что успешно сдал экзамены за первый семестр.

— Все на четыре и на пять. Но и тренировался хорошо. Знаешь, думаю толкнуть сто семьдесят.

Я с нетерпением ждал начала соревнований. Удастся ли Аркадию установить еще один мировой рекорд, побить француза Феррари?

Борьба между нами продолжалась, хоть мы опять выступали в разных весовых категориях. Аркадий — в среднем весе, я — в полутяжелом. На этот раз успех был на моей стороне.

Аркадию не удалось толкнуть 170 килограммов. Получил толчок и меня. Но так как я в жиме обогнал своего друга на целых 7,5 килограмма, а в рывке мы оба подняли 130 килограммов, то сумма трех движений у меня оказалась выше: 417,5 килограмма. Это был мой новый личный рекорд.

После соревнований мы с Аркадием, обсуждая наши планы на будущее, выписали на листках бумаги наши результаты.

Воробьев		Ломакин	
Жим	— 122,5 килограмма	Жим	— 130 килограммов
Рывок	— 130 килограммов	Рывок	— 130 килограммов
Толчок	— 162,5 килограмма	Толчок	— 157,5 килограмма
	<hr/>		<hr/>
	415 килограммов		417,5 килограмма

О чем говорили эти цифры? Они говорили о том, что ~~у нас~~ у нас одна: толчок. Если бы Аркадию уда-

лось выполнить задуманное и толкнуть 170 килограммов, он имел бы в сумме трех движений 422,5 килограмма. А я, если бы толкнул, как задумал, 167,5 килограмма, то побил бы мировой рекорд в троебории.

Да, еще раз я убедился, как прав был Яков Григорьевич. Надо больше работать над толчком. Иначе плохо нам придется в Хельсинки. Таков был наш единодушный вывод.

Сидя над цифрами, мы вспоминали подробности только что закончившейся борьбы. Следует сказать, что на соревнованиях в Иваново я тоже пытался побить мировой рекорд, но не в толчке, как Аркадий, а в рывке. Мне не удалось этого. И вот сейчас я спросил Аркадия:

— А как мне быть с рывком?

Он задумался.

— Трудно сказать. А ты сможешь над двумя движениями в равную силу поработать?

Теперь задумался я. Сознание подсказывало мне, что размениваться будет трудно, что надо для лучшей суммы отказаться на время от подготовки рекордного рывка. И, словно уловив ход моих мыслей, Воробьев сказал:

— Думаю, что сейчас для нас важна прежде всего сумма. Ведь по сумме будут определять победителя в Хельсинки.

Вернувшись в Москву, я вместе с Израилем Бенещиановичем Механиком, ставшим моим постоянным тренером, составил план тренировок на все оставшееся до олимпиады время.

В апреле мы должны были заниматься легкой атлетикой и жимом, работая с малыми весами. В мае играть в волейбол и полностью переключиться на толчок. Июнь посвящался доделкам и сборке всех трех

движений в одно монолитное целое — сумму троеборья.

В план тренировочных занятий я внес еще один раздел: заочное знакомство с моими будущими противниками, штангистами США и с их боссом Бобом Гофманом.

Кроме спортивного зала и стадиона, я стал посещать еще и библиотеку Научно-исследовательского института физкультуры. Там имелся комплект журнала, который издавался хозяином «Иорк Барбелл компани» Бобом Гофманом.

На яркой обложке журнала стояло название «Сила и здоровье».

Почти на каждой странице рядом с широковеещательными статьями, говорящими о том, как стать здоровым и сильным, назойливо режут глаза разнообразные рекламы:

«Если хотите быть сильным, выписывайте иоркские правила тренировки. Шлите 5 долларов на имя Боба Гофмана. Штат Пенсильвания, город Иорк».

«Иоркская компания атлетического инвентаря. Резиновые амортизаторы, гантели, штанги».

«Иоркский курс тренировки мышц живота самого знаменитого в мире инструктора физкультуры Боба Гофмана. Пожалуйста, отрежьте этот купон и приложите к нему 1 доллар».

«Прочтите, что сказал Гофман: при белковой диете вы должны обязательно применять минеральные витамины. Не жалейте 10 центов в день на свое питание. Улучшайте здоровье за 10 центов в день».

«Гофманский раствор. Удаляет боль и усталость от перетренировки мускулов, перенапряжения мышц и связок, боль ног, спины, невралгию, ревматизмы». И рядом с портретом Гофмана — цена: 1 доллар.

Рекламы, рекламы, рекламы. Белковые пиллюли, станки для укрепления ног, втирания для загара зимой под ультрафиолетовыми лучами, прибор для развития силы кисти, прибор для измерения мышц... Читаешь эти строки, и становится ясной фигура этого мецената от спорта, бескорыстного покровителя атлетов, каким хочет выглядеть Гофман.

Везде, где только можно, он пишет о том, что с 1937 года финансирует команду штангистов США. Финансирует! Да он просто держит у себя на жалованье сильнейших тяжелоатлетов Америки как рекламных агентов своей фирмы. И деньги, которые он тратит на содержание спортсменов, возвращаются к нему в карман в удесятенном размере.

Спортсмены для него живая реклама: «Станчик глотает минеральные пиллюли, глотайте их и вы, если хотите быть таким же красивым», «Дэвис пьет белковый напиток, пейте его и вы, если хотите стать таким же сильным», «Шеманский упражняет мышцы своих ног прибором Боба Гофмана, упражняйте их и вы, если хотите сделаться мировым рекордсменом».

Все, что делает Гофман, направлено к одной цели: продать как можно больше своих химических препаратов, штанг, гантелей, шарлатанских приборов, с помощью которых можно «накачать» мышцы, сделать человека внешне красивым, сильным и здоровым. Именно внешне, потому что почти все красавцы, все «мистеры США», цветные фотографии которых печатает Гофман в своем журнале, не способны толкнуть ядро дальше чем на пять метров, выжать штангу самого малого веса.

Перелистывая журнал Боба Гофмана, на первой странице каждого номера я видел написанную им редакционную статью и рядом портрет самого издателя.

В каждом номере Боб Гофман делился с читателями своими мыслями. Иногда это рекламные сентенции, иногда философские поучения, иногда полемика со своими врагами.

В одной из таких статей Гофман пишет о разоблачительной газетной кампании, развернувшейся против босса американских штангистов в то время, когда он выехал со своей командой в Милан на первенство мира. Нельзя было без улыбки читать следующие слова из защитной статьи Гофмана, лицемерно названной им «Прощай своих врагов»: «Члены команды читали статьи, направленные против меня, и кипели от злости. Они не показывали мне газет, не желая меня огорчать».

Трудно себе представить, что люди, которых Гофман так беззастенчиво эксплуатирует, превращая их силу и молодость в доллары, «кипели от злости», читая статьи, разоблачающие Гофмана.

В другой статье под интригующим заголовком «Беспокоит ли вас что-нибудь?» Гофман уговаривает американцев заниматься спортом, чтобы не думать о завтрашнем тяжелом дне, не думать о своих сыновьях, погибших в Корее, не огорчаться тяготами жизни.

Таков босс штангистов США. Для него победа его команды над командой СССР — это, конечно, не только деловой, но и политический бизнес. Так неужели же мы дадим торжествовать этому человеку?

Вот о чем я думал, готовясь к поездке в Финляндию на Олимпийские игры.

СТАНЧИК ПОБИТ

14 июля от перрона Ленинградского вокзала отошел поезд. Все пассажиры этого поезда — спортсмены. В нем были купе легкоатлетов, гимнастов, пловцов, боксеров, борцов, конников, стрелков, тяжелоатлетов, футболистов, гребцов.

Поезд шел в Хельсинки. Волнение охватило всех нас уже в тот момент, когда прозвучал прощальный паровозный гудок, скрипнули колеса и за окнами поплыла назад советская земля.

Мы, штангисты, ехали в нескольких соседних купе. Иван Удодов, Рафаэл Чимишкян, Евгений Лопатин, Григорий Новак, Николай Саксонов, я и Аркадий Воробьев входили в первый состав нашей команды.

По правилам соревнования команда состояла из 7 человек, но это не значило, что мы должны были выставить атлетов во всех весовых категориях. Распределение сил внутри команды предоставлялось ее руководителям. Мы имели право не выступать в одном весе и выставить в другом сразу двух участников.

Было решено отказаться от выступлений в весе тяжелом и полусреднем, где мы не имели достаточно

сильных спортсменов. Зато в полулегком весе честь Советского Союза должны были защищать двое — Чмишкян и Саксонов, в среднем тоже двое — Воробьев и я.

Ехал с нами в Хельсинки запасной состав: Фархутдинов, Мазуренко, Светилко, Осыпа и Яков Григорьевич Куценко, который числился в запасе только формально. На самом деле ему предстояло быть одним из главных действующих лиц в той борьбе, которая должна была развернуться со штангистами США, Египта и других стран. Яков Григорьевич Куценко был парторгом нашей команды, ее душой так же, как Александр Васильевич Бухаров и наши тренеры Николай Иванович Шатов, Израиль Бенедианович Механик, Николай Иванович Лучкин.

Поезд еще не миновал пригородов Ленинграда, а я всеми своими мыслями был уже в Хельсинки и видел Станчика. Я видел Станчика рядом, но рядом со мной был и Аркадий Воробьев. Снова нам предстояло померяться силами в одной весовой категории, и где — на IV Олимпийских играх.

Выступая в среднем весе, я и Воробьев были соратниками. Ведь наша личная победа включалась в коллективные усилия всей команды. Золотые медали выдавались не только победителям каждой из весовых категорий, но и одному победителю — команде, набравшей наибольшее количество очков. Мы с Аркадием обещали занять два первых места, и команде было все равно, кто из нас получит золотую медаль. Но это не исключало нашей борьбы друг с другом. Воробьев, так же как и я, конечно, сделает все возможное, чтобы быть первым.

Я думал об этом и знал, что об этом же думает Аркадий, хотя по общему молчаливому соглашению

и я и Воробьев делали вид, что предстоит нам одна только задача — добиться победы над командой США. А кто из нас окажется первым и кто вторым, не столь уже важно.

Хельсинки встретил нас серым пасмурным небом. Но как преобразился город со времени моего первого посещения. Оживленные улицы, громкий говор, красочный поток праздничной толпы, огромные плакаты, извещающие о начале игр, и всюду — на фасадах домов, на витринах магазинов — олимпийские эмблемы: пять переплетенных колец — символ единения пяти континентов.

С первых же шагов мы почувствовали напряженный пульс крупнейших международных соревнований. Повсюду встречались спортсмены самых различных стран. В городе огромная масса туристов, прибывших сюда самыми разными путями — самолетами, яхтами, поездами. Многие приехали на своих машинах.

У вокзального подъезда нас тоже ждали свои машины. Это были наши, советские автобусы, и, разместившись в них, мы сразу почувствовали себя как дома. Но, и приехав в подготовленную для участников соревнований олимпийскую деревню Отаниеми, мы не почувствовали себя в гостях. В уютных коттеджах, стоявших в сосновом лесу, на берегу Финского залива, вместе с нами поселились спортсмены стран народной демократии.

Участники Олимпийских игр Западной Европы, Америки, Азии поселились в деревне Кяпяля, расположенной на другом конце Хельсинки.

На следующий день, узнав, что американские штангисты уже здесь и тренируются, мы поехали к ним в гости.

Кяпюля оказался поселком городского типа, состоящим из нескольких многоэтажных зданий. Один из английских спортсменов взялся проводить нас и привел в зал, где тренировались иранцы, египтяне и американцы. Еще издали увидел я Бредфорда, Дэвиса и затем Станчика.

Тренер команды США Терпак подошел к Шатову, крепко пожал ему руку и что-то быстро заговорил, то и дело похлопывая Николая Ивановича по плечу. Станчик тоже подошел к нам и полушутя, полусерьезно жестом пригласил Воробьева к штанге. А Терпак, показывая на Станчика и Воробьева, сказал на ломаном русском языке:

— Станчик — Воробьев? — видимо, желая сказать, что борьба в среднем весе развернется между этими двумя сильнейшими штангистами.

Мы сели в сторонке и наблюдали, как Шеманский толкал 170 килограммов, как Станчик тренировался в рывке.

Уезжая домой, мы пригласили американцев в гости к нам и этим положили начало дружескому общению между двумя олимпийскими деревнями.

Так с первых же дней стала налаживаться доброджелательная связь между спортсменами разных стран. Но кое-кого это не устраивало. Вскоре после нашего приезда в одной из газет появилось интервью Боба Гофмана. «Мы приехали в Хельсинки, — заявил Гофман, — для того, чтобы снова одержать победу над русскими чемпионами, чтобы заставить их вкусить горечь поражения».

Американскому боссу, видимо, очень хотелось разжечь вражду между нами и американскими спортсменами. Напоминанием о прежних неудачах вселить в нас безверие в свои силы. Но все же вскоре после нашего

посещения олимпийской деревни Кяпюля штангисты США приехали к нам, и огромный негр Дэвис, сияя добродушной улыбкой, беседовал с Яковом Григорьевичем Куценко, а Станчик внимательно изучал каждое движение Воробьева.

Мы быстро освоились в Отаниеми. Начались регулярные тренировки, экскурсии по городу, прогулки по живописным берегам залива. Часто по вечерам мы сидели у моря вместе с нашими товарищами спортсменами Чехословакии, Венгрии, Румынии, Польши, Болгарии, Албании. Пели песни, вели задушевные беседы.

Особенно подружился я с чешским штангистом Пшеничкой, с которым познакомился еще на Берлинском фестивале. Он был главным противником нашего молодого товарища — Александра Мозжерина.

Но, несмотря на всю непринужденность обстановки, особое волнение, так называемая предстартовая лихорадка, трепало каждого из нас. Нет-нет, да и мелькнет в голове тревожная мысль: «Скоро!» В течение дня мы соблюдали жестокий режим. Но когда приходил час ложиться спать, тут уж мы ничего не могли с собою поделать. Сон бежал от глаз. Мы лежали в темноте на своих постелях и прислушивались к дыханию друг друга. Потом Иван Удодов, Евгений Лопатин или я вскакивали и начинался разговор далеко за полночь, пока, наконец, Яков Григорьевич строго не призывал нас к порядку.

С каждым днем в Хельсинки становилось все оживленней. У касс олимпийского стадиона стояли огромные толпы народа. Через город провозили гоночные лодки, проводили скакунов. Кафе и рестораны были заполнены праздничной толпой.

И вот, наконец, наступило 19 июля, день открытия XV Олимпийских игр. К часу дня все 6 тысяч участников собрались на стадионе. Как яркое и красочное было это шествие самой сильной молодежи мира! Но финский климат не хотел считаться ни с правником, ни с нашими парадными костюмами. Моросил дождь.

Я шел в одном ряду с борцами Яковом Пункиным и Александром Сафиним. Впереди колыхалось красное знамя Страны Советов, поднятое вверх сильными руками Якова Куценко. Да, знаменосцем колонны советских спортсменов был парторг команды штангистов Яков Григорьевич Куценко, и все мы, тяжелоатлеты, очень гордились этим.

Должно быть, наш строй выглядел очень внушительно и красиво, потому что, когда мы вышли на дорожку, огромный стадион словно раскололся от аплодисментов. Раздались крики: «Сталин, комсомол!», «Сталин, комсомол!»

Торжественным был ритуал открытия Олимпийских игр. Президент Финляндии приветствовал нас, гремел огромный оркестр, тысячи голубей взлетали в небо.

Вот выбежал на дорожку знаменитый финский бегун Нурми с факелом в руках. Этот факел по традиции был зажжен в Греции, на горе Олимп, и эстафетно пронесен через всю Европу. Нурми подбежал с факелом к огромной чаше, и там загорелся олимпийский огонь. Затем бегун направился к башне, высшей над стадионом, и на ее вершине тоже вспыхнуло красное пламя.

А когда закончился торжественный марш спортивных делегаций и опустело зеленое поле, началась спортивная борьба. Первыми в нее вступили легкоатлеты.

На заливе Мейлахти взяли старт гребцы. Начались схватки борцов.

Эта борьба полностью захватила меня, и я на некоторое время забыл о том, что и мне скоро предстоит включиться в нее. Я видел, как Леонид Щербаков соревновался в тройном прыжке со знаменитым бразильцем, рекордсменом мира Феррейро да Сильва и только один смог составить ему конкуренцию. Почти каждый прыжок этих спортсменов был сенсацией. Феррейро дважды улучшал мировой рекорд, а Леонид Щербаков стал рекордсменом Европы, показав второй результат. Скоро с залива Мейлахти пришло радостное сообщение: наш молодой гребец Юрий Тюкалов, студент Ленинградского художественного училища, побил американца Джона Келли. Исключительно удачно прошел первый день выступления у гимнастов. И в первый же день олимпиады под звуки Государственного гимна СССР взвился к небу флаг нашей Родины, отмечая победу русской метательницы диска Нины Пономаревой, ставшей чемпионом Олимпийских игр.

В этот вечер в нашем городке все горячо обсуждали события спортивного дня. Мы поздравляли победителей, поднимали в их честь бокалы... с нарзаном, вручали им букеты цветов. Но не только жители Отаниеми чествовали героев. К нам приезжали многие спортсмены и из олимпийской деревни Кяпюля. Побывали репортеры различных газет, и на следующее утро в шведской газете «Экспрессен» мы прочли, что «русский лагерь открыт для посетителей другой стороны, а доброжелательность и откровенность русских поразительны».

Да, не удалось разным боссам от спорта создать железный занавес между двумя олимпийскими деревнями, и каждый новый день приносил все новые знаки

сердечной дружбы между спортсменами разных стран. Мы видели, как Петр Денисенко обнимал американского прыгуна с шестом Ричардса, поздравляя его с победой, и читали о том, как американец отнесся к этому поздравлению. «Честно говоря, я не могу понять, — заявил Ричардс, — почему народы мира не могут ладить так, как спортсмены ладят здесь».

В разных концах Хельсинки и на земле и на воде происходило столько событий, что наблюдать сразу за всем было невозможно. Поэтому наши тренеры посоветовали нам следить за происходящим из Отаниеми. «Все равно всего не охватишь, — сказал, улыбаясь, Николай Иванович Шатов, — а со стороны, как говорят, виднее». Конечно, это было сказано в шутку. Просто перед предстоящей борьбой следовало беречь каждую каплю нервной энергии.

Утром наши товарищи — легкоатлеты, гребцы, стрелки, борцы собирали свое снаряжение и, напутствуемые тысячами добрых пожеланий, отправлялись на стадион, в залив, на стрельбище. А мы, оставшись в опустевшем городке, с нетерпением дожидались новостей.

Все газеты в эти дни были полны восторженных сообщений о победе советских гимнастов, об успехах гребцов, о замечательном даровании молодого стрелка Азатолия Богданова. На нашу долю оставалось одно — готовить букеты и поздравления.

С цветами встречали мы у въезда в деревню замечательного чешского бегуна Эмиля Затопека и его жену Дану Затопкову. Супруги привезли со стадиона сразу две золотые медали: Эмиль за победу в беге на 5 тысяч метров, Дана за самый дальний бросок копья. А как радовались мы успеху молодого венгерского метателя молота Иосифа Чермака, завоевавшего первое

место. Как горячо жали руку его учителю Имрэ Немету. Немец получил бронзовую медаль, но разве частица золотой не принадлежала также и ему?

Каждый вечер мы подсчитывали количество золотых и серебряных медалей, полученных советскими спортсменами. И когда после четвертого дня стало известно, что уже 29 золотых и 29 серебряных медалей находятся в городке Отаниеми, мы устроили маленький пир все с тем же нарзаном.

24 июля в зале Мессухалли-2 закончились состязания гимнастов. Как известно, эти соревнования были триумфом советских спортсменов. На следующий день освободившееся место заняли штангисты.

Всею командой провожали мы Ивана Удодова, Рафаэла Чимишкяна и Николая Саксонова — атлетов легчайшего и полулегкого веса. Как хотелось отправиться вместе с ними, чтобы видеть ход борьбы. Насколько легче быть свидетелями разворачивающихся событий, вместо того чтобы ждать результатов в опостылевшем городке.

Как тигры, метались мы с Аркадием по пустым коридорам, не находя себе места. Что там? Удодову предстояла встреча с рекордсменом мира египтянином Махухом и победителем XIV Олимпийских игр иранцем Намдью.

Наконец я не выдержал и тайком поехал в город. Крадучись, чтобы не встретить кого-нибудь из тренеров, пробрался к входу в зал Мессухалли-2 и ничего не узнал. А когда вернулся обратно, Аркадий встретил меня радостным сообщением:

— Ваня в рывке взял девяносто семь с половиной килограммов. Главный его противник иранец Мирзаи.

Стало немного легче, и мы даже нашли в себе силы приветливо встретить гребцов американской восьмер-

ки, приехавших в гости к нашим гребцам. Гости немного развлекли нас, а вскоре по телефону пришло сообщение, что Иван Удодов не только олимпийский чемпион, но и олимпийский рекордсмен. В сумме трех движений он поднял 315 килограммов.

— Ну, Аркаша, начало положено, — сказал я Воробьеву, обнимая его с таким восторгом, словно это он только что установил новый олимпийский рекорд. Но Воробьев ответил:

— Подожди радоваться, что еще Чимишкян и Саксонов покажут...

В самом деле, в порыве радости я забыл о том, что сейчас на смену Удодову уже вышли на помост два наших атлета полулёгкого веса.

Вскоре мы вручили традиционный букет цветов Ване Удодову и стали ждать новых известий с ним вместе. Мы не отходили от телефона, но сообщений из зала не было.

Наконец приехал из зала соревнований борец Гиви Картозия.

— Ребята, пока не важно, — сказал Картозия. — Чимишкян выжал девяносто семь с половиной килограммов, Саксонов — девяносто пять, а тринадаец Узлкас — сто. Видели бы вы, как Гофман обрадовался. Бросился негру руку пожимать.

Воробьев всердцах сплюнул и выскочил из комнаты, но у меня нехватило сил отойти от телефона. Мрачно сидел я перед аппаратом, ждал звонка, и добряку Картозия, видимо, стало жаль меня.

— Ничего, Трофим, — сказал он, присаживаясь рядом. — Механик говорил, что наши наверстают.

В этот момент внезапно резко, словно хлыстом ударил по нервам, зазвонил телефон. Я сорвал телефонную трубку. Говорил Механик:

— Трофим, успокойтесь. Чимишкян и Саксонов вырвали по сто пять килограммов. Уилкас только сто. Ложитесь спать. Не ждите, вернемся поздно... Ты слышишь? Обязательно ложитесь спать.

Пришлось подчиниться приказанию. Конечно, я не имею права так волноваться. Хорошо я буду выглядеть послезавтра в зале Мессухалли, если не возьму себя в руки!

Видимо, волнение этого напряженного дня так измотало меня, что я крепко заснул впервые за последнее время. Проснувшись рано утром, сразу же вскочил и бросился разыскивать Чимишкяна.

Я нашел его в вестибюле. Взбудораженный, счастливый, он, оказывается, не спал всю ночь.

— Ну как, что? — накинулся я на него.

— Да ничего, — ответил Чимишкян, — взял триста тридцать семь с половиной килограммов. Саксонов на втором месте.

— Да это же новый мировой рекорд! — закричал я во весь голос и стал поздравлять Рафаэла с золотой медалью.

Однако с победой Удодова и Чимишкяна волнение мое не только не прошло, но, напротив, усилилось. В этот день предстояло выступить Жене Лопатину, моему другу и соседу по комнате. Главным его противником был американец Коно, очень сильный штангист. Евгений Лопатин должен обязательно завоевать второе место. Дело было не только в серебряной медали, но и в количестве очков, которые получала советская команда.

Еще задолго до начала борьбы наш тренерский совет составил график движения к победе. В этом графике учитывались не только наши силы, но и силы наших главных противников — американцев. Конечной целью

этого графика была командная победа, самая почетная и важная.

Итак, по предварительным наметкам, Евгению Лопатину надо обязательно занять второе место, мне и Воробьеву — первое и хотя бы третье и Новаку — первое или второе. Если это будет выполнено, Боб Гофман бит.

Снова потянулся томительный день у телефона. Пришло первое сообщение: в жиме Лопатин взял сто килограммов. Идет на шестом месте. Опять долгое ожидание и новое сообщение: рывок — 107,5 килограмма, перешел на четвертое.

Не было больше сил ждать этих скудных сведений, и мы пересели к радио. На наше счастье, как раз шла передача из зала Мессухалли-2.

— На штанге сто сорок два килограмма, — слышим мы голос диктора. — Последняя попытка в толчке Евгения Лопатина.

Мы затаили дыхание. Если попытка не удастся, будет слышен грохот падающей на помост штанги. Но из микрофона доносилось только далекое дыхание зрительного зала.

— Взял на грудь, — сказал Воробьев.

Еще несколько секунд ожидания. И грохот аплодисментов, донесшийся до нас, был красноречивее всех слов.

— Толкнул! — сказали мы в один голос.

С таким результатом Лопатин не мог не выполнить своей задачи. И когда мы, наконец, дождались его у подъезда, он еще из окна автобуса крикнул нам:

— Второе место!

Казалось бы, теперь можно и отдохнуть, но разве нам было до отдыха в этот вечер? Завтра с утра выходить на помост.

Завтра! Сколько еще часов надо прожить, прежде чем оно настанет. Завтра в Сталинграде состоится торжественное открытие Волго-Донского канала. Об этом мы узнали по радио. Большой праздник всего советского народа совпадал с тем днем, когда должна состояться наша встреча со Станчиком. Как же можно проиграть эту встречу? В разных городах Советской страны тысячи советских людей следят за нашими успехами, ждут наших побед.

Вся буржуазная печать всячески превозносила Станчика. Газеты цитировали слова Гофмана о нем: «Такие люди рождаются раз в столетие», описывали блестящий путь воспитанника Гофмана — «знаменитого американского менеджера, издателя известного атлетического журнала». Вспоминались его успехи в полулегком, легком, среднем и полутяжелом весе.

Но, читая и слушая все эти высказывания, я вспоминал другое — печальную судьбу многих прежних любимцев Боба Гофмана. Где они теперь? Гофман долго не держит своих парней. Он превозносит их до тех пор, пока они побеждают. Я вспомнил рассказ Куценко о его беседе со Станчиком на банкете после окончания первенства мира в Париже. Станчик с горечью говорил Куценко о том, что сейчас живет хорошо, но не знает, что будет с ним завтра.

— Быстро летят годы, — говорил Станчик, — а с годами улетучивается сила, мой единственный капитал.

Но пока «капитал» Станчика был еще при нем, и данные, которыми мы располагали, говорили о том, что американский штангист хорошо подготовлен к борьбе с нами во всех трех движениях.

Окончился долгий и томительный день, еще более тревожный, чем два предыдущих. И когда пришло вре-

ля ложиться спать, Куценко, увидев меня и Аркадия зядышком на скамейке у дома, подошел, сел между нами и, обняв нас обоих за плечи, сказал:

— В первый раз вижу, чтобы так дружили атлеты одной весовой категории. Какие вы неразлучные! — Помолчал и добавил: — В эту ночь грешно вас разлучать. Будете отдыхать вместе в одной комнате.

Яков Григорьевич словно чувствовал, что не все договорено между мною и Аркадием, что нам многое друг другу надо сказать. Когда мы улеглись в постели и потушили свет, Аркадий спросил:

— Не спишь, Трофим?

— Не сплю, — ответил я.

— Хочешь выиграть?

— Конечно.

— Хорошее дело... С каких весов думаешь начинать?

— Жим со ста двадцати пяти килограммов, рывок со ста двадцати семи с половиной, толчок со ста шестидесяти... А ты?

— Я начну жать со ста двадцати, рывок такой же, как у тебя, а толчок по ходу событий — или со ста шестидесяти или со ста шестидесяти двух. Там видно будет.

Мы замолчали, потом Воробьев снова спросил:

— А на какую сумму надеешься?

— Могу сказать тебе, Аркадий. Надеюсь выжать сто тридцать, вырвать сто тридцать два с половиной, а толкнуть не меньше ста шестидесяти семи с половиной.

Воробьев помолчал минуту, видимо складывая все эти цифры, и сказал весело:

— Выходит, мировой рекорд, — четыреста тридцать килограммов.

— А ты на что рассчитываешь?

— Да знаешь, на столько же. Разница в небольшом: выжать я думаю меньше на пять килограммов, зато вырвать на два с половиной килограмма больше и толкнуть сто семьдесят килограммов.

— Думаешь здесь, в Хельсинки, побить Феррари?

— Надеюсь.

Расчет Воробьева был правилен и целиком совпал с моим расчетом. Обдумывая еще в Москве предстоящую борьбу с американцем, я и мой тренер Механик пришли к выводу, что надо оторваться от Станчика в жиме, не отстать в рывке и толчком закрепить победу.

— Ну что же, Аркадий, — сказал я. — Будем вместе воевать за первое место, может быть, разделим его пополам. Вес у нас равный.

— Равный-то равный, — сказал со вздохом Аркадий, — да уж больно я мастер по своим граммам проигрывать. А хочется Станчика побить. И не так Станчика, как его босса. Америку Гофмана хочется побить.

— А завтра в Сталинграде праздник, — сказал я.

И мы стали вспоминать города, где приходилось нам встречаться: Воронеж, Тбилиси, Ленинград, Баку.

— В Сталинград поедем зимой, — сказал Аркадий, — там первенство страны по штанге, знаешь? Как мы там покажемся, если Станчика не побьем?

— Не можем не побить, — сказал я убежденно. — Или ты, или я, но побьем, слышишь, Аркадий?

Воробьев не отвечал, то ли думал о своем, то ли спал. Вскоре уснул и я.

В восемь часов утра нас разбудил Механик:

— Ребята, пора вставать. Взвешивание в десять часов.

— Как в десять? — вскочил с постели Аркадий. —
Весь назначено было в час.

— Изменили. Придется и нам менять свое расписание.

Беспокойное сообщение очень взволновало нас. Эта предварительная тренировка в Хельсинки строилась так, чтобы организм привык к дневной нагрузке. А тут приходилось начинать разминку с раннего утра. Но делать было нечего. Мы провели обычную прогулку, гимнастику, позавтракали и вчетвером — я с Воробьевым и два наших тренера, Механик и Лучкин, — пошли на взвешивание.

Сколько раз мне приходилось бывать в зале Месюринского! Но теперь я увидел его не со стороны зрительного зала, как обычно, а со стороны кулис. Нас привели за сцену, и мы спустились вниз по лестнице, в нижнее помещение, где находились раздевалки, душевые, коридор для разминки. В коридор, как в гостиной, выходил ряд дверей. Каждая комната была предназначена одному из участников. Наши с Воробьевым комнаты помещались рядом.

«Сколько трудных минут предстоит провести мне здесь!» — подумал я, окидывая взглядом маленькую уютную комнатку, в которой единственной мебелью служил небольшой диванчик и пара стульев.

Только мы с тренером успели расположиться, как из коридорки донесся голос Воробьева:

— Тамоса, войдем на взвешивание.

Быстро раздевшись и накинув халат, я вышел в коридор. Аркадий уже дожидался меня.

В сопровождении тренеров мы прошли в комнату, где происходил торжественный предстартовый ритуал. Там уже собралась вся судейская коллегия. Когда мы подошли к этой оживленной группе, с весов так

торжественно, словно с пьедестала почета, сходил Станчик, великолепно сложенный, со стройной и вместе с тем мощной спиной, с гармонически развитыми мышцами. Увидев нас, американец заулыбался, приветственно помахал рукой и вернулся к весам. Его явно интересовали результаты нашего взвешивания.

Первым на весы поднялся я.

— Восемьдесят один килограмм восемьсот граммов, — объявил судья.

Вслед за мной встал на весы Воробьев.

— Восемьдесят один килограмм восемьсот граммов, — снова объявил судья.

Станчик подошел к Воробьеву.

— Вы легче, — произнес он на ломаном русском языке и показал на пальцах, на сколько легче.

— Это те самые шестьсот граммов, — сказал ему Воробьев, — которые дали вам победу в Париже.

— О да, да, — закивал головою Станчик. — Те самые шестьсот граммов.

Тогда Станчик был легче Воробьева. Теперь Аркадий легче своего противника. Что же, это было немалым преимуществом перед началом борьбы!

Мы втроем направились к выходу и прошли в свои комнаты. Комната Станчика помещалась как раз напротив наших. Следом за мной вошел Израиль Бенещианович.

— Ну, Трофим Федорович, давай на парад, — сказал он серьезно.

Как стремительно разворачивались события! Взвешивание позади. Уже 26 сильнейших средневесов мира в разноцветных костюмах — смуглые, блондины, чернокожие и белотелые — стоят в одном ряду. Перед нами переполненный зал. Справа от нас на сцене места

двоих журналистов и радиокomentаторов, позади — судья, за которым восседает пять человек жюри, а перед нами штанга.

Станчик стоит первым с правого фланга, я — предпоследним. Окидываю взглядом могучий ряд атлетов. Мелькает тревожная мысль: «Один другого шире», а тут же я успокаиваю себя: «Ничего, соревнования покажут, кто сильнее».

Торжественная часть закончена. Первое движение — жим. На щите вспыхивает цифра — 90 килограммов.

Пора нам на сцене делать нечего. В сопровождении Механика и Фархутдинова я ухожу в свою комнату и ложусь на диван. За стеной так же молча лежит Аркадий. А что сейчас делает Станчик?

— Трофим, пойдём на разминку, — слышу я голос Воробья.

— Пошли. Аркадий, ещё есть время, — кричу я ему в ответ.

Снова наступает молчание. Хорошо так лежать, расслабив мышцы, не думая ни о чём, но в самом деле мне неужели не хочется.

Взглянув в коридор и вижу Станчика, подпрыгивает со штангой. Мы начинаем упражнения. Во время занятия в коридоре видны сгибающиеся и разгибающиеся фигуры штангистов, готовящихся к выходу на сцену.

— Ну, Трофим, иду жать, — говорит мне Аркадий. Он выходит с меньшего веса. Проходит несколько минут, и в залу аплодисменты. «Это, наверное, Воробьёв».

— Ну, да, — кричу я, а вот и Станчик направляется к лестнице.

— Идем, — говорит мне Механик.

В сопровождении тренера иду я по коридору, настраивая свою судьбу... Судьбе? Нет, я шел на сцену,

зная, что меня там ждет, готовый к трудной схватке с сильнейшими штангистами мира. Заранее продумана вся тактика борьбы. Я знаю, как надо использовать с максимальной выгодой каждый подход к штанге.

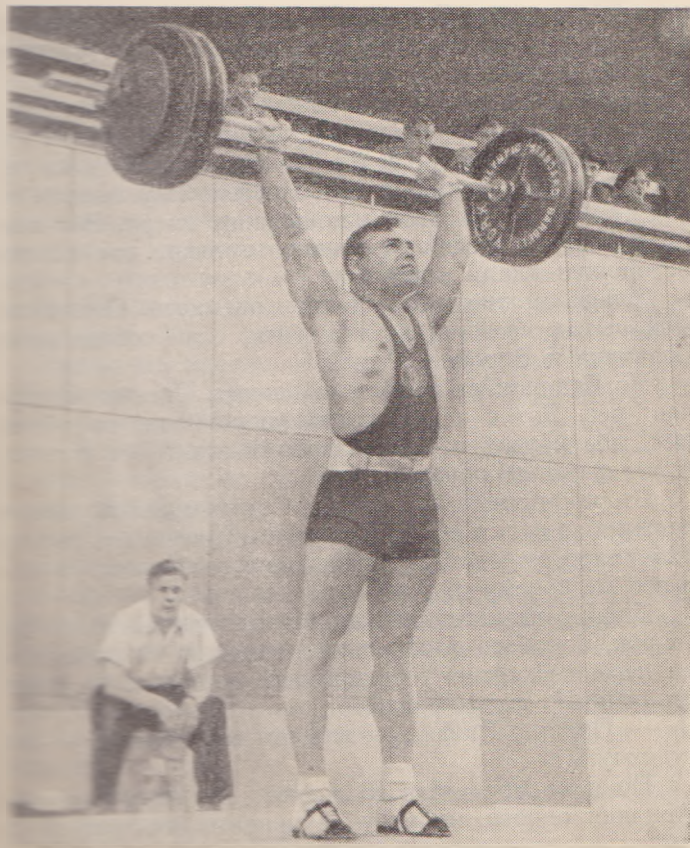
Когда мы появились на сцене, судейская коллегия, собравшись около стола жюри, о чем-то оживленно спорила. В чем дело? Почему заминка? Оказывается, судьи обсуждали спорный вопрос: считать или не считать попытку Эрмичу, второму средневесу США, только что не совсем чисто выжавшему 120 килограммов. Об этом мне сказал Аркадий, который, успешно закончив первый подход, подняв 120 килограммов, остался на сцене, чтобы увидеть дальнейший ход борьбы.

Проходят долгие минуты, остывает тело, разогретое разминкой, а судьи все спорят и спорят. Наконец выносится решение — попытку Эрмичу засчитать. И вот на помост выходит Станчик. Он начинает жим со 122,5 килограмма.

Станчик легко наклоняется к штанге. Я вижу невозмутимое лицо Гофмана, не спускающего глаз со своего атлета. Рядом с ним Терпак. Штанга взлетает к груди, вот Станчик жмет ее кверху, жмет он нечисто, но три белые судейские лампочки вспыхивают на щите (у нас красные лампочки — это знак победы, здесь — знак поражения). Вес засчитан.

Теперь на штангу надевают добавочный вес. На штанге 125 килограммов — мой вес, с которого я начинаю борьбу. Непривычно звучит моя фамилия: «Трофим Ломакин».

Пора! Я чувствую прикосновение ладони Механика к спине. Легким толчком он посылает меня вперед. Стремительно иду к помосту, останавливаюсь, слегка опустив плечи. Прикосновение стального, согретого чужими руками грифа на мгновение обжигает, словно

— V Олимпийские игры в Хельсинки. Т. Лома-
выжимает 125 килограммов.

металл раскален. Я замираю над штангой, прислушиваясь к себе самому, подготавливаясь к тем усилиям, которые сейчас последуют.

Пора! И мертвый вес, лежащий у моих ног, оживает, покорно следуя моему приказу, отрывается от пола. Еще одно усилие, и я фиксирую штангу на груди. Ну, теперь второй старт. Вперед! И усилиями одних только рук я выжимаю штангу вверх. Вес взят, но я жду судейской отмашки и только по сигналу осторожно кладу штангу.

Теперь можно и нужно итти отдыхать. Следующий мой выход нескоро, но как уйти, если сейчас выход Станчика и Воробьева?

Но Станчик не вышел на помост. Станчик пропускает вес. Вот в чем тактика американца: он обеспечил себе первой попыткой минимальный вес и теперь будет пытаться обогнать нас.

Вторая попытка Аркадия. С огромным волнением слежу я за всеми его движениями. Конечно, он выжмет 125 килограммов. Я нисколько не сомневаюсь в этом и все же почему-то волнуясь.

Штанга взлетает к груди. Напрягая все мышцы своих рук, Воробьев выжимает ее вверх, но нет, она давит на него, не дает ему распрямить локтей, и он уходит огорченный, подавленный.

— Пошли, Трофим, — шепчет мне тренер, — надо отдохнуть.

Но я не могу уйти со сцены, не могу оставить Аркадия одного, не могу не увидеть его третьей попытки.

Выходят к штанге какие-то другие участники, гудит зал, но все это где-то в стороне, за пределами моего сознания. Я жду выхода Воробьева. Вот, наконец, его очередь. Последняя, третья попытка. Неужели

не удалось ему собраться, неужели не сможет он взять вес, который обычно так легко поднимал на тренировках!

И снова штанга оторвана от пола. Вот она на груди у Аркадия, вот он начинает выжимать ее вверх. Визгу, что он изнемогает от предельных усилий, я не слышу, как он борется с огромным весом — отважно, самоотверженно. Мне кажется, что вот-вот ему удастся последнее заключительное усилие, и в этот момент штанга с грохотом летит на помост.

Всё! С жимом все. Аркадий поднял только 120 килограммов. А у Станчика впереди еще две попытки.

Теперь мы вдвоем остались на сцене: я и американец. Слово за Станчиком, и он просит прибавить еще вес с половиной килограмма.

— Что будем делать дальше? — спрашиваю я Механика. — Брать на этот же вес? — По графику и у меня вторая попытка — 127,5 килограмма.

— Подождем, увидим, — говорит мне Механик. Красиво сжав челюсти, прищурившись, следит он за движениями Станчика. Возьмет или не возьмет? Куда делась легкость и непринужденность американца? С трудом он отрывает штангу от помоста, весь напрягшись, вытягивает ее до груди, но, выжимая вес, теряет власть над ним. Штанга тянет его за собой, и Станчик бессильно пытается помочь себе ногами и туловищем.

— Не взял, — говорит Механик, облегченно переводя дыхание.

— Да, не взял, — соглашаюсь с ним я.

Но что это? На щите зажигаются две белые лампы и только одна красная. Судьи засчитывают попытку. Надо немедленно протестовать. Тут же наши представители направляются к столу жюри. Одновре-

менно с ними к столу жюри медленно, не торопясь идет Боб Гофман.

— Ну, это надолго, — говорит Механик, — пойдем, Трофим.

Мы уходим со сцены. И только через 40 минут становится известно, что попытка Станчику не засчитана.

Поднявшись в зал, я еще издали увидел Стэнли Станчика, лихорадочно шагавшего вокруг помоста. Сзади ходил Терпак и что-то втолковывал ему. Гофман стоял рядом с судьями. Зал сдержанно гудел, дожидаясь того момента, когда американский атлет снова появится у штанги.

Мы остановились в стороне, ожидая развязки. Терпак тут же на сцене торопливо массировал мышцы рук Станчика, а тот, полный нетерпения, рвался от него к штанге. Вот он вышел вперед, напряженный, очень взволнованный. Нет, в таком состоянии веса он не возьмет, я это чувствую. Воробьев, оказавшийся рядом, говорит мне:

— Вон как волнуется. Еще бы, последняя попытка. Он понимает, что если в жиме не оторвется от тебя, плохо его дело.

Мы стоим и смотрим, как Станчик яростно захватывает гриф, как, ослепленный своим волнением, тянет штангу, как он шатается под тяжестью веса. И снова та же картина — штанга тащит его за собой, почти сбивает с ног. Нечеловеческим усилием воли, за которым, наверное, скрывается боязнь за свою судьбу, за свое благополучие, Станчик пытается остановиться, и на какое-то мгновение ему это удается. Но стоит он меньше двух секунд, явно меньше. Почему же судья дает отмашку, почему зажигаются две белые лампочки?

Как цинична эта обстановка нечестных махинаций, как не похожа она на международные сорев-

зования, в которых мне приходилось участвовать! Я привык к тому, что победа решается в честной борьбе, а здесь она определяется в схватках у судейского стола.

Станчик снова не взял вес. Третья его попытка еще хуже второй. И снова наши представители направляются к столу жюри, и снова рядом с ними оказывается невозмутимый Гофман.

— Пошли, — говорит мне Механик, — опять на выгаса.

Тянутся томительные минуты ожидания. Открывается дверь, и в комнату молча входит Фархутдинов. Все ясно без слов. Попытка Станчику засчитана. Пора выходить на помост.

Когда я заявил, что требую 130 килограммов, известованный гул пробежал по рядам зрителей. Станчик, бледный, вспотевший, услышав об этом по дороге к выходу, растерянно пожал плечами. Гофман вышел по сцене. А в это время секунданты уже назвали на штангу еще 2,5 килограмма.

Теперь и Воробьев и Станчик были только зрителями. Последнее слово за мной. У меня две попытки, два шанса обойти Станчика. Я стою в стороне и наблюдаю суету на репортерских скамьях, выкрики радиокорреспондентов, жестикулирующих у своих микрофонов. Сейчас, в эти минуты, мое имя летит на волнах эфира. Его слышат в Москве, на Алтае и на Сахалине — везде, где слушают передачу из зала Мессухалли-2.

Вступаю, стараясь не напрягаться, и штанга по-прежнему, с лишком покорно подчиняется моим усилиям. Вес без уже на груди. Судья хлопает в ладоши, дает мне знак, что я могу продолжать движение. Начинаю выжимать штангу, но с каждым сантиметром огромный груз все с большей силой сопро-

тивляется мне. Вот гриф на уровне рта, вот он достиг носа, глаз. Но я изнемогаю, нехватает дыхания, все больше слабеют руки. Нет, нельзя покоряться. Последним порывом воли я поднимаю штангу до уровня лба. Дальше она не идет. Я чувствую, как напрягаются жилы на моей шее. Пот заливает глаза. Нет, не могу! И, сгибаясь, я кладу штангу на пол.

Сходя с помоста, я увидел торжествующую улыбку Гофмана, лицо Механика, замкнутое и суровое, сумрачный взгляд Воробьева.

— Ничего, Трофим, сейчас возьмешь, — сказал Механик, вытирая мне лицо и поглаживая своей умелой рукой спину. — Сейчас возьмешь. Ты только успокойся, приди в себя. У нас еще целых две минуты.

Я знаю, как волнуется в эти минуты мой тренер, каких усилий ему стоит скрыть свои чувства от меня, и это возвращает мне спокойствие, словно поглаживает он своей рукой не только мое уставшее тело, но и душу.

Пора! Надо выходить. И я шепчу Механику на ухо:

— Сейчас возьму.

И я снова беру штангу на грудь. Снова сантиметр за сантиметром жму ее вверх, но тут же чувствую, что она уходит вперед, увлекая меня за собой, что я не могу удержать ее...

Печальным было наше возвращение вниз. Мы шли по душному коридору, в котором непривычно пахло какими-то втираниями. Бодро и как будто весело, словно радуясь нашей неудаче, прыгали американцы, готовясь к рывку.

Итак, можно подвести первые итоги: Станчик — 127,5 килограмма, Ломакин — 125 килограммов, Во-

воробьев — 120 килограммов. Американец впереди. У меня есть еще шансы догнать его, но Воробьев отстал на 7,5 килограмма. Как трудно ему сейчас!

— Не падай духом. У нас еще все впереди, — успокаивал меня Механик. — В рывке мы можем и не догнать его. Но толчок будет наш, я это знаю.

И пока там, наверху, шла борьба на малых весах, я старался вернуть себе спокойствие, ту сосредоточенную уверенность, без которой штангисту нечего делать на помосте.

Распахнулась дверь, вошел Яков Григорьевич Куценко.

— Ну как, Трофим, теперь видишь, что такое соревнования с американцами? Помнишь, что я тебе в Клеве рассказывал?

А я лежал на диване и думал о том, что не могу не вспомнить здесь, в Хельсинки, обещания, данного на прошлой неделе старшиной Куценко в Кремлевском зале. Не имею права не выполнить. Яков Григорьевич пригладил заботливо мои волосы, наклонился и шепнул:

— Крепись, Тимоша.

И тут же из-за стены раздался голос Аркадия:

— Тимофей, пошли разминаться.

Эта скупая ласка и эти обычные, спокойные слова товарища как-то сразу вернули мне силы. Я вышел в коридор, чувствуя привычную мне уверенность. Как тяжело, как приторен был здесь воздух.

— Это что — гофманская смесь так пахнет? — спросил я Механика.

Тренер молча показал мне на какие-то пустые бутылочки, валявшиеся на полу у стены. Я нагнулся и увидел на одной из них знакомую мне по журналу Гофманна этикетку «эмбрикейшен». Ну да, конечно, это знаменитый гофманский раствор, а вот и портрет са-

мого фабриканта. Боб Гофман смотрел на меня с рекламной этикетки, скрестив руки на своей еще сильной и мускулистой груди. И тут же я увидел, как американский массажист щедро лил на ладонь эту пахнущую скипидаром жидкость и втирал ее в тело Стэнли Станчика.

«Удаляет боль и усталость, предохраняет от перенапряжения мускулов и связок, производство «Йорк Барбелл компани», — вспомнил я широковещательный текст, напечатанный на этикетках гофманского снадобья. Отшвырнув одну из пустых бутылок, подвернувшуюся мне под ноги, я начал разминку, с наслаждением чувствуя, что мышцы мои свежи, сердце спокойно.

Станчик первым направился на сцену в тот момент, когда объявили на штанге 122,5 килограмма. По плану моему и Воробьева мы должны были начинать со 127,5. Но так как разминка была закончена, мы тоже пошли наверх посмотреть на американца.

Вес он взял легко и чисто. Недаром Станчик славился своим рывком. Поставили 125 килограммов. Мы отказались от выхода, Станчик тоже.

На штангу надели еще 2,5 килограмма. Первым вышел Аркадий. Легко и точно зафиксировал он вес. Затем была очередь Станчика. Он потянул штангу, но зафиксировать вес не сумел. Бросив штангу на помост, он укоризненно посмотрел на нее, махнул рукой и пошел со сцены. Теперь была моя очередь. И так же легко и спокойно, как Аркадий, я выполнил свое движение.

Итак, мы только начинали борьбу, а у американца оставалась всего одна попытка.

Мы видели, как Станчик ходил по сцене, натирая руки магниезией, как около него хлопотал Терпак, и

массажист, спустив с его плеч кремовое трико, растирал ему мышцы. Вот он снова выходит вперед, и зал аплодисментами встречает его успех. Станчик догнал его. Теперь у него тоже 127,5 килограмма. Но уже на штангу по нашей просьбе надевают еще пять килограммов.

У нас еще по две попытки. У Станчика—ни одной. Это реальная возможность не только наверстать потерянное в жиме, но и обойти американца в его коронном движении — рывке.

Первым пытается это сделать Аркадий. Ему это должно удаться. Ведь сколько раз Воробьев поднимал еще больший вес, добивался рекордных результатов! Но сейчас он ведет борьбу не только со штангой. На него давит сила того ажиотажа, который создают на сцене Гофман и некоторые судьи, смотрящие ему в глаза внимательнее, чем на помост. И, видимо, этот груз для него слишком велик. Штанга с грохотом летит вниз. Пытаюсь я... и тот же результат. Снова выходит Аркадий. Я не смотрю на него, слишком напряжены мои нервы. Отвернувшись, я жду. Что последует сейчас? Грохот аплодисментов или грохот летящей вниз штанги? Я слышу грохот штанги. Воробьев кончил свои попытки. Теперь только я могу обогнать Станчика.

«Я должен,—твержу я себе. — Должен, должен». Но штанга, уже поднятая в воздух, стремительно взлетает вверх, снова уходит вперед и вырывается из моих рук.

Какая неудача, какая грозная неудача! Две попытки не привели ни к чему. Станчик уже после двух движений удерживает свое преимущество. Попрежнему 125 килограмма отделяют его от меня и 7,5 от Аркадия.

Опять я лежу в своей комнате, Воробьев рядом за стеной. Опять около меня сидит Механик и добряк Фархутдинов, осунувшийся за эти четыре часа, не находит себе места. Иногда дверь приоткрывается, и я вижу лица товарищей. Они не заходят ко мне, не хотят тревожить, но я знаю, что в эти решающие минуты они все с нами — и Александр Васильевич Бухаров, и Яков Григорьевич Куценко, и Николай Иванович Шатов, и Рафаэл Чимишкян, и Ваня Удодов.

— Руки слабеют, — говорю я Механику. И он тут же зовет массажиста.

Как приятно скользят умелые пальцы по мышцам, словно выдавливая из них усталость. Я чувствую, что мне хочется спать, и это радует меня, это верный признак того, что через несколько минут я буду снова готов к борьбе.

— Все решится в толчке, — говорит Механик. — Будь спокоен, Трофим. Я знаю, в этом движении ты все отыграешь.

«Все нужно решать в толчке. Здесь ждет тебя главный успех», — вспоминаю я слова Куценко.

«Да, я хочу толкнуть 170 килограммов», — слышу я голос Аркадия. Никак не удастся моему другу превратить в жизнь свое заветное желание. Может быть, здесь, в Хельсинки, ему это, наконец, удастся.

— С какого веса будешь начинать? — спрашивает меня тренер. — Может быть, со ста шестидесяти двух?

Я отрицательно мотаю головой.

— Нет. Будем придерживаться графика. Я и Аркадию сказал, что начну со ста шестидесяти.

— Ну что же, может быть, ты и прав, — соглашается Израиль Бенедианович. Вдруг распахивается дверь и в комнату врывается запыхавшийся Фархутдинов.

— Ты что? — сердито спрашивает его Механик. — Может быть, Станчику его рывка не засчитали?

— Нет. Станчик уже на сцене. Он начинает со ста пятидесяти пяти, — говорит Фархутдинов, не поняв вольных шуток тренера.

Это в самом деле интересная новость. Станчик начинает с небольшого веса. В кого же он не верит — в себя или в нас? Конечно, он хочет закрепить свою победу, действуя наверняка. Ну что же, тем лучше.

Когда мы поднялись наверх, Станчик, уже кончив движение, довольный, улыбающийся, о чем-то беседовал с Гофманом. Судья называет мою фамилию.

— Пропускаю, — говорю я.

— К штанге вызывается Аркадий Воробьев, — объявляет судья.

— Пропускаю, — повторяет Аркадий.

— Русские пропускают, — разносится по залу.

— Русские пропускают, — на разных языках кричат радиодикторы в свои микрофоны.

— Русские пропускают, — выстукивают на своих столиках репортеры.

Станчик перестает улыбаться. Гофман, только что добродушно беседовавший с ним, хмурится и подходит поближе к помосту. Я вижу его совсем рядом, когда выхожу к штанге, на которой установлено 160 килограммов. Гофман неотступно следит за мной. Как не заметить этот рыхлый человек на портрет молодого атлета, наклеенный на бутылочках с «эмбрикейшен». Как не похож он на того преуспевающего дельца, портрет которого изображен на первых страницах журнала «Сила и здоровье». Нет в этом человеке ни силы, ни шарма. Одутловатое лицо, раскисший рот, глаза на выкате. Что нужно ему у штанги? Почему он ведет

себя так развязно, словно он здесь единственный судья и полновластный хозяин?

Эти мысли возбуждают во мне такую ярость, что я поднимаю штангу, не чувствуя ее тяжести.

«Есть!» — сигнализирует мне сознание. «Есть!» — аплодисментами оповещает о моем успехе зрительный зал. Три белые лампочки разом вспыхивают на щите.

С сожалением выпустив гриф из рук, отошел я в сторону, уступив место Воробьеву. И Аркадий так же точно и чисто взял вес.

Ему на смену выходит Станчик, и, наблюдая за ним, я чувствую: это последний вес, который он берет. Скованы и напряжены его движения. Станчик на пределе.

— Есть ли желающие на сто шестьдесят два с половиной килограмма? — спрашивает судья.

— Нет, желающих нет.

На штанге устанавливают 165 килограммов.

Снова у меня с Воробьевым впереди две попытки, а у Станчика только одна.

— Если ты возьмешь этот вес, можешь считать себя олимпийским чемпионом, — говорит мне мой тренер, и рука его нежно и требовательно поглаживает мою спину. — Пора, Трофим.

Как трудно сделать первый шаг! При мысли, что сейчас я наклонюсь над штангой, руки уже заранее наливаются усталостью. Мгновение я стою не двигаясь. Механик с тревогой поглядывает на меня.

— Иди же, Трофим, — шепчет он.

И я иду, чувствуя на себе сотни глаз, устремленных на меня из зала. Вижу Гофмана. Обычно невозмутимый, теперь он не может скрыть своего волнения. Как хочется Гофману, чтобы я провалился, чтобы мне не

удалось обе попытки так же, как они не удалась мне в разке!

Вот и штанга. Она лежит передо мной, словно упирается своими круглыми лапами в пол, готовая к сопротивлению, к борьбе.

«Силнее же, Трофим», — убеждаю я самого себя. Звонко захожу гриф, и вот уже штанга у меня на груди. Нет, еще одно усилие! Я пытаюсь поднять ее вверх и чувствую, что не могу. Нет, не могу! И вот я снова иду назад к Механику и думаю, что осталась всего одна попытка, что сейчас на помост выйдет Станчик, и если не удастся еще раз, тогда все кончено, мне не догнать его.

Станчик выскочил под ободряющие возгласы своих товарищей, своих соотечественников, сидящих в зале. Пытаясь выстоять, останавливаясь. Как медленно движется Станчик, как долго он примеривается. «Ну же, скорей», — кричат к нему. И в следующую минуту все решается. Станчик не может поднять штанги даже на грудь, она сразу же летит обратно на пол.

Как Верещагин? Будет он брать этот вес или решит не брать, и чем он завершит со мной поединок?

— Друзья мои, — слышав и медленно говорит Арнольд. И на своем первом удавлении встречает мое первое слово «Друзья мои» — это значит, иду на второе слово «Друзья мои» — это значит, пытаюсь справиться с соперником, достигнуть двоек, ушедших далеко вперед.

«Молодец, Арнольд», — думаю я. — Какое мужество надо иметь, чтобы в этой обстановке наивысшего напряжения после первой вершистого бросить в зал первое слово «Друзья мои»!»

В виду выходов Станчика. Побледневший, осунувшийся стоит он в стороне один и ждет, что будет даль-

ше. Теперь ему остается только надеяться на свою удачу, которая всегда сопутствовала ему. Эта безмолвная сцена так захватывает меня, что я теряю ощущение времени. Как, неужели снова мой выход? Так быстро?

Я смотрю на Механика.

— Может быть, мне тоже пропустить? — спрашиваю я, но Израиль Бенедианович отрицательно качает головой.

— Не забывай, что ты работаешь не на себя, а на команду, — говорит он. — Прежде всего, победа нашей команды. Победа над Станчиком. А время рекорда придет. Сто шестьдесят пять килограммов дают нам эту победу, возьми же ее.

— Возьму, — говорю я уверенно.

Механик обтирает мое тело одеколоном, торопливо вытаскивает из кармана пузырек с нашатырным спиртом и подсовывает мне под нос. Я глубоко вдыхаю, слезы наворачиваются у меня на глазах, в голове яснее, и с мыслью: «Что же я за сибиряк, если не толкну», — направляюсь к штанге.

«Любыми путями, только бы толкнуть ее вверх», — говорю я себе. Выдох, вдох, и тут же штанга оказывается висящей надо мной в воздухе в моих ровно выпрямленных руках. Я стою, не веря сам себе, ошеломленный случившимся, оглушенный грохотом аплодисментов, который все нарастает и нарастает. Я забыл о том, что штангу уже можно опустить вниз, что вес взят, что я победил Станчика. Я стою и держу над головой 165 полновесных, покоренных мною килограммов. Судья машет рукой, но я говорю себе: «Надо еще поддержать для верности». А зал все бушует, и Гофман с поникшей головой, с растерянной улыбкой стоит в стороне и тоже аплодирует мне.

Не знаю, сколько я простоял так, — три минуты, четыре, пять; мне казалось, что целую вечность. Потом, легко согнувшись, я положил штангу на помост, так, словно она ничего не весила, и только тогда почувствовал такую предельную, такую оглушительную усталость, что едва удержался от того, чтобы не лечь на пол. Но тут же ко мне подбежал Механик, и его объятие вернуло мне силы, а вместе с ними пришло долгожданное ощущение большой, долгожданной победы.

«Я победил, я победил, — хотелось мне крикнуть во весь голос. — Американцы биты, не догнать им теперь нас».

И тут же рядом я увидел Станчика.

— Стар, стар, — произнес он и печально, жалко улыбнулся. А в следующее мгновение что-то большое, черное, жаркое надвинулось на меня и совсем рядом со своим лицом я увидел сверкающие зубы Дэвиса. Тот обнял меня и крепко поцеловал в губы. А зал неистовствовал, бушевал, восхищенный этим объятием русского и негра.

— Пойдем, отдохнешь немного, — сказал Механик и, взяв меня под руку, попытался увести со сцены. Но я не двигался с места. Не мог я не быть сейчас рядом с Аркадием, не мог не видеть его попытки поднять сто килограммов, догнать меня. Если он поднимет этот вес, то у нас будет одинаковая сумма — 475 килограмма. Тогда свершится то, о чем я говорил еще в ночь перед началом борьбы. А на штангу уже добавлено добавочных пять килограммов.

— Желаю тебе удачи, Аркадий, — сказал я Воробьеву, когда он стремительно бросился к штанге. За что же? Воробьев, еще не дотянув штанги до ковра, опустил ее на помост.

Я переглядываюсь с Механиком. Замечаю взволнованное лицо Николая Ивановича Лучкина, тренера Воробьева. Вижу, как торжествующий Гофман бежит куда-то со сцены, как радиокomentаторы, в разноразмахивая руками, кричат в микрофоны, передавая на весь мир о неудаче русского штангиста.

— Не сосредоточился, — хриплым шопотом сказал мне Воробьев. Его грудь тяжело вздымалась, волосы прилипли к высокому лбу, а руки были сжаты в кулаки так, словно еще держали гриф штанги.

— Ничего, Аркадий, — шепчу я ему в ответ, — ты ведь не использовал попытки: штанга была ниже колен. Главное, поднять вес, а с какой попытки ты это сделаешь, неважно.

Я сжимаю плечо товарища, словно передавая ему оставшиеся у меня силы. Лучкин хлопчет рядом.

Но вот уже Воробьева вызывают на помост, и мы, затаив дыхание, следим за тем, как Аркадий идет к штанге, наклоняется к ней, легко отрывает ее от пола. Вот она на груди, вот уже в воздухе, в вытянутых руках. Почему же судья не дает отмашки? Неужели не прошло еще двух секунд? «Подожди еще немного», — шепчу я. Но Воробьев не может больше ждать и опускает вес.

А когда Аркадий снова направился к штанге для третьей попытки, Гофман замахал руками, закричал что-то и судьи остановили Воробьева.

— Попытка уже использована, — передал решение судей переводчик.

Гофман, совершенно утратив свою сдержанность, бушевал у стола жюри.

— Что он говорит? Против чего он протестует? — спрашивали мы нашего переводчика.

— Гофман утверждает, что русский спортсмен, ~~использовав~~ штангу с помоста во второй попытке, все равно ~~использовал~~ ее, — объяснил нам переводчик.

— Но это же жульничество, это же неприкрытое жульничество! — волновался Воробьев. — Я ведь не ~~дотронул~~ штангу до колен.

Вот когда мне стало понятно, почему многие судьи ~~отказались~~ судить нас, средневесов. С трудом удалось ~~уговорить~~ англичанина, иранца и египтянина. Они ~~знали~~, какая острая борьба будет в среднем весе, они ~~знали~~, что исход этой борьбы определит команду-победительницу, и не хотели связываться с Гофма-
~~ном.~~

— Пойдемте вниз, — сказал Яков Григорьевич Ку-
~~шев.~~ — Этот спор надолго. И Аркадию надо отдох-
~~нуть.~~ — Мы спустились по лестнице, прошли по кори-
~~дору~~, вдоль стен которого строем стояли участники со-
~~ревнования~~, штангисты разных стран, приветствуя ме-
~~ня и выражая свое сочувствие Аркадию.~~

Воробьев, замкнутый, суровый, прошел в свою ком-
~~нату~~, и ~~он~~, открыв дверь в свою, увидел, что она запол-
~~нена~~ народом. Ко мне бросились товарищи, поздравляя
~~с победой~~, но я остановил их:

— Подождите, у Аркадия еще третья попытка.

~~В~~ ~~эту~~ ~~сразу~~ потянулись минуты ожидания. Снова борь-
~~ба~~ ~~идет~~ ~~не~~ на спортивном помосте, а у судейского сто-
~~ла~~. Борьба ожесточенная, трудная. И я знал, что каж-
~~дая~~ ~~минута~~ промедления оставляет все меньше шансов
~~на удачный толчок Воробьева.~~

~~В~~ ~~этой~~ борьбе победили представители советской
~~команды~~. Жюри признало, что Воробьев имеет право
~~на~~ ~~третью~~ попытку.

~~На~~ ~~сразу~~ на сцене, снова слежу я за усилиями то-
~~варища~~, снова смело и решительно отрывает он штан-

гу от пола, поднимает ее на грудь и снова не может толкнуть вверх.

— Перегорел, — говорит мне Механик. — Еще бы, сорок минут ждать и волноваться — кому это по силам?

Аркадий возвращается к нам огорченный, усталый. Он подходит и целует меня, поздравляя с победой. А я поздравляю его. Ведь советские штангисты выиграли.

Через десять минут мы стояли на пьедестале почета. Я в центре, справа от меня Станчик, занявший второе место, слева — Воробьев. Девушка в финском национальном костюме поднесла нам на подушечке медали. И громко, торжественно звучал в зале Государственный гимн СССР, наш гимн.

На следующее утро все газеты были полны описаний борьбы штангистов среднего веса. На одной из страниц я увидел снимок и узнал на нем себя. Под снимком было написано: «Ломакин берет сто шестьдесят пять килограммов. Этим толчком решался исход борьбы средневесов». Тут же печатались итоги борьбы: советская команда набрала 40 очков, команда США — 38.

В течение целого дня в Отаниеми приезжали спортсмены самых различных стран, чтобы поздравить нас с успехом. Вместе с нами радовались наши друзья из стран народной демократии, а мой приятель, чешский штангист Пшеничка, улыбаясь, показал мне финскую газету, вышедшую перед началом соревнований штангистов. Заголовок одной из статей гласил: «Станчик не отдаст золотой медали».

— Отдал, — сказал Пшеничка, — пришлось отдать. — И вручил мне на память газету с ее неудачным пророчеством.

Закрывающие XV Олимпийских игр. Советскую спортивную делегацию на заключительном параде представляли два олимпийских чемпиона — штангист Т. Ломакин и легкоатлетка Г. Зыбина.

Но самую большую радость доставили мне слова Гофмана, которые он произнес, встретившись с Механиком.

— Вам легче подбирать людей, чем мне в Америке, — сказал Гофман. — У вас больше народу.

Босс американских штангистов признал свое поражение...

Быстро промелькнули последние дни Олимпийских игр. Теперь мы не пропускали ни одного соревнования. Мы смотрели водное поло, плавание, решающие баскетбольные встречи. Сколько пришлось надписать автографов, сколько советов дать штангистам разных стран!

Но вот наступил заключительный день олимпиады. Снова выходим мы на стадион, заполненный доотказа зрителями. Теперь красное знамя, которое в день открытия Олимпийских игр нес Яков Куценко, в моих руках. Высоко к небу поднимаю я государственный флаг СССР.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Как встречала нас Москва! Никогда не забуду переполненного перрона Ленинградского вокзала. Проекторы освещали огромные букеты цветов, сотни людей. Едва остановился поезд, едва мы успели шагнуть из вагона, как оказались подхваченными ликующими руками. Приветствия, расспросы, восклицания, музыка, объятия оглушили нас.

Оставив свои вещи в вагоне, мы вышли на площадь, где под знаменами своих обществ стояли, приветствуя нас, своих посланцев, физкультурники московских предприятий, вузов, школ.

Несколько дней после приезда я жил в атмосфере такой радостной встречи. Все поздравляли меня с победой, с почетным званием заслуженного мастера спорта, присвоенным также и моему другу Аркадию Воробьеву.

Но вот у меня в кармане снова железнодорожный билет. Снова складываю я в чемоданчик свои вещи и еду на вокзал. Получен отпуск на службе, и по поручению Комитета по делам физкультуры и спорта РСФСР выхожу я на Алтай. Там мне предстоит выступить с не-

сколькими докладами в спортивных коллективах, провести показательные выступления. У себя дома, на родине, хочу я отдохнуть перед началом новой борьбы.

Всю дорогу я радовался, как мальчишка, успешно сдавший трудные экзамены. Так, должно быть, чувствует себя юноша, окончивший школу с золотой медалью. Ну что же, я действительно окончил спортивную школу, и золотая медаль была при мне.

В Бийске на вокзале меня встречали физкультурники всего города. Я никак не ожидал этого и совершенно растерялся. А потом пошли выступления на заводах, в колхозах. Сколько способной молодежи прошло передо мной! Как богата силачами наша земля!

Быстро промелькнули дни моих «каникул», беспечная жизнь в материнском доме, и вот я снова в Москве, снова наступили рабочие будни.

Однажды вечером все мы, москвичи, члены команды, участвовавшей в Олимпийских играх, собрались вместе. На круглом столе лежали наши медали, завоеванные в борьбе с сильнейшими штангистами мира, и вспомнился мне другой стол, простой шербатый стол в нашей избе, а на нем пакетики с золотым песком, добытым тяжким трудом из недр алтайской земли. Сейчас снова золото лежало передо мной, и добыто оно было трудом не менее тяжелым, но во много раз более радостным. Осуществилась наша заветная мечта, о которой я так много говорил с дядей Сашей Бухаровым, с Яковом Григорьевичем Куценко, с Алексеем Михайловичем Жижиним, с Воробьевым, со всеми моими товарищами. Американцы биты.

Но в спорте, как и в жизни, борьба никогда не кончается. И вот однажды Александр Васильевич Бухаров вызвал меня к телефону и предложил срочно

приехать в комитет. Он встретил меня озабоченный и сказал:

— Ну что же, Тимошка, собирайся в дорогу, хватит праздновать.

— Куда это, дядя Саша? — спросил я.

— Олимпийским чемпионом стал, — ехидно ответил Бухаров, — Стэнли Станчика побил. А остался все таким же любопытным мальчишкой. Сказано тебе, собирайся. Поедешь в Чехословакию на месячник дружбы. А тренироваться к поездке будешь с Алексеем Михайловичем Жижиним, он на-днях приезжает из Ленинграда.

И вот снова я с моим давним учителем у штанги. После нескольких тренировок Алексей Михайлович сказал мне:

— Так вот, Трофим Федорович, тебе, кажется, удалось собрать воедино все три движения. Большой шаг. А какую задачу мы перед собой поставим сейчас?

При этом хорошо знакомом вопросе вспомнил мне моя студенческая пора, зал тяжелой атлетики в институте физического воспитания, наши первые победы, удачи и огорчения.

— Судите сами, Алексей Михайлович, — сказал я. — Вам со стороны виднее.

— Ну что же, раз ты за мной оставляешь последнее слово, то вот оно, — решительно заявил Жижин: — Будем бить всесоюзный рекорд в троебории.

— В среднем весе? — удивленно спросил я.

Всесоюзный рекорд в среднем весе был равен 1025 килограмм и установлен еще в 1946 году.

— Нет, — ответил Жижин. — Сперва попробуем в полутяжелом. Хватит тебе и четырехсот двадцати килограмм: половиной килограммов.

Действительно, с меня хватало и этого. Ведь это значит, что я должен был в жиме и рывке поднять по 130 килограммов, а в толчке 167,5.

Задача была трудная, но я чувствовал, что готов к ее выполнению.

И вот закончены тренировки, и мы снова в поезде. В команду входят Фархутдинов, Чимишкян, молодой легковес Иванов, молодой полусредневес Степанов, я, Холин и Медведев. Снова пересекаем мы государственную границу СССР.

Ночью 24 ноября мы прибыли в Прагу. Утром, увидев этот красавец город, я никак не мог налюбоваться его улицами, парками, соборами, дворцами. Все свободное от тренировок время бродили мы под предводительством Пшенички, окруженные дружелюбным вниманием многих тысяч людей. Нам пожимали руки, желали новых успехов, приглашали в гости и все спрашивали, нравится ли нам Злата Прага.

Как легко, как радостно дышалось нам в этом городе!

27 ноября мы соревновались с чехами во Дворце спорта. Я, как капитан команды, вручил чешскому штангисту наш вымпел и крепко пожал ему руку. Выступая в среднем весе, я поднял в жиме 127,5 килограмма, в рывке 130 килограммов и в толчке 165 килограммов. Сумма троеборья была внушительной — 422,5 килограмма. На пять килограммов больше, чем я показал в Хельсинки. Еще ни разу не удавалось мне добиться такого успеха, и Жижин после соревнований сказал:

— Ну что же, Трофим Федорович, на вторых соревнованиях будем бить рекорд.

Я находился в хорошей форме, был бодр и надеялся, что предсказания моего тренера сбудутся.

Светские штангисты в Чехословакии. В центре Т. Ломакин.

В предчувствии этого поехал я в город Острава, чешский Донбасс, где нам предстояли вторые соревнования, на которых я собирался выступить в полутяжелом весе. Мои 83 килограмма 400 граммов давали мне на это право.

Еще никогда за все годы моих выступлений не чувствовал я такой большой силы, легкой уверенности, ясности, пьянящего ощущения отсутствия всяких преград. И каждая новая попытка приносила мне новый успех.

Взвешивание начал со 110 килограммов для разминки. Затем взял 120, а затем 130 килограммов. Рывок на-

чал со 120, не чувствуя веса, поднял 130 и потребовал прибавить еще 5 килограммов.

135 килограммов — это был новый всесоюзный рекорд, на целый килограмм превышающий результат Воробьева, показанный им весной этого года в Свердловске. Впервые я пытался побить рекорд в рывке, и в эти минуты мне казалось, что Аркадий снова со мной, хотя его и не было в Чехословакии.

Чехи любят и понимают тяжелую атлетику. Сидящим в зале не надо было объяснять, что такое 135 килограммов для спортсмена, который собирается поднять их в самом точном и стремительном движении — рывке. Здесь, в Остраве, каждый зритель желал мне успеха. Здесь не было врагов, как в зале Мессухалли в Хельсинки. И я смело, уверенно вышел к штанге и так же легко поднял ее, как и при второй попытке. Рекорд Воробьева был побит.

Толчок я начал со 150 килограммов, затем поднял сразу на 12,5 килограмма больше. После этого в сумме трех движений я уже выполнил свою задачу, побил всесоюзный рекорд. Но силы еще не были истрачены до конца, у меня имелась еще одна попытка, и я попросил прибавить 5 килограммов.

Теперь передо мной был снова рекордный вес, на 500 граммов превышающий результат Аркадия. И снова спокойно и уверенно я поднимаю штангу.

Так на одном соревновании я внес сразу три поправки в таблицу всесоюзных рекордов. С этого дня рекорд страны в полутяжелом весе в сумме трех движений стал равен 432,5 килограмма.

Как восторженно встречали зрители, заполнившие остравский цирк, мой успех, как сердечно поздравляли они меня, сколько теплоты было в рукопожатиях чешских штангистов!

Т. Ломакин и Б. Фархутдинов во Дворце пионеров
Братиславы.

Да, вельюхо я заканчивал 1952 год. Золотая олимпийская медаль и лучшая сумма трех движений — та-
кая была итог.

Я подводил итоги года в Чехословакии, но знал, что зимой мне предстоит еще одно соревнование. В декабре в Сталинграде должны были встретиться штангисты страны для борьбы за командное первенство Союза.

Знакомые ехал я в этот легендарный город, о котором столько читал, о котором так часто вспоминал в дни Олимпийских игр в Хельсинки. И вот он передо

мной, со своими новыми домами и еще не стершимися следами исторической битвы. Огромный, присыпанный снежком, вытянулся он по берегу Волги на многие-многие километры.

Здесь снова встретился я с Аркадием. Он поздравил меня с рекордом и сказал, что тоже готов к рывку на 135 килограммов.

Яков Григорьевич Куценко, увидев меня, крепко пожал мне руку.

— Ты молодец, Трофим, — похвалил он меня.

В итоге соревнований мой результат — 415 килограммов, результат Аркадия такой же. Но, проиграв мне в жиме 5 килограммов, Воробьев осуществил свое намерение в рывке. Он поднял 135 килограммов. Для среднего веса это был новый мировой рекорд. Первенство было присуждено мне, так как я весил меньше Аркадия на 400 граммов.

Как всегда, все свободное время мы проводили вместе, делились своими планами на будущий год.

— Хочется мне, Трофим, толкнуть сто семьдесят, — говорил Аркадий. — Неужели не удастся?

— Уверен, что удастся, — убеждал я друга. — И в Хельсинки удалось бы, не сорви фактически Гофман твоей третьей попытки.

— Вот будет хорошо, — улыбаясь, произнес Аркадий. — Тогда, понимаешь, столько сил во мне прибавится!

Он рассказывал мне о своей учебе в институте, о маленькой дочке, которая недавно родилась у него.

Когда мы однажды гуляли с Аркадием по берегу Волги, нас кто-то окликнул:

— Ну, орлы, о чем это вы секретничаете? — и тут же между нами очутился Александр Васильевич Бухаров.

— Дайте и старику покрасоваться, — выговаривал он своим тоненьким тенорком. — Ведь лестно мне пройтись с двумя сильнейшими средневесами мира. Нравится мне, ребята, что так дружно живете, что правильно понимаете спортивную борьбу. В наше время так не бывало.

Он шутил, смеялся, оживленный, подвижный, полный радужных планов. Кто бы мог знать, что через несколько дней его уже не будет с нами!

В поезде Александр Васильевич, как всегда, был душой общества. Он торопился домой, волновался, что ждут его неотложные дела, думал о новых соревнованиях... Бухаров умер скоропостижно в первый же день после возвращения в Москву.

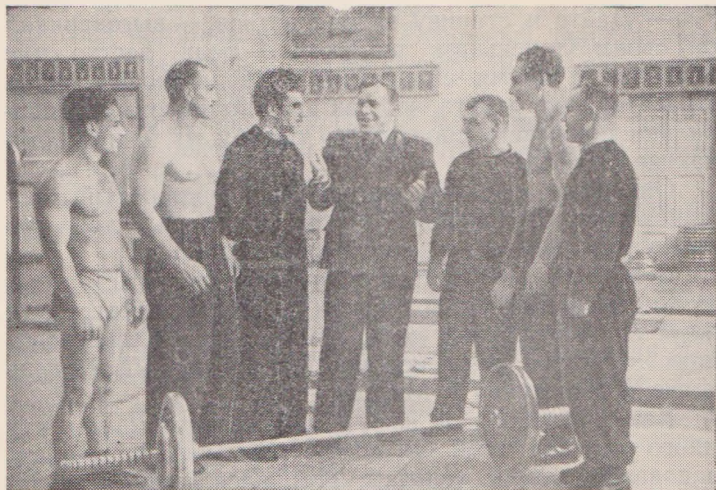
Как он был близок нам, молодым спортсменам, как много он дал нам! Он всегда жил нашей жизнью, радовался нашим успехам, огорчался нашими неудачами.

Гроб с телом Александра Васильевича Бухарова был установлен во Дворце спорта, в центральном зале, где столько раз он судил нашу борьбу. Его провожали все ученики, и самые сильные люди страны несли его тело к траурной машине. А вечером после похорон собрались мы все вместе и помянули добрым словом этого человека большой и светлой души...

Всю зиму 1953 года я много работал. Время было точно распланировано. Дневные часы уходили на службу в воинской части и на занятия с моими молодыми учениками в школе. Вечером я встречался с Мельничком во Дворце спорта у штанги.

Работа и будничные тренировки успокаивали меня после последних бурных месяцев. Я ощущал, как в меня вливались новые силы.

Так же как и Воробьев, я готовился к тому, чтобы

Т. Ломакин беседует с молодыми штангистами.

толкнуть 170 килограммов, и Аркадий знал об этом. Отделенные друг от друга многими сотнями километров, мы вместе шли к одной цели.

И почти в один и тот же день, в конце февраля, мы попытались осуществить свои намерения — он в Свердловске, а я в Москве на спортивных соревнованиях Московского военного округа.

Моя попытка оказалась неудачной, а через три дня я прочел в газетах, что Аркадий Воробьев установил мировой рекорд для атлетов среднего веса, толкнув 170 килограммов. В этом был весь Аркадий — упорный, целеустремленный. Он снова шел первым и звал меня за собой.

Да, правильно предсказывал мне Яков Григорьевич Куценко, что именно в толчке у меня с Аркадием развернется самая острая борьба. Но почему же я так часто срываюсь? Надо, наконец, докопаться до истины.

И однажды причина этого раскрылась. Оказывается, толкая штангу, я поднимался на носки и поэтому терял равновесие. Толчок надо начинать на полной ступне и переходить на носки только в самом конце движения.

Теперь надо было проверить правильность моей догадки. На это ушел почти весь март. А когда мне удалось изменить работу ног, я сразу же почувствовал себя совершенно уверенно.

С каждым днем толчок шел у меня все более и более удачно. Но 170 килограммов был уже пройденный этап. Для того чтобы установить мировой рекорд в толчке, надо поднять хотя бы на полкилограмма больше.

500 граммов. Какой это ничтожный вес! Полкило хлеба, полкило масла. Их легко унесет в руках восьмилетний ребенок. Но полкилограмма, прибавленные к 170, — это очень много.

Часто на тренировках брал я в руки небольшой чугунный кружочек, всего 500 граммов. Как невесомо казался он у меня на ладони. Но я знал, что этот безобидный кружочек может оказаться той каплей, которая переборет мою силу.

Наконец подготовка закончена. Для установления рекорда были выбраны соревнования на первенство Москвы. Они проходили во Дворце спорта, где я недавно прощался с дядей Сашей. Теперь на этом месте стоял тяжелоатлетический помост, ярко освещенный люминесцентными лампами. Все зрительные места заняты.

Сделав энергичную разминку в тренировочной комнате, я выполнил жим и рывок, а затем с первой же попытки толкнул 160 килограммов. Вот он, долгожданный момент. Пришла пора, к которой я так долго, так тщательно готовился.

— Заслуженный мастер спорта Трофим Ломакин сделает сейчас попытку побить рекорд Аркадия Воробьева, — объявил судья. — На штанге сто семьдесят килограммов пятьсот граммов.

Быстро подхожу к штанге, останавливаюсь перед ней. Как хотелось мне именно здесь, именно в этом зале поднять рекордный вес! Всем своим существом я чувствовал, что готов к этому. Но когда штанга оторвалась от пола, я сразу понял, какую огромную тяжесть хочу перебороть. Она пригибала меня к полу, словно гигантский магнит. Связывала, будто чугунными цепями. Ценой предельных усилий старался я разорвать эти цепи и поднимал штангу на грудь, но как только я попытался толкнуть ее вверх, она тут же вырвалась из рук и грохнулась на пол, прогибая доски.

При полном молчании всего зала ушел я в тренировочную комнату. Здесь было тихо, спокойно, в зеркалах отражались гимнастические стенки, чугунные диски штанги.

Вслед за мной в комнату вошел Механик.

— Вот вспомни мое слово, Трофим, — сказал он. — Сейчас толкнешь. Поверь моему опыту. Хорошо у тебя шел вес, но ты немного опоздал с подседом. Отдохни, сосредоточься. Помассировать тебя?

— Нет, спасибо, — отказался я и сел на стул, вытянув ноги, весь отдавшись блаженному чувству отдыха. Механик сел рядом, и мы промолчали несколько минут, оставшихся до третьей попытки.

Потом он сказал:

В строю сильнейших. Слева направо: Н. Саксонов, Р. Чимиш-кин, Т. Ломакин, А. Воробьев, В. Пушкарев, Н. Лопутин.

— Пора, Трофим. — И, так же как в Хельсинки, легко и нежно подтолкнул меня ладонью к двери.

Я снова вышел в зрительный зал, где меня ждали сотни людей, надеясь вместе со мной стать участником установления мирового рекорда.

Да, участниками, потому что наши советские зрители действительно участники спортивных соревнований. Они поддерживают спортсмена, вдохновляют его своей заинтересованностью, своим желанием помочь ему, облегчить ему трудную задачу.

На помосте меня ждали 170,5 килограмма — вес, который еще не удавалось поднять ни одному среднему во всем мире. И, подходя к штанге, я опять поду-

мал, что эти 500 граммов, прибавленные к рекорду Воробьева, делают мою задачу почти невыполнимой. Будто 170 килограммов было бы поднять совсем просто.

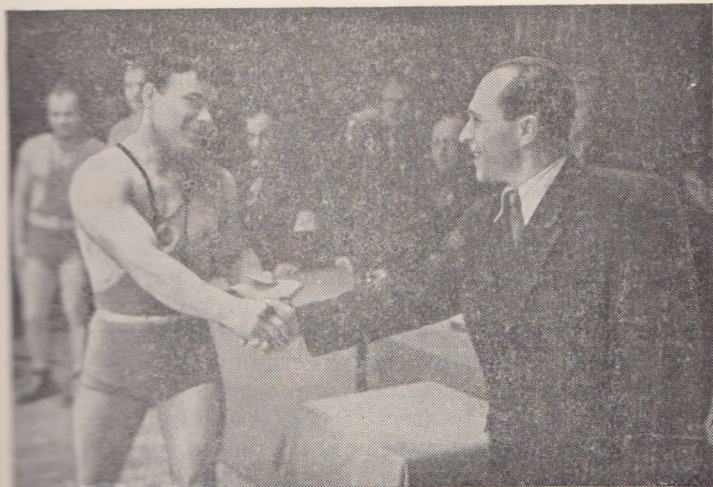
«Так неужели же я не подниму пятьсот граммов?» — спросил я самого себя. И поднял штангу вверх так четко и просто, словно она и в самом деле весила всего лишь 500 граммов. Но когда рекордный вес закачался в моих руках, мне стоило огромных усилий удержать его. Как всегда в такой момент, простая мысль: «вес взят», пришла не сразу. Казалось, пролетело очень много времени между тем моментом, когда штанга поднялась над моей головой, и тем моментом, когда я услышал гром аплодисментов.

— Вес взят! — донесся до меня откуда-то издали голос судьи, и тогда я осторожно опустил штангу.

Зал взволнованно гудел, ожидая результатов взвешивания. И, окруженный толпой участников соревнования, через которую никак не мог пробиться Механик, я встал на площадку весов, чтобы судьи могли удостовериться в том, что мой личный вес не превышает установленной нормы. Потом весы установили на высоком столе и в присутствии всех зрителей проверили вес штанги.

Мировой рекорд Воробьева был бит, осуществилась моя мечта, но борьба и на этот раз продолжалась. Вести, идущие из Свердловска, говорили о том, что Воробьев, узнав о моем успехе, деятельно готовится к нашей новой встрече, на этот раз в Риге на розыгрыше первенства Вооруженных Сил.

На этом соревновании мы с Аркадием снова выступали в разных весовых категориях — я в среднем весе, Аркадий — в полутяжелом. Но, как всегда, несмотря на это, состязание между нами продолжалось и за-

Заслуженный мастер спорта Н. И. Шатов поздравляет
Т. Ломакина со званием чемпиона СССР.

Казалось, тем, что Воробьев побил все мои рекорды в полутяжелом весе. Он поднял в рывке 137,5 килограмма, в толчке 170 килограммов, а в сумме трех упражнений 435 килограммов.

Как стремительно росли результаты советских атлетов! Казалось, не было пределов, которые мы не могли бы преодолеть. Почти каждое соревнование становилось новым мировым рекордом. В Риге поправку к таблице мировых достижений внес полулегковес Владимир Савинов, вырвав 107,5 килограмма, а когда через месяц мы съехались в Таллин на первенство страны, Юрий Дуганов установил мировой рекорд для

атлетов полусреднего веса, подняв в рывке 131 килограмм.

Для меня и Аркадия эти соревнования окончились победой. Я стал чемпионом страны в среднем весе, Аркадий — в полутяжелом. Но красная майка чемпиона далась Воробьеву только после напряженной борьбы с молодым штангистом Федором Осыпой.

После окончания соревнований я отправился с Аркадием осматривать город. Мы бродили по узким старинным улочкам Таллина, по его тенистым паркам и не заметили, как оказались в Вышгороде. Внизу под нами, краснея черепицами крыш, вздымая к небу остроконечные шпили, лежал старинный город, а за ним расстилалось море, серовато-серебристое, неоглядное, прочерченное то здесь, то там дымками пароходов.

Мы остановились у решетки, и, помолчав, Аркадий сказал:

— Знаешь, Трофим, смотрю я на море, и кажется мне, что только вчера плавал я с десантом, что только вчера вошел в атлетический зал, а ведь сколько лет уже прошло, сколько за это время прожито... Дочь у меня растет и скоро диплом врача мне вручат, а вчерашний день, вот он, рядом, как море.

— И у меня, Аркадий, было такое же чувство, когда приехал я на Алтай. Представилось мне, что вот совсем недавно промывал я песок на грохоте, перекапывал с отцом тонны земли, чтобы взять у нее одну золотую крупинку...

Мы долго стояли молча, вспоминая свою жизнь и стараясь заглянуть в будущее.

НА ПОМОСТЕ В СТОКГОЛЬМЕ

Прошло три месяца с того дня, когда мы гуляли по улицам Таллина, любовались панорамой древнего города, светлыми просторами Балтийского моря, и вот снова вместе с Воробьевым мы готовимся к борьбе на помосте.

«Как, опять соревнование? — может быть, спросит кто-нибудь из читателей. — Не слишком ли много соревнований?»

Но что поделаешь, ведь в борьбе — суть спорта. Каждая новая встреча с противниками — новая веха в жизни спортсмена. И если даже очередное состязание кончается неудачно, оно все равно несет в себе зародыш успеха. В борьбе закаляется воля, растет мастерство. Все это, конечно, так, но в той борьбе, в которой мы с Аркадием начинали подготовку, о победе, о поражении не могло быть и речи. Советские штангисты готовились к новой встрече со штангистами США.

26 августа 1953 года в столице Швеции Стокгольме должен был начаться розыгрыш первенства мира. Мы понимали, что после поражения в Хельсинки

«Барбелл компани» и ее хозяин Гофман сделают все возможное, чтобы взять реванш.

Вот почему и мне и Воробьеву, так же как и Удову, Саксонову, Чимишкяну, Иванову, Дуганову, Осыпе, — всем штангистам, готовящимся к отъезду в Стокгольм, предстояла одна задача: добиться максимального успеха и этим обеспечить победу команде СССР.

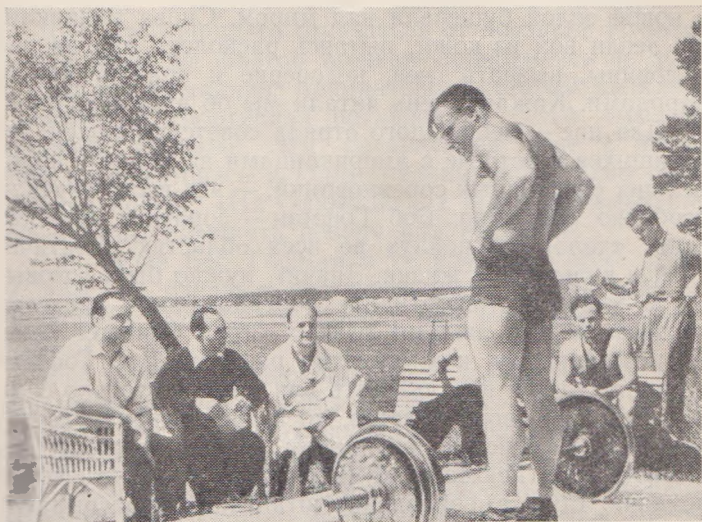
Каждому из нас важно было не только набрать наибольшую сумму килограммов, выиграв личное первенство, но и наибольшую сумму очков.

По условиям первенства мира атлет, завоевавший первое место, приносил своей команде пять очков, занявший второе — три очка и третье призовое место — одно очко.

Таким образом, в предстоящем поединке между мной и Воробьевым команде, так же как и на Олимпийских играх, было не так уж важно, кто станет чемпионом мира. Нам необходимо было занять первое и второе места и этим самым внести в общую «кассу» восемь полновесных очков.

И все же, готовясь к новой борьбе на помосте в Стокгольме, и я, и Аркадий мечтали о том, чтобы завоевать золотую медаль. Но, как и всегда, это не отразилось на наших отношениях. Мы решили тренироваться вместе и 10 августа, взяв отпуск, отрешившись от всех своих дел — я от работы в штабе, Аркадий от учебы в институте, поселились в Звенигороде, на берегу Москвы-реки.

Здесь все дышало покоем и тишиной. Глаз отдыхал на просторе заливных лугов, раскинувшихся за рекой, на темной зелени сосновых лесов. Родные нам картины русской природы заставляли вспоминать о рассказах Чехова, о картинах Левитана. И, побывав в местном

Звенигород. Советские тяжелоатлеты готовятся к первенству мира в Стокгольме. Сидят (слева направо): Я. Куценко, Н. Шатов, Р. Еганян, Ю. Дуганов. На помосте Т. Ломакин.

музее, мы в самом деле узнали, что Чехов и Левитан жили в Звенигороде, творили здесь.

По-новому смотрели мы на левитановские картины, выставленные в Звенигородском музее. Вот уютная деревенская улочка, вот яркозеленая долина реки, вот покрытые густым лесом холмы. Как все это знакомо, как близко нам. И во время прогулок окрестности Звенигорода казались нам ожившими творениями великого русского пейзажиста.

Но и сюда, в эти укромные места доносились отзвуки той борьбы, которая после небольшого затишья

с новой силой бушевала над миром. Снова американцы лезли вон из кожи, пытаясь расколоть мир на две половины, вызвать гнев, недоверие и вражду между народами. Каждый день читали мы об этом в газетах.

Для нас — небольшого отряда советских людей, готовящихся к встрече с американцами на помосте крупнейших спортивных соревнований, — эти вести звучали особенно тревожно. Боб Гофман — соратник тех, кто ведет «холодную войну» во всех областях политической и культурной жизни. Значит, нужно быть готовыми к тому, что спортивное соревнование — средство дружбы между людьми разных стран — может быть использовано им как средство раздора. Боб Гофман не постесняется использовать для этого не только силу и мастерство своих атлетов, но и свое влияние на судей, все закулисные махинации. Ведь поражение на помосте для Гофмана коммерческая и политическая неудача. Если американские штангисты проигрывают, так чего же стоит самая совершенная иоркская школа тяжелой атлетики, которую он так настойчиво рекламирует на страницах своего журнала, на помостах всех соревнований, где выступают его «лошади», как называет Боб Гофман штангистов национальной команды США. Если американские штангисты проигрывают, они подрывают один из основных тезисов «холодной войны» — о превосходстве всего, что имеет марку «Сделано в США».

Эти мысли подтверждались фактами. Руководители США использовали намечавшееся соревнование команды советских шахматистов с шахматистами Америки для того, чтобы создать еще один, хоть небольшой, очажок напряжения. Разве не для этого они в последний момент, когда наши шахматисты уже готовились к отплытию из Парижа в Нью-Йорк, поста-

вили такие оскорбительные условия их пребывания в США, что пришлось отказаться от поездки? И разве не под этим же флагом вражды проводилась по всем 48 штатам кампания, инициатором которой являлась крупнейшая спортивная организация США «Аматор атлетика юнион»? Эта организация уже с весны 1953 года, готовясь к Олимпийским играм 1956 года, бросила лозунг: «На Олимпийских играх в Мельбурне мы должны одержать победу над Россией».

Так разве Боб Гофман и те круги, которые стоят за ним, не сделают все возможное, чтобы еще до Мельбурна «одержать победу над Россией» в Стокгольме?

Еще и еще раз перелистывали мы последние американские журналы «Сила и здоровье». Ничего не изменилось на страницах журнала Боба Гофмана. По-прежнему в глаза бросались рекламные заголовки, а со снимков смотрели на нас, кичливо подняв головы, мастера Калифорнии, мистеры Пенсильвании, мистеры Алабамы — премированные красавцы США.

Борьба за первенство мира началась задолго до того дня, когда все участники соревнований собрались в Стокгольме.

Задача у меня и у Аркадия была одна: поднять в сумме трех движений 435 килограммов, что превышало мировой рекорд, но пути к победе у нас были разные. Я надеялся поднять в жиме 132,5 килограмма, в рывке 132,5 килограмма, а в толчке 170 килограммов. Аркадий рассчитывал набрать рекордную сумму, а именно в жиме 127,5 килограмма, в рывке 137,5 килограмма, а в толчке столько же, сколько и я.

Трудная задача стояла перед нами, но мы верили в успех и с каждым днем убеждались, что силы наши растут.

Нет, вряд ли удастся Станчику вклиниться между нами, как он это сделал в Хельсинки. Но только ли со Стэнли Станчиком придется бороться в Стокгольме?

Американцы услужливо сообщали об успехах лучших своих атлетов. Они утверждали, что их молодой штангист тяжелого веса Джеймс Бредфорд поднимает в сумме трех движений 472,5 килограмма, а Джон Дэвис еще на 2,5 килограмма больше; что Томас Коно, выступавший на Олимпийских играх в легком весе, поднимает в полусреднем 420 килограммов.

Эти три сообщения говорили о многом. Во-первых, о том, что Боб Гофман предполагает добиться победы в командном первенстве руками двух негритянских спортсменов и что Коно может быть выставлен в среднем весе для подкрепления Стэнли Станчика. На этих трех спортсменах основывал свои расчеты Гофман.

Американцы достаточно хорошо знали наши силы, чтобы понимать, что после соревнования штангистов пяти первых весовых категорий команда СССР далеко уйдет вперед. В самом деле, нам была обеспечена победа в легчайшем весе. Американцы не имели противника для Ивана Удодова. Мы должны были завоевать два первых места в полулегком весе, где выступали Рафаэл Чимишкян и Николай Саксонов. Мы рассчитывали также, что в легком весе наш молодой товарищ Дмитрий Иванов также сможет занять первое место. В полусреднем весе, где наши шансы были значительно хуже, Юрий Дуганов мог все же рассчитывать на третье место. Но тренерский совет команды решил не выставлять участника в полусреднем весе. «Одну штатную единицу», имеющуюся в нашем распоряжении, мы предполагали использовать в полутяжелом весе. В борьбу с Шеманским должен был всту-

ить Федор Осыпа, имеющий все шансы на серебряную медаль, на три очка.

Таким образом, если я и Аркадий занимали в среднем весе первое и второе места, наша команда набирала 29 очков, в то время как американцы перед началом борьбы тяжеловесов могли иметь только 17.

Боб Гофман, не скрывая возможностей Дэвиса и Бредфорда, видимо, хотел убедить всех, что первое и второе места в тяжелом весе ему обеспечены. Однако в этом случае американцы набирали только 25 очков. Но мы знали, что эта задача для них невыполнима. Тут должен был сказать свое веское слово Даг Хепбурн.

Много слышали мы об этом удивительном канадском силаче. Недавно у себя на родине Хепбурн установил мировой рекорд для атлетов тяжелого веса в жиме. Хепбурн никогда не выступал на международных соревнованиях. Восемь лет готовился он к борьбе с Дэвисом, и вот теперь ожидалось его участие в первенстве мира. Нельзя было сбрасывать со счетов и Хумберто Сельветти — аргентинского тяжелоатлета, занявшего в Хельсинки третье место.

Да, вряд ли удастся американцам занять два первых места в тяжелом весе, и наша задача заключалась в том, чтобы с точностью до одного очка выполнить свой победный график. Удастся ли это? Ведь одно дело расчеты, а другое — действительность. Неизвестно, как сложится борьба не на листе бумаги, а на весах.

Чем ближе подходил день отъезда, тем больше укрепилась уверенность, что дни отпуска проведены не даром, что мы готовы к трудной борьбе. И вот закончены последние сборы, выслушаны последние напутствия, уложены чемоданы, и 21 августа снова, в какой

уже раз, оторвались мы от родной земли, бросили прощальный взгляд на рощи Подмосковья, на извилистую ленту Москвы-реки — места, где мы фактически начали борьбу с американцами, и самолет взял курс на северо-запад. Вечером мы приземлились на стокгольмском аэродроме.

Этот резкий переход от тихой загородной жизни к обстановке незнакомого города, чужой страны очень взбудоражил всех нас. Хотелось спокойно оглядеться, собраться с мыслями, но с первых же шагов стало ясно, что в планы Боба Гофмана это не входит.

Еще на аэродроме мы узнали, что команда США во главе со своим боссом уже несколько дней находится в Стокгольме и что Гофман успел выдать шведским спортивным обозревателям первую порцию широковещательных авансов.

Мы прочитали в стокгольмских газетах высказывания Гофмана о том, что «русские сильны, но мы еще сильнее», «мы уверены в своей победе», что «Даг Хелбурн вряд ли сможет составить конкуренцию Дэвису и Бредфорду», «Коно будет бороться за первенство в среднем весе». А на следующий день, открыв утренние газеты, мы увидели такие заголовки: «Кто победит? Русские или американцы?», «Русские приехали и исчезли. Все попытки найти их не увенчались успехом», «Тренировки советской команды будут проходить в неизвестном месте, за железным занавесом».

Что можно было ответить на эти заявления? Лучше всего было направиться на улицу Стругатен, двадцать, где тренировались все участники первенства. Так мы и поступили.

В тот момент, когда мы появились в зале, американская команда уже кончила свою тренировку. Еще с порога я увидел Боба Гофмана, его крючковатый

нос и помятое лицо, расплывшееся в вежливой улыбке. У стены на скамеечке сидели в ряд Джорж, Коно, Шепард и Станчик. Гофман направился нам навстречу, пожал всем руки и, как хозяин, пригласил в зал. Когда он повернулся, я увидел у него на спине надпись: «Соединенные Штаты Америки. 1953 год. Тяжелоатлетическая команда». Большие белые буквы на красной кожаной куртке. А Гофман непрерывно произносил свое «хэлло, хэлло» и бесцеремонно похлопывал всех по плечам.

Когда мы подошли ближе, прежде всего мне бросилось в глаза изможденное лицо Петера Джоржа. Он сидел безразличный, вялый и бледно улыбался нам. Я переглянулся с Аркадием и шепнул ему: «Будет выступать в легком весе. Много согнал». Аркадий утвердительно кивнул головой.

Рядом с Джоржем сидел Коно, как и обычно замкнутый, необщительный. Шепард, закинув ногу на ногу, жевал резинку. Стэнли Станчик, увидев нас, вскочил и радушно пожал всем руки. Уже отвыкнув от ломаного русского языка Станчика, мы не сразу поняли смысл его слов, но широкая улыбка красноречиво говорила о том, что наш старый соперник искренне рад встрече с нами.

Завязалась беседа, в которой было больше жестов, чем слов, а Гофман все похлопывал нас по плечам, и вдруг я почувствовал, что его пальцы быстро скользнули с моего плеча по руке и воровато прощупывают мышцы.

Это была первая разведка. Гофман пытался хотя бы мельком проверить, в хорошей ли мы форме. И тут же, словно подкрепляя его действия, вперед выдвинулись каких-то два длинноногих развязных джентльмена и, представившись корреспондентами Ассошиэйтед

пресс, стали осыпать вопросами Николая Ивановича Шатова. Корреспонденты хотели знать, как оценивает Шатов шансы своей команды на победу, кто окажется победителем в среднем весе — Воробьев или Ломакин, кто из советских спортсменов будет выступать в какой весовой категории.

Надо сказать, что эта первая разведка не много дала американцам. Во всяком случае, мы узнали больше: Петер Джорж будет выступать в легком весе. Дмитрию Иванову предстоит серьезная борьба. Теперь следовало выяснить, куда будет ставить Боб Гофман Коно, следует ли верить его заявлениям, что японец с Филиппин, защищающий флаг США, переходит в средний вес. Это имело большое значение для разработки тактических планов нашей команды.

На следующий день, взвешиваясь перед тренировкой, я услышал за спиной вкрадчивый голос Коно: «О, корошо!» — и его палец уперся в стрелку весов, показывающих 82 килограмма 50 граммов.

Я кивнул головой и показал Коно: «Становись!»

Японец, продолжая улыбаться, шагнул на весы, но в тот же момент раздался хриплый, сердитый голос Гофмана, и Коно шмыгнул в сторону.

После этого мы окончательно поняли: Коно — главная тактическая загадка Гофмана. Но вместе с тем нам стало ясно, что американцы не очень-то уверены в своих силах: раньше они никогда не скрывали весовых категорий своих атлетов.

А тут еще произошел несчастный случай с Федором Осыпой. На одной из последних тренировок Осыпа растянул себе ногу. И хотя он готов был сделать все для команды, тренерский совет решил на соревнования его не выставлять, чтобы не рисковать здоровьем молодого многообещающего атлета. На этом команда

теряла два драгоценных очка, потому что вместо трех очков, которые мы ждали от Осыпы, Дуганов мог принести только одно.

Если учесть, что с переходом Джоржа в легкий вес первое место Иванова оказывалось под угрозой, мы могли набрать не 29 очков, как предполагали в Москве, а только 25.

Не решен был вопрос и о том, где будет выступать Аркадий Воробьев. Когда Боб Гофман узнает, что мы выставяем Юрия Дуганова, для него не будет тайной отсутствие советского спортсмена в полутяжелом весе и он может перебросить туда Стэнли Станчика. Ведь Станчик в борьбе со мной и Воробьевым мог рассчитывать только на третье место, а при отсутствии Осыпы имел шансы в полутяжелом весе занять второе место после Шеманского. Как поступить в таком случае? Тогда в интересах команды Воробьеву следовало тоже перейти в полутяжелый вес, чтобы и там отодвинуть Станчика на третье место. Но в борьбе с Шеманским Аркадий мог рассчитывать только на серебряную медаль, в то время как в борьбе со мной он имел равные шансы на золотую.

Когда Аркадия познакомили с создавшейся обстановкой и спросили, готов ли он для команды перейти в полутяжелый вес, он, не раздумывая ни одной минуты, ответил: «Да, конечно, готов». И я еще раз оценил спокойное мужество и благородство моего друга.

Быстро летели дни. Мы осматривали столицу Швеции, посещали музеи, знакомились с жизнью и бытом незнакомой страны. Но где бы мы ни были, в глаза бросались афиши, призывавшие стокгольмцев в зал Эрисдальсхалле, где 26 августа должно было начаться первенство мира по подниманию тяжестей.

Мы успели познакомиться почти со всеми участ-

никами первенства. Только одного спортсмена не видно было в тренировочном зале — Дага Хепбурна. Неужели не придет канадец, не опровергнет хвастливых заявлений Гофмана?

Как-то, встретившись с английскими атлетами, я спросил их: «Где же Хепбурн?» Тренер англичан смущенно развел руками:

— Даг собирает деньги на поездку. Он ведь работает спасателем на водной станции, денег у него нет.

Так вот в чем дело! Один из сильнейших штангистов мира, восемь лет готовящийся к встрече с тяжеловесами США, собирает по подписному листу деньги, чтобы приехать в Стокгольм!

Наконец наступило 26 августа. В шесть часов вечера мы подъехали к крупнейшему спортивному залу шведской столицы. Вся улица была заполнена оживленной толпой. Приходилось пробиваться к входу, и каково же было наше удивление, когда у самых дверей мы вдруг услышали произнесенные на русском языке слова:

— Смелее, ребята! Надеемся на вас!

Оказывается, команда советского корабля, узнав о нашем выступлении, пришла, чтобы подбодрить земляков. Как волнующе радостно звучали на чужбине слова родного языка! На одно мгновение мне показалось, что я в Москве, у входа в зал Дворца спорта на Ленинградском шоссе, и так легко и спокойно стало на душе.

И вот мы все стоим на высоком помосте, по левую руку от нас — немцы, по правую — американцы. Идет торжественный ритуал открытия. Мелькают белые судейские костюмы, вспыхивают лампы фотокорреспондентов, а из зала устремлены на нас тысячи глаз — равнодушных, враждебных, приветливых...

Через полчаса все советские спортсмены, кроме Удодова, уже сидели на местах зрителей. Наш товарищ Ваня Удодов должен был первым внести частицу своих усилий, своего умения в общий фонд победы.

Нельзя было без гордости наблюдать за действиями этого замечательного спортсмена. Каждая его попытка завершалась успехом, каждый выход к штанге вызывал все более восторженные аплодисменты зрителей. Удодов появлялся на помосте тогда, когда остальные участники уже завершали свои усилия.

Целиком захваченный происходящим на помосте, я забыл обо всем и не сразу почувствовал, что кто-то дергает меня за рукав. Это был Рубен Леонович Еганян, врач нашей команды, с которым мы успели крепко подружиться. Еганян шептал мне на ухо:

— Трофим Федорович, посмотри, вон Хепбурн!

Я быстро посмотрел, куда указывал мне Еганян, и увидел исключительно мощного, почти квадратного человека, вокруг которого уже вертелись американцы. Среди них был и Боб Гофман. Он ласково улыбался, так же как и нам при первой встрече, и его пальцы знакомым мне движением скользили по плечам и рукам могучего канадца. Итак, Даг Хепбурн все же собрал деньги на поездку в Стокгольм...

Как и следовало ожидать, Иван Удодов уверенно завоевал первенство. Из девяти имеющихся в его распоряжении попыток он успешно выполнил восемь. Замечательный результат! Вот он стоит на пьедестале почета. Справа от него египтянин Кемаль Махгух, занявший второе место, слева — чех Карел Сайтл, занявший третье.

Итак, первые пять очков внесены на наш счет. Первая победа за советским атлетом, но американцы еще не вступили в борьбу. Они не принимают участия

и в соревновании штангистов полулегкого веса. Все еще впереди.

В эту ночь я волновался так, словно мне предстояло завтра выйти на помост мирового первенства. Рафаэл Чимишкян еще в Москве стал моим близким другом, и теперь я тревожился вместе с ним. Конечно, Рафаэлу хотелось добиться такого же внушительного успеха, как и в Хельсинки на Олимпийских играх. Но так же, как и в Хельсинки, ему предстояла борьба с Николаем Саксоновым, невозмутимым уральским крепышом. Чем кончится схватка двух сильнейших полулегковесов мира, предсказать не мог бы никто.

Мы проговорили с Рафаэлом до полуночи, не расставались и утром. И хотя мне рекомендовалось поменьше бывать в зале Эриксдальхалле, чтобы не растрачивать зря нервной энергии, я не удержался и отправился туда вместе с моим другом.

Давно уже закончили свои попытки финн, итальянец, швед, когда на помост поднялся Николай Саксонов. 90 килограммов легко взлетают в воздух. Теперь очередь Чимишкяна. Он так же легко берет вес.

— На штанге девяносто пять килограммов, — объявляет диктор.

И снова Саксонов выжимает вес. Однако ему не удается оторваться от Чимишкяна.

— Вес взят, — фиксирует судья результат второго советского спортсмена.

Еще два с половиной килограмма посажены на гриф. Саксонов прилагает все усилия для того, чтобы зафиксировать вес, но тщетно. Чимишкян выходит вперед. Он легко выжимает 97,5 килограмма. Однако в рывке Рафаэла постигла неудача. Он поднял 100 килограммов в то время, когда Саксонов сумел зафиксировать на пять килограммов больше. Итак, Николай

Саксонов оказался впереди на два с половиной килограмма, и это обеспечило ему победу, так как и в толчке Саксонов обогнал Чимишкяна на 2,5 килограмма.

Рафаэл Чимишкян остался на втором месте, но разве это поражение? Оба полулегковеса принесли команде восемь очков, максимум того, что могли принести. Наш победный график пока выполнялся абсолютно точно. Но вот уже наступает очередь Дмитрия Иванова. Сможет ли он в борьбе с таким противником, как американец Джорж, завоевать первое место?

За час до начала соревнований на взвешивании мы узнали, что наши догадки были правильны: Боб Гофман перебрал в легкий вес Петера Джоржа, одного из сильнейших своих атлетов. Семь килограммов пришлось сбросить Джоржу для того, чтобы получить право выступать в этой весовой категории.

Да, нелегкая борьба предстояла Иванову. Теперь это было ясно нам всем. И хотя мы понимали, что и второе место будет большим успехом для молодого штангиста, но все же не теряли надежды на то, что ему удастся выполнить свою задачу и принести команде столь важные пять очков.

Как же мог я не быть в эти часы в Эриксдальхалде? С трудом удалось вымолить у Механика разрешение посидеть на соревновании хотя бы час, посмотреть, как пройдет жим.

Джорж начал со 100 килограммов, Иванов включился в борьбу, когда на штанге стояло на 5 килограммов больше.

На штанге 107,5 килограмма. Джорж не может использовать своей последней попытки, а Иванов, пропустив этот вес, уверенно поднимает 110, а затем и 112,5 килограмма. Таким образом, после первого же

движения наш товарищ сторвался от американца на 7,5 килограмма.

Не дрогнул, не испугался молодой советский спортсмен. Он смело боролся за победу. И как же я мог уйти в такую минуту? С еще большим трудом удалось вымолить у Механика разрешение остаться на рывок. Но когда Джоржу и здесь не удалось сократить образовавшегося разрыва (оба спортсмена подняли штангу весом в 115 килограммов), мой тренер буквально выставил меня из зала.

Куда же деваться? Вместе с Аркадием и Осыпой я пошел в кино, чтобы как-нибудь скоротать время. Мы плохо видели, что происходит на экране. Перед нашими глазами был помост, на котором в это время завершалась борьба между Петером Джоржем и Дмитрием Ивановым.

Когда мы вернулись в гостиницу, то узнали, что борьба закончилась победой Джоржа. Американец использовал в толчке все три попытки. Он поднял 140 килограммов, 147,5 и, наконец, 150.

До последней минуты Иванов сохранял шансы на победу. Подняв 137,5 килограмма, он дважды пытался взять 142,5. Если бы ему удалось это, Джоржу нужно было для победы поднять 152,5 килограмма, задача почти невыполнимая, если учесть физическое состояние американца после сгонки веса. Но, видимо, нехватило у молодого атлета сил для последнего заключительного движения. Ну что же, серебряная медаль, второе место на первенстве мира и золотая медаль чемпиона Европы — отличный результат для спортсмена, впервые участвующего в таких соревнованиях! ¹

¹ На первенстве мира одновременно разыгрывается и первенство Европы.

Так в наши предварительные расчеты внесены были два существенных корректива: выход из строя Федора Осыпы и второе место Дмитрия Иванова.

Наступал тот день, когда мы, наконец, должны были узнать, в какой весовой категории будет выступать Томас Коно: в полусреднем весе или же в среднем, как это утверждал Боб Гофман. Понятно волнение, с которым мы ждали взвешивания участников. Один за другим поднимаются они на весы, а Коно все не видно. Только за 5 минут до конца взвешивания японец предстал перед судьями. И мы узнали, что Коно будет бороться за первенство в полусреднем весе. Стало окончательно ясно, что Юрий Дуганов в борьбе с Коно и Шепардом больше одного очка команде дать не сможет.

Как хотелось мне в этот день сидеть в зале Эриксдальхалле, но тренеры были неумолимы. Ведь приближался тот час, когда и нам, средневесам, предстояло вступить в дело.

Итак, не пришлось мне быть свидетелем событий, происходивших в тот день на помосте в Стокгольме. И все же я совершенно ясно представил себе малейшие перипетии этой борьбы. Я видел самоотверженные усилия Юрия Дуганова, уверенные движения Коно и предельное напряжение Шепарда.

Мы впервые увидели этого молодого красивого парня в 1951 году в Вене, а в Стокгольме из газет узнали, что Шепард, будучи мальчиком, играл сына Тарзана в известной кинокартине. Кто не помнит гибкого красивого малыша, который спасался от львов и крокодилов, проносился на лианах над смертельными трясиными и стоял рядом со своим могучим отцом, смело глядя в глаза опасности! Может быть, поэтому, а может, потому, что Шепард, встречаясь

с нами, всегда напевал своим приятным голосом романсы Чайковского и добродушно улыбался, он понравился нам. И мы все хотели, чтобы Шепард оказался впереди сумрачного, скрытного Коно, заставившего нас поломать головы над загадкой его веса. Но Коно был слишком силен. Он уверенно двигался к победе. В каждом движении японец обгонял своих противников. В жиме он поднял 120 килограммов, в рывке — столько же, а в толчке зафиксировал 167,5 килограмма.

Шепард прилагал все усилия, чтобы догнать Коно. Во время третьей попытки, стремясь вытолкнуть штангу весом 157,5 килограмма, он внезапно со стоном упал на помост. Молодой атлет растянул себе мышцу, но ни Боб Гофман, ни тренеры команды США не обратили никакого внимания на своего товарища. Они были заняты Коно.

И тогда к американцу бросились врач нашей команды Рубен Леонович Еганян и противник Шепарда — Юрий Дуганов. Они помогли американскому спортсмену уйти за кулисы. Там Еганян облегчил ему боль. На следующее утро мы увидели в одной из стокгольмских газет снимок: Шепард беспомощно лежит на полу, а над ним заботливо склонились два советских человека. Газета писала о гуманизме русских, о благородстве их поступка...

Но вернемся к тому, что происходило на помосте. Как мы и предполагали, первенство в полусреднем весе выиграл Коно. На втором месте оказался Шепард, на третьем — Юрий Дуганов, завоевавший золотую медаль чемпиона Европы.

При создавшейся обстановке судьба командного первенства зависела от меня и Воробьева. Ведь мы завершали выступление команды, наши восемь очков

были последним вкладом в сумму общих усилий, а я еще за час до взвешивания не знал, где будет выступать Аркадий — в среднем весе или в полутяжелом.

Никогда раньше взвешивание не приносило нам стольких волнений. Снова мы с трепетом ждали того момента, когда станем на платформу весов, когда окончательно выяснится состав участников.

Первым на весы поднялся я.

— Восемьдесят два килограмма пятьдесят граммов, — объявляет судья.

Аркадий даже близко не подходит к весам. С равнодушным видом он сидит в зале и беседует с товарищами. Станчика тоже не видно. Один за другим выходят остальные участники первенства, мы ждем, появится ли Станчик.

Видно, как волнуется Гофман, как он поглядывает на Воробьева. Уже шесть спортсменов побывали на весах. Остаются только двое — Станчик и Воробьев. И вот мы видим, как Станчик сбрасывает халат и, словно нехотя, поднимается на платформу весов. Все ясно! Станчик с нами! Воробьев выступает в среднем весе.

Как только американец сошел с весов, к ним быстро направился Аркадий, и я увидел растерянное лицо Гофмана. Ведь, несмотря на все уловки босса, Станчик блокирован. Выше третьего места ему прорваться не удастся.

Теперь все окружили весы. Американцев очень интересует, сколько весит Воробьев. Может быть, он не имеет права на участие в среднем весе? Но стрелка показывает 82 килограмма 350 граммов. Это почти предел. 150 граммов отделяют Аркадия от полутяжелого веса. Достаточно было бы ему выпить перед

взвешиванием два стакана воды, чтобы оказаться в одной компании с Шеманским.

Едва окончилась, казалось бы, в нашу пользу эта понятная немногим посвященным схватка, как нам был нанесен неожиданный удар. Мы узнали, что судьей-фиксатором состязания атлетов среднего веса назначен Гофман.

Это сообщение потрясло меня. Разве может Гофман быть беспристрастным судьей там, где предстоит борьба двух советских штангистов со Стэнли Станчиком? Как он согласился на это? Как могла судейская коллегия предоставить ему такую возможность?

Я видел, как сдержанный и внешне спокойный Аркадий гневно сжал кулаки. Слишком хорошо знаком нам владелец «Барбелл компани». Гофман будет не судьей, а участником схватки. Он сделает все возможное, чтобы затруднить нам победу.

Последние минуты перед выходом на помост я провел с Аркадием в одной комнате. Молча лежа на своих койках, мы посасывали шоколад, принесенный нам Рубеном Леоновичем. Но вот появляются Механик и Куценко. Пора на помост.

Зал встречает наше появление взволнованным гулом. За столом жюри сидит президент Международной федерации тяжелой атлетики. Места прессы заполнены доотказа. Вокруг ярко освещенного помоста восседают трое судей.

Когда я вышел к штанге, то прежде всего увидел прямо перед собой одутловатое лицо Боба Гофмана, но, наклонившись к грифу, я сразу забыл обо всем. Воробьев уже выжал 120 килограммов, Станчик поднял 125. Теперь мой черед. Вот штанга на груди. Пора! Вес пошел. Сантиметр за сантиметром он поднимается над моей головой. Первая попытка удачна.

Пусть попробует Гофман не засчитать ее. Вспыхивают сразу три белые лампочки, и одна из этих лампочек, утверждающих мою попытку, зажжена рукой американского босса.

На штанге 127,5 килограмма. Воробьев берет этот вес, а я и Станчик пропускаем.

130 килограммов. Станчик поднял штангу на грудь. Вот он пытается выжать ее кверху. Прилагает все усилия, но груз словно придавливает его к земле. Тогда, вопреки всем правилам, Станчик отклоняет корпус назад и поднимает штангу. Неужели ему засчитают эту попытку? Вспыхивает красная лампочка, затем белая. Гофман медлит. Но вот и он включает свою лампочку... белую.

В зале возмущенный гул. Из задних рядов доносится свист. Но что этот свист Бобу Гофману, — ведь попытка Станчику засчитана, засчитана с его помощью.

«Ничего, обойдусь без помощи американского фабриканта», — с этой мыслью, полный возмущения, я стремительно выхожу на помост — и сам не успеваю опомниться, как штанга уже над моей головой.

Итак, пока мы идем голова в голову со Станчиком, а на штанге уже 132,5 килограмма. Снова американец на помосте. Но на этот раз он не может выжать штанги. И никакая помощь не спасает его.

Остается моя последняя попытка. Удастся ли мне поднять вес, который запланирован в моем графике? Подходя к штанге, я стараюсь представить себе, что нахожусь не в Стокгольме, а на одной из тренировок в Звенигороде. Вокруг меня любимые рощи, я дышу запахом подмосковных полей. Не надо напрягаться. Ведь это же тренировка. А сколько раз на прикидках удавалось мне спокойно поднимать этот вес. И здесь, в зале Эриксдальхалле, под немигающим взглядом

Гофмана я вздымаю штангу вверх. Я держу ее над головой, жду того момента, когда Боб Гофман хлопнет в ладоши и разрешит мне опустить вес. Проходит одна секунда, вторая, Гофман не торопится. Он тянет, он все еще на что-то надеется. Наконец его ладони соединяются вместе. Можно! Вес взят! Я впереди!

Таким образом, после первого движения я оказался на пять килограммов впереди Воробьева и на два с половиной впереди Станчика. Теперь благополучно пройти рывок — и победа за мной. В толчке Аркадий не сможет ликвидировать разрыв, а Станчик тем более.

Первым рывок начал Станчик. На штанге стояло 125 килограммов. Он не смог поднять ее в первой попытке и зафиксировал вес только во второй. Я поднял 127,5 килограмма. Аркадий пропустил вес и вышел на помост, когда на штанге стояло 130 килограммов.

Как спокоен, как уверен в себе мой товарищ! Я слышал, как в перерыве Еганян спросил Воробьева:

— Может быть, ты чего-нибудь хочешь, Аркадий?

— Нет, Рубен Леонович, я чувствую себя хорошо.

Аркадий, видимо, был уверен, что в своем коронном движении сумеет догнать меня. 130 килограммов в одно мгновение оказались над его головой.

Когда Станчик попытался зафиксировать этот вес и штанга грохнулась на пол, зал разразился аплодисментами. Я думаю, что зрители радовались не поражению американца. В то время еще не чувствовалось антипатии зала к американской команде. Зрители только теперь поняли всю красоту и мощь воробьевского рывка.

Итак, Станчик закончил рывок, но Боб Гофман продолжал борьбу. Пропустив вес 130 килограммов, я потребовал поставить 132,5 килограмма и уверенно поднял штангу. Зная, что попытка удалась, я под апло-

дисменты зала сошел с помоста и вдруг увидел, как вспыхнула сперва красная лампочка судьи-египтянина, затем красная лампочка судьи-итальянца и тут же белая — Боба Гофмана.

Я почувствовал, как у меня опускаются руки. Я не мог вымолвить ни слова и только растерянно посмотрел на своего тренера.

Что мог ответить мне Израиль Бенецианович? Он протянул мне пузырек с нашатырным спиртом. Николай Иванович Шатов немедленно направился к столу жюри, выражая протест. Весь зал гудел и шикал, возмущенный действиями судей. Я видел, как к столу подошел Гофман, как он сокрушенно разводил руками, показывая на свою чуть согнутую руку. Гофман отказывался от своей положительной оценки, но мои товарищи видели, что вес взят правильно. А когда я спросил мнение Станчика, стоящего рядом, тот смущенно пожал плечами и сказал на своем ломаном русском языке:

— Это потому, что я рядом... Так бы засчитали...

Ну что же, мне оставалось только поблагодарить моего соперника за откровенность. Для меня маленьким утешением был тот факт, что Станчик, видимо, не одобрял этой грязной игры.

Попытку мне не засчитали, зал успокоился. После только что пережитого волнения я не смог использовать своей последней попытки, и теперь мне оставалось только ждать результатов Воробьева. Тут же снова зал загудел сотнями взволнованных голосов. Аркадий пропустил вес 132,5 килограмма и потребовал поставить на штангу 135 килограммов. Мой товарищ делал заявку на победу.

Как всегда, со смешанным чувством наблюдал я за

действиями Воробьева. Я восхищался его смелостью, его мастерством и вместе с тем боялся того, что эта попытка удастся, что он вырвется вперед. Но нет, вторая попытка Воробьева оказалась неудачной. Он не смог повторить свой мировой рекорд и попрежнему невозмутимо спокойный ушел с помоста.

Вот он снова на помосте. Вот наклоняется к штанге, к огромному весу, который удалось однажды поднять только одному человеку в мире — самому Воробьеву. И на помосте мирового первенства, перед лицом членов Международной федерации тяжелой атлетики, на глазах Гофмана мой друг поднимает 135 килограммов. Поднимает так чисто, так точно, что на этот раз не может быть никаких придинок. Вес взят! В грохоте зрительного зала штанга совершенно бесшумно падает на пол. Борьба в рывке закончена.

Воробьев, усталый, оглушенный, уже собирался сойти с помоста, когда к нему навстречу, размахивая руками, кинулся Шатов.

— Не уходи, не уходи, — кричал Николай Иванович. — Надо взвесить штангу.

Конечно, надо взвесить штангу. Ведь если ее вес окажется больше хотя бы на 500 граммов, то это новый мировой рекорд.

Воробьев остался на помосте, а в это время туда уже несли весы. По условиям соревнований при установлении рекорда спортсмен не имеет права сходить с помоста. Он должен тут же взвеситься, тут же должен быть проверен и вес штанги. Но как может взвеситься Аркадий, если ему для этого нужно сбросить с себя все, даже трусики? Ведь вес Воробьева велик, всего 150 граммов нехватало ему для перехода в другую категорию. Тогда мы все встали вокруг помоста и заслонили товарища от зрительного зала.

Воробьев поднялся на весы, и судьи убедились в том, что его вес не превышает установленной нормы. Но вес штанги оказался больше на целый килограмм. Да, это был новый мировой рекорд. Сотни людей, присутствовавшие при его установлении, счастливые тем, что им удалось стать свидетелями этого события, встретили успех моего товарища громовой овацией.

Таким образом, после рывка Аркадий не только догнал меня, но и перегнал на два с половиной килограмма. Я слишком хорошо знал наши возможности в толчке, чтобы понять суровую истину: догнать Воробьева мне не удастся. Но, несмотря на это, решение мое было твердо: продолжать борьбу до конца, сделать все возможное, чтобы ликвидировать разрыв. Я стремился к этому не только для того, чтобы завоевать золотую медаль, но и для того, чтобы выиграть мой поединок с Гофманом.

Час отдыха, который был в нашем распоряжении, пока остальные участники соревнований вели борьбу с более легкими весами, мы провели с Аркадием вместе, обсуждая ход борьбы. О том, что уже случилось, мы говорили охотно, но то, что нам предстоит, обходили молчанием. Только перед самым выходом к помосту Воробьев сказал мне:

— Ты не волнуйся, Трофим. Чем бы ни закончился толчок, победим мы оба. Ведь первые два места нам обеспечены. Считай, что наша команда имеет 25 очков. Пусть попробует Гофман догнать нас!

И вот мы снова на помосте. Станчик начинает толчок со 160 килограммов. Я и Воробьев выходим к штанге, когда на нее насажено еще 2,5 килограмма. Мы оба поднимаем этот вес. Просим сразу поставить 167,5 килограмма, и оба используем свои попытки. Но что же Станчик? Станчик пропускает!

— Будет пытаться догнать тебя, — шепнул мне Аркадий, пока мы стояли рядом, наблюдая за действиями секундантов.

На штангу устанавливалось 170 килограммов. Это была последняя моя попытка, последний шанс догнать Аркадия. Если я подниму этот вес, у нас будет одинаковая сумма, рекордная сумма. Ведь Воробьев уже набрал 430 килограммов, побив мировой рекорд.

Ведь однажды мне удалось победить Воробьева в толчке. Мировой рекорд в этом движении принадлежит мне. И снова я стараюсь представить себе, что нахожусь не в Стокгольме, а в Москве и собираюсь бить мировой рекорд Аркадия. Тогда это мне удалось. Почему не может еще раз прийти удача? «Смелее, Ломакин, смелее!» — говорю я себе и с этой мыслью стремительно подхожу к штанге. Рывок — и штанга у меня на груди. Полдела сделано. Теперь надо подняться, приставить ногу. Но в тот момент, когда я попытался подвернуть локти, весь захваченный борьбой с огромной тяжестью, давящей и сгибающей мое тело, я почувствовал, что движения теряют свою собранность, слитность. И когда штанга была брошена на помост, я отошел в сторону, уже зная, что мировое первенство завоевано Воробьевым.

Итак, я на втором месте. На втором? Нет, это еще неизвестно. Ведь у Станчика есть третья попытка. Он, конечно, пропустит 170 килограммов. Этот вес не может его спасти. Ему надо поднять больше. А на штанге уже устанавливают 172,5 килограмма. Это Аркадий, обеспечив себе первое место, будет сейчас пытаться бить мой мировой рекорд. Вот он на помосте. В зале так тихо, что в последних рядах, наверное, слышно дыхание Воробьева. Но в следующее мгновение насту-

Безмолвие сменяется грохотом летящей вниз штанги. Попытка Аркадию не удалась.

Теперь очередь Станчика. Но где же американец? Его нет. Неловкая пауза все длится и длится. В чем дело? Я спрашиваю об этом своего тренера, и в ответ Механик показывает в угол. Там помощники Гофмана что-то лихорадочно высчитывают на листке бумаги.

— Считаю, сколько надо толкнуть Станчику, чтобы догнать тебя, — говорит Механик.

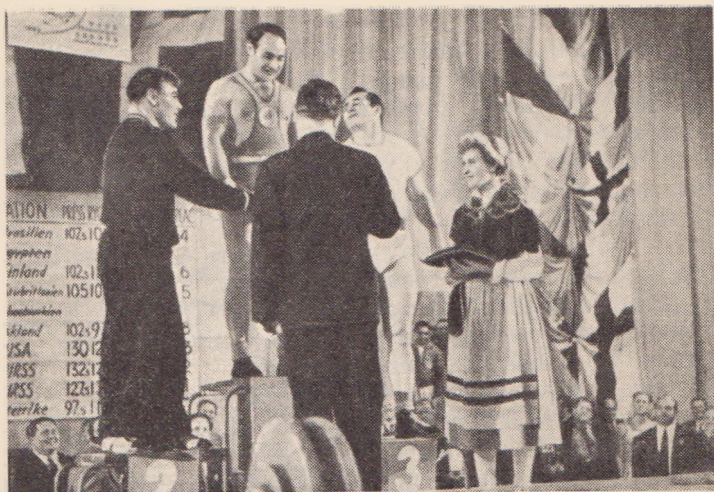
Уже несколько раз судья вызывал Станчика, и вот, наконец, тот выходит вперед. Станчик тоже будет пытаться поднять 172,5 килограмма.

Зал возбужденным гулом встречает появление американца. Вот он у штанги. Вот он на мгновение замирает, склонившись над грифом, и тянет штангу вверх. Я вижу, как Гофман, красный, возбужденный, впился глазами в своего спортсмена. Но в следующее мгновение Гофман поблек, отвернулся, и тут же послышался грохот падающей на помост штанги.

Так закончилось выступление советской команды. Мы набрали 25 очков. На четыре меньше, чем думали. Но разве это мало? Разве это плохой результат, если учесть, что у американцев сейчас всего 14 очков. Их ведь тоже ждут неожиданности.

Наблюдая борьбу в полутяжелом весе, мы еще раз пожалели о том, что вышел из строя Федор Осыпа. Второе место было бы ему обеспечено. Египтянин Салех, занявший второе место, поднял в сумме трех движений всего 400 килограммов. Результат Федора Осыпы, не раз показанный им на соревнованиях, был значительно выше — 420 килограммов.

Теперь американцы имеют 19 очков. Шесть очков им нужно набрать в тяжелом весе, чтобы догнать

На пьедестале почета в Стокгольме. В центре чемпион мира А. Воробьев, слева Т. Ломакин, справа С. Станчик.

нашу команду. Следовательно, Дэвис и Бредфорд должны занять первое и третье места. Да, Боб Гофман не ошибся, предполагая, что судьба первого места окажется в руках двух негров.

Теперь я зритель. Но я попрежнему чувствую себя участником борьбы, хотя уже никак не могу повлиять на ее исход. Рядом со мной сидит Стэнли Станчик. Наблюдаю за ним. Американец спокоен. Его как будто бы совсем не интересует, чем кончится поединок двух сильнейших команд мира.

— Дэвис? — спрашиваю я у Станчика. Американец пожимает плечами:

— Трудно Дэвису. Даг Хепбурн сильный противник.

— Но Гофман заявлял, что канадец не страшен Дэвису, — напоминаю я.

Станчик с улыбкой машет рукой:

— О, это реклама. У Гофмана все реклама. — И помолчал и погрузившись, добавляет: — Мы все для Гофмана реклама: и я, и Дэвис, и Шепард. Всех нас он держит, пока мы полезны. А потом... — и Станчик красноречиво машет рукой.

— А что же потом?

— Потом продавец в спортивном магазине «Барбелл компани»... если не уволят.

Этот разговор глубоко взволновал меня. Да, мы правильно представляли себе фигуру американского бодибилдера. Но почему так откровенен Стэнли Станчик? Видно, после своего поражения он чувствует, что подходит конец его спортивной карьере, что Гофман в лучшем случае предоставит ему возможность продавать штанги в одном из семнадцати магазинов иоркской компании атлетического инвентаря.

Я на мгновение представил себя на месте Станчика, и тяжело стало у меня на душе. Вот он сидит рядом со мной, плечом к плечу, американский парень, отдавший лучшие годы своей жизни для прославления белкового напитка, минеральных пиллюль и снарядов для развития мышц. Он был слугой акционеров спортивного бизнеса. Теперь он сделал свое дело, он выходит в тираж. Чего же ему волноваться за судьбы своей компании?

А на помосте в это время уже стояли тяжеловесы. Билл молодой взволнованный Бредфорд выходит для первой попытки в жиме. На штанге 135 килограммов. Билл довольно легко берет этот вес. Вслед за ним берет 140 килограммов Дэвис.

На штанге 150 килограммов. В борьбу включается аргентинец Сельветти. Дэвис также использует свою вторую попытку.

На штанге 155 килограммов. На помост выходит Хепбурн. В его фигуре поражает странное несоответствие мощного квадратного торса и тонких ног. Одна нога плотно забинтована. Мы уже знаем, что Хепбурн в детстве повредил ее. Но какая мощь в движениях канадца. Легко поднимает он штангу на грудь. Необъятные мышцы его рук жмут штангу вверх. Вес взят! Вспыхивают две белые лампочки и одна красная.

Но что это? Боб Гофман, размахивая руками, бросается к судейскому столу, что-то горячо доказывает. Его шея налилась кровью. В зале нарастает возмущенный рокот. Судьи растерянно переглядываются, а Хепбурн стоит на помосте и, видимо, не может понять, что происходит. Вот главный судья совещается со своими помощниками и, поднявшись, объявляет: «Вес не засчитан».

Рокот зрительного зала переходит в оглушительный гул, и Хепбурн, улыбаясь, прикрывает свои уши. Боб Гофман действует. Мы знаем, что сейчас он не будет стесняться. Слишком многое поставлено на карту.

Поднимается на помост Дэвис, чтобы использовать свою последнюю попытку. Вес взят. Поднимается для второй попытки Сельветти и также поднимает 155 килограммов. Но Хепбурн не выходит к штанге. Он появляется на помосте только тогда, когда на штанге устанавливают 165 килограммов, и поднимает ее с такой легкостью, словно на нее насажены не чугунные, а деревянные диски.

Овацией встречают зрители ответ канадского атлета Бобу Гофману. Теперь уже все участники закончили

Только у Хепбурна осталась одна попытка. Он требует прибавить еще 2,5 килограмма.

В зале стало так тихо, что с улицы донесся гул толпы, собравшейся у входа и ждущей там результатов этого решающего дня. На штанге вес нового мирового рекорда, и Даг Хепбурн легко, без видимых усилий, вздымает штангу вверх. Еще громче овация залу. Она не прекращалась ни на мгновение все то время, которое потребовалось для того, чтобы взвесить штангу и проверить вес штанги. Ее действительный вес еще больше — 168,5 килограмма. Феноменальный результат! Грозное предзнаменование для американцев. Уже после первого движения Хепбурн обогнал Дэвиса на 12,5 килограмма, а Сельветти — Бредфорда на 20 килограммов (Бредфорд поднял 140 килограммов, Сельветти — 160).

«Ну, теперь аргентинцу не сдобровать, — подумал я, — теперь ему придется иметь дело с Гофманом».

Рывок начали Хепбурн и Сельветти. Они оба подняли по 125 килограммов. Затем канадец взял 130 килограммов. На штанге прибавили еще 2,5 килограмма, и в борьбу вступил Бредфорд. Он взял этот вес. А когда ему на смену вышел Хумберто Сельветти, в борьбу вступил Боб Гофман. Дважды аргентинец поднимал вверх штангу, и дважды Гофман бросался к столу судейской коллегии, крича во весь голос, размахивая руками. Две попытки Сельветти не были засчитаны.

Этот эпизод настолько обострил обстановку в зале, что теперь гул голосов уже не прекращался ни на мгновение. Все чаще несло из зала: «Янки, домой!», «Бэки, назад!» Вся дальнейшая борьба шла под эти неголосующие крики. Больно было смотреть на Дэвиса и Бредфорда, выходящих под эти крики на помост. Дэвис был бледен, и черные его усики еще больше оттеняли

светлокофейный цвет его лица. Бредфорд между попытками кутался в одеяло, словно стараясь укрыться от негодующих криков зала.

На штанге 135 килограммов. На помосте Дэвис. Попытка не засчитана, а Хепбурн безошибочно использует свой третий подход. На второй попытке удается рывок и Дэвису. Теперь на штанге еще на два с половиной килограмма больше. Рывок выполняет Бредфорд. Он, видимо, прилагает отчаянные усилия, чтобы ликвидировать просвет, образовавшийся между ним и Сельветти. Вес взят.

На штанге 140 килограммов. Снова Бредфорд пытается приблизиться к аргентинцу. На этот раз его попытка безуспешна, но все же 12,5 килограмма, правда с помощью своего босса, молодой негр отыграл.

Теперь осталась одна попытка только у Дэвиса. Он требует поставить на штангу еще 2,5 килограмма и срывается так же, как и его товарищ по команде. Две красные лампочки, вспыхнувшие на судейских пультах, убедительно говорят об этом. И тут же с места срывается Гофман. Он опять устремляется к столу жюри, но такой оглушительный свист, такой вопль встречает его появление на сцене, что президент международной федерации Ньюберг, в свою очередь вскочив с места, жестами показывает Гофману, чтобы он не приближался.

Итак, не удалось Дэвису догнать канадца и после второго движения. Уверенно движется Хепбурн к победе. Он начинает толчок первым со 150 килограммов и берет этот вес. Со 160 килограммов включается в борьбу Сельветти и тоже удачно.

На штанге 165 килограммов, а Дэвис и Бредфорд все еще не выходят на помост. Это и понятно: они берегут попытки, они будут стремиться догнать своих

противников на предельных весах. Какого огромного напряжения это потребует от двух негров, но что до этого Бобу Гофману, ведь не Дэвис и Бредфорд, а их босс распоряжается попытками своих атлетов.

Даг Хепбурн направляется к помосту, слегка прихрамывая. Лицо его попрежнему невозмутимо, он словно о чем-то задумался, и никакие страсти, бушующие в зале, не могут вывести его из равновесия. Удивительный человек. Он будто бы не видит того, что происходит вокруг. Он не замечает Гофмана, ерзающего, подпрыгивающего на своем месте, готового в любой момент к очередной броску. Он не обращает внимания на фотографов, обстреливающих со всех сторон его могучую фигуру, слепящих его своими лампами. Даг делает свое дело, к которому он готовился долгие восемь лет. Даг оправдывает деньги, вложенные им по подписному листу, пущенному по всей Канаде. Даг толкает 165 килограммов. Видимо, большая нога мешает ему. Его движения скованны. Он не может глубоко присесть под штангу, и она с грохотом валится на помост. Снова очередь Сельветти, и горячие аплодисменты зрителей встречают его удачную попытку.

Последняя попытка Хепбурна. Если он не возьмет этого веса, его победа под большой угрозой. На мгновение зал затихает, и тишина после возбужденного гула еще более оглушительна. Канадец на помосте. Не торопясь, словно взвешивая каждое свое движение, каждый жест, наклоняется он к грифу, и вздох облегчения проносится по рядам, затем счастливый смех, возгласы, аплодисменты. Где же невозмутимость шведов, о которой мы столько слышали? И тут же радость, охватившая зал, сменяется новым приступом ярости. В чем дело? Ну да, конечно, это Гофман снова

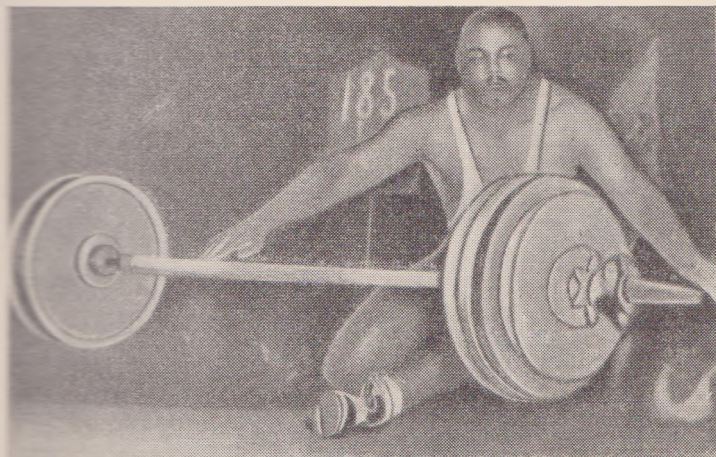
поднимается с места, но, услышав оглушительный свист и топот сотен ног, тут же садится обратно. Это удивительно! Гофман сломлен, Гофман сдался. Его заставили сдать сотни простых людей, включившихся в борьбу, вставших на защиту честности и справедливости. Третья попытка Хепбурна засчитана.

Итак, канадец закончил соревнование. Можно подвести итоги. Я вижу, как многие зрители лихорадочно складывают на листках бумаги, на обложках программ три цифры — 167,5 килограмма, 135 килограммов и 165 килограммов. Сумма — 467,5 килограмма.

А в это время вступают в борьбу два американских атлета. На штанге 167,5 килограмма. На помосте Дэвис. Вес взят. Пытается использовать свою последнюю попытку Сельветти, но неудачно. Теперь аргентинец закончил борьбу, подняв в сумме трех движений 450 килограммов и обеспечив себе третье место.

К штанге выходит Бредфорд. Его движения потеряли упругость, уверенность. Чувствуется, что молодой негр потрясен, подавлен. И еще до того, как он пытается взять штангу на грудь, мне уже ясно — попытка сорвалась. Второй раз выходит Бредфорд. И снова неудача. В третий раз он пытается поднять 172,5 килограмма. Это безумие. Но таков, видимо, приказ Гофмана. Только этот вес может позволить Бредфорду догнать Сельветти.

Больно смотреть на молодого атлета. В каждом его движении обреченность, почти ужас. Он знает, что не сможет поднять штанги, но должен поднять ее. Так хочет Гофман, так требует босс. И когда огромный вес валится из его ослабевших рук, поникший Бредфорд спускается с помоста и, сев на ступеньку, застывает

Американский штангист тяжелого веса Д. Дэвис падает вместе со штангой.

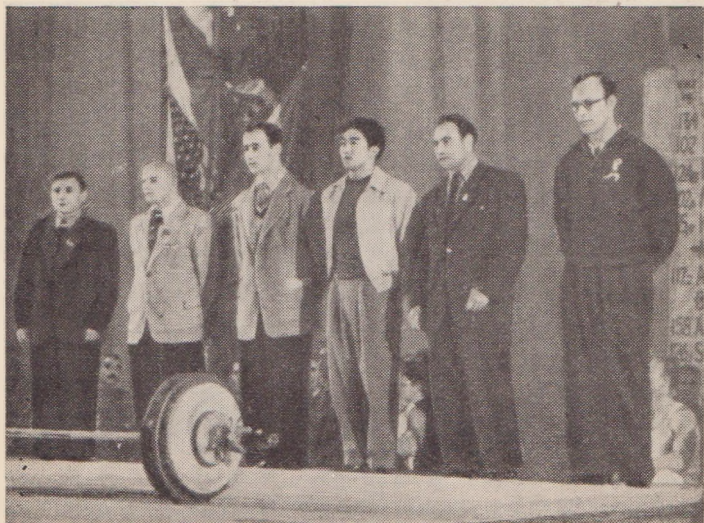
в скорбной позе, охватив свою курчавую голову руками.

Я подхожу к нему, кладу руку ему на плечо, пытаюсь хоть этим прикосновением утешить американца. На меня смотрят снизу два больших черных глаза, до краев налитые слезами. Потом Бредфорд своим глухим, глубоким басом говорит:

— Теперь босс... — и, опустив большой палец к полу, заканчивает фразу этим красноречивым жестом.

Чем я могу утешить Джеймса Бредфорда? Где взять для этого слова?

А в это время Дэвис делал последние отчаянные усилия для того, чтобы догнать Хепбурна. Он пропустил

Чемпионы мира по подниманию тяжестей (слева направо) И. Удодов (СССР), Н. Саксонов (СССР), П. Джорж (США), Т. Коно (США), А. Воробьев (СССР), Н. Шеманский (США).

вес в 172,5 килограмма. Он пропустил следующий вес — 175 килограммов и вышел на помост, когда на штанге было 177,5 килограмма. Только подняв этот огромный вес, Дэвис мог догнать Хелбурна. Два раза замечательный атлет, не раз торжествовавший победу на крупнейших международных соревнованиях, пытался поднять штангу и оба раза безуспешно.

Я видел Джона Дэвиса в тот момент, когда, окончательно примирившись со своим поражением, он спустился с помоста и, усталый, осунувшийся, принимал поздравление Боба Гофмана. Да, у Гофмана хватило

выдержки для того, чтобы подойти и пожать руку человеку, который столько лет прославлял силу американских парней... и качество изделий «Барбелл компани». Но тут же, отойдя от Дэвиса, он стал показывать всем телеграмму от Терпака, в которой сообщалось, что молодой выдающийся атлет тяжелого веса, швед по происхождению, Андерсен добился новых успехов. Гофман носился с телеграммой и говорил всем: «Мы ошиблись, что взяли в Стокгольм Дэвиса...»

Через два месяца наши легкоатлеты, приехав в Стокгольм, услышали рассказ, глубоко меня взволновавший. Оказывается, Боб Гофман бросил Дэвиса и Бредфорда в Стокгольме, как говорится, на произвол судьбы. Бредфорд был в отчаянии и не знал, что ему делать, а Дэвис пел песенки в стокгольмских кабаках, зарабатывая деньги на обратный проезд в Америку.

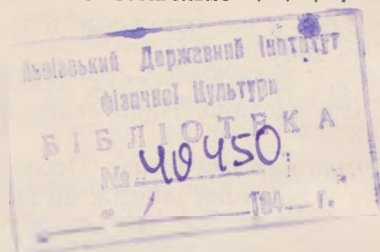
На следующее утро после окончания соревнований советская команда получила хрустальную вазу — приз командного первенства. Дружной и веселой группой вышли мы на освещенные солнцем улицы Стокгольма. Аркадий Воробьев бережно нес в руках хрустальную вазу, а все остальные шли за ним, переговариваясь на ходу.

— Ну что же, ребята, — сказал Николай Иванович Шатов. — Дело сделано. Надо снова браться за работу.

Да, так думал каждый из нас. Победа была достигнута, большая и почетная победа, но впереди — новые усилия, новые поиски. Впереди новая борьба, и мы, уверенные в своих силах, шли ей навстречу.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Первый шаг	7
Путешествие в прошлое и будущее	22
Студенческая жизнь	35
Новая задача	48
В строю сильнейших	58
Перелом	69
На новом рубеже	84
Станчик рядом	99
Слагаемые победы	117
Станчик побит	130
Борьба продолжается	169
На помосте в Стокгольме	185

Редактор *М. Данилова*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Л. Кириллина*

А08719 Подп. к печ. 26 XII 1953 г. Бумага 70×103¹/₂ мм

3,5 бум. л. = 9,4 печ. л. Уч.-изд. л. 8,85.

Тираж 30 000 экз. Цена 3 р. 70 к. Заказ 2477

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия». Москва, Суцеская, 21.